

0-74
13
Г. ОСМАНОВ

БНЗ. Чит. зала

АГРАРНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ДАГЕСТАНЕ
В ПЕРИОД
СТРОИТЕЛЬСТВА
СОЦИАЛИЗМА

Г. Османов

Экз. Чит. Зала

9(Дзг)

О-74

Чит. Зал

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

В ПЕРИОД
СТРОИТЕЛЬСТВА
СОЦИАЛИЗМА

instituteofhistory.ru

Дагестанское книжное
издательство Махачкала • 1970

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------	---

Раздел первый

СОЗДАНИЕ ОБЩЕНАРОДНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 9

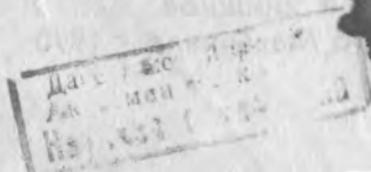
Глава I. Аграрные отношения и классовая борьба в дагестанском ауле накануне Октябрьской революции	9
Глава II. Характер первых аграрных преобразований	26
Глава III. Особенности первых аграрных преобразований	44
Глава IV. Место и роль патриархально-феодалных отношений	50
Глава V. Арендные отношения	57
Глава VI. Отношения найма и продажи рабочей силы	67
Глава VII. Аграрные преобразования середины 20-х годов	77

Раздел второй

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Глава I. Основные принципы ленинского кооперативного плана	111
Глава II. Начало колхозного движения в ДАССР	117
Глава III. Курс на коллективизацию сельского хозяйства	137
Глава IV. Начало массового колхозного движения	159
Глава V. Трудности колхозного строительства	177
Глава VI. Победа колхозного строя в ДАССР	189
Заключение	208

58147

ВВЕДЕНИЕ

Аграрно-крестьянский вопрос занимает видное место в научном арсенале марксистско-ленинской теории. Этому вопросу была посвящена одна из первых марксистских работ В. И. Ленина — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893 г.). И это не случайно. Россия была отсталой, сплошь крестьянской страной. В. И. Ленин впервые раскрыл всю сложность аграрного вопроса в России и указал, что без ликвидации помещичьего многоземелья и крестьянского малоземелья, при сохранении отсталых средневековых форм эксплуатации и кабалы нечего и думать о внедрении передовых методов ведения сельского хозяйства и подъеме производительных сил.

Опираясь на политико-экономический анализ огромного статистического материала, В. И. Ленин окончательно развенчал утопические представления народников о крестьянской общине как зародыше социализма и доказал, что русская община не только не является антагонистом капитализма, а, напротив, ежедневно и ежечасно порождает капитализм, что внутри общины идет интенсивный процесс разложения крестьян. В. И. Ленин показал общность интересов городского пролетариата и пролетарских и полупролетарских слоев деревни. Больше того, в процессе тщательного изучения российской действительности тех лет В. И. Ленин еще в самом начале нашего века пришел к выводу о наличии в деревне двух социальных войн: войны всего крестьянства против помещиков и в их лице против остатков крепостничества и войны между деревенским пролетариатом и деревенской буржуазией. В. И. Ленин отмечал, что в крестьянской стране рабочий класс может победить лишь при

поддержке крестьянской бедноты. Одновременно, решительно отвергая меньшевистские домыслы о реакционности крестьянства, он указал на неизбежность аграрного переворота и считал, что этот переворот осуществим только под руководством пролетариата.

В. И. Ленин впервые разработал и общие принципы марксистской аграрной программы. Одним из главных требований ленинской аграрной программы была немедленная конфискация помещичьих земель и национализация всей земли. Другим принципом ленинской аграрной программы было всемерное поощрение участия трудящихся слоев деревни в создании крупных общественных хозяйств в земледелии. В. И. Ленин еще в мае 1917 г. отмечал, что мелкое хозяйство не в состоянии избавить человечество от нищеты, и указывал на необходимость перехода к крупному общественному хозяйству, причем принцип добровольности он считал основополагающим при создании такого хозяйства. «Лишь те объединения ценны, — писал В. И. Ленин, — которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике»¹.

В подготовке крестьян к коллективному хозяйству решающую роль В. И. Ленин отводил кооперации и машинной индустрии. Всем памяты его слова, сказанные на VIII съезде РКП(б) в 1919 г.: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами,.. то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)»². В процессе борьбы за осуществление ленинского плана строительства социализма была создана необходимая материально-техническая база, опираясь на которую удалось осуществить реконструкцию сельского хозяйства. Торжество крупного общественного хозяйства в земледелии означало и торжество ленинской аграрной программы.

Вместе с тем общеизвестно, что В. И. Ленин был непримиримым противником шаблона и механического копирования. Разрабатывая общие принципы социалистического строительства, он указывал на необходимость их творческого применения, сообразуясь с особенностями

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 208.

² Там же, стр. 204.

социально-экономического, политического и культурного развития каждого народа. В этом отношении характерно письмо В. И. Ленина к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики, написанное 14 апреля 1921 года. В. И. Ленин считал, что в борьбе за социализм «Всего более важно... чтобы коммунисты Закавказья поняли *своеобразие* их положения,.. поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»³. И это своеобразие он видел прежде всего в том, что «кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия»⁴. Исходя из этого, он настоятельно рекомендовал проявлять больше мягкости и осторожности особенно в отношении крестьян. «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР»⁵, — указывал В. И. Ленин.

В письме была намечена и широкая программа действий по возрождению края. В. И. Ленин считал настоятельно необходимым прежде всего улучшить положение крестьян и начать крупные работы по электрификации и орошению. «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁶.

Эти мудрые ленинские указания легли в основу деятельности коммунистов Кавказа в борьбе за социализм. Ими руководствуемся мы и в настоящее время в условиях строительства коммунизма.

* * *

Строительство коммунистического общества неизбежно сопровождается усилением процесса сближения классов и классовых прослоек, процесса постепенного стирания классовых различий в нашей стране. Причем наибольшие перемены переживает и предстоит пережить крестьянству.

---

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 199.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 200.

Почему именно крестьяне должны пережить наибольшие перемены в процессе стирания классовых различий и исчезновения классов, почему именно крестьяне должны подняться до уровня рабочего класса по квалификации и условиям труда, по культурно-техническому уровню? Отвечая на этот вопрос, следует указать на то, что крестьянство составляло абсолютное большинство населения нашей страны, что оно было наиболее темной, наиболее отсталой, а поэтому и наиболее бесправной и угнетенной частью трудящихся слоев населения.

В период становления и развития капитализма крестьянство стало разлагаться, расслаиваться: небольшая часть, сосредоточив в своих руках средства производства, превращалась в буржуазию; другая, значительная часть, не выдерживая конкуренции с крупными собственниками, разорялась и пополняла ряды обездоленных пролетариев. В ходе развития капитализма, с появлением машинной индустрии и крупного фабрично-заводского производства на арену истории вышел рабочий класс — самая передовая и самая революционная сила человеческого общества. Его место в истории тесно связано с характером его труда, с его ролью в производстве.

Постепенно высокопроизводительная техника стала проникать и в сельское хозяйство. Если до этого сельскохозяйственное производство опиралось на физический труд, то с развитием техники физический труд все больше стал заменяться трудом механическим.

В условиях капитализма внедрение техники и рост производительности труда в сельском хозяйстве неминуемо ведут к дальнейшему усилению процесса разорения и обнищания миллионов мелких производителей, которые пополняют ряды пролетариев.

В эпоху социализма развитие производительных сил сельского хозяйства способствует росту благосостояния населения, стиранию классовых различий и сближению классов и классовых групп. С внедрением высокопроизводительной техники сельскохозяйственный труд все больше и больше превращается в разновидность индустриального, а это в свою очередь служит почвой для стирания различий между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней.

И при капитализме, и при социализме рост городов

и городского населения, рост рядов рабочего класса главным образом идет за счет уменьшения сельского населения, за счет сокращения крестьянства.

Но по своему характеру этот процесс в условиях социализма имеет коренные качественные различия по сравнению с процессом в условиях капитализма.

Неизбежным следствием развития капитализма является процесс разложения крестьянства, разорение и обнищание подавляющего большинства мелких производителей. В период становления капитализма дороги и тюрьмы Англии, Франции и Германии были забиты бродягами и бездомными. В Англии развитие текстильной промышленности и увеличение спроса на шерсть привели к тому, что крупные земельные магнаты—ленд-лорды отняли у крестьян последние клочки земли, чтобы иметь пастбища для разведения овец. Тогда же возникла и поговорка — «овцы поели людей».

Еще больше тягот, еще больше горя и нищеты принес капитализм народам слаборазвитых и колониальных стран, которые стали объектом открытого грабежа и насилия.

В условиях социализма рост городов и городского населения, рост рабочего класса и трудовой интеллигенции, с одной стороны, и сокращение сельского населения вообще и крестьянства в частности, с другой, происходит за счет роста культурно-технического уровня населения и планомерной подготовки индустриальных кадров рабочих и инженерно-технического персонала.

Россия была сравнительно слаборазвитой аграрной страной. Коммунистическая партия поставила перед собой задачу ликвидировать вековую отсталость и сделать страну высокоразвитой индустриальной державой. Выполнение этой задачи было связано со значительным увеличением рабочего класса и инженерно-технических работников. Между тем естественный прирост городского населения не мог удовлетворить растущие из года в год потребности промышленности в рабочей силе. Поэтому главным резервом, главным источником рабочей силы, необходимой для промышленности, была деревня.

Причем, если в условиях капитализма разоренный мелкий производитель оказывается брошенным на произвол судьбы, то в условиях социализма приобщение части крестьян к фабрично-заводскому производству

происходит планомерным путем. Коммунистическая партия и Советское государство обеспечивают им все возможности для того, чтобы предварительно они получили необходимую специальность и навыки для работы в промышленности.

Все это взятое вместе и делает историю крестьян наиболее притягательной и интересной. Видимо, этим и надо объяснять нарастающий интерес советской исторической науки к деревенской тематике, видимо, в этом надо видеть причину того, что исследователи стремятся все глубже проникнуть в сущность тех изменений, которые претерпело наше крестьянство.

В книге, предлагаемой вниманию читателя, рассказывается о том, как был решен аграрно-крестьянский вопрос в конкретных условиях Дагестана. К сожалению, этот вопрос до сих пор не привлекает должного внимания исследователей, и данная книга — чуть ли не единственная, посвященная аграрным отношениям в Дагестане в период строительства социализма. Поэтому естественно в ней могут быть упущения и недостатки. Автор будет благодарен, если читатель устно или печатно выскажется о них.

СОЗДАНИЕ ОБЩЕНАРОДНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Глава I

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дореволюционному Дагестану были присущи все черты, свойственные обществу, переживающему переход от одних общественно-экономических отношений к другим. Причем в ряде случаев отношения, которые стали господствующими в одних районах, в других делали лишь первые шаги. Вследствие этого строй общественных отношений в области был крайне пестрым и многоукладным. Наблюдалась картина, свойственная, обычно, для переходного периода. И тем не менее в нашей науке утвердилась мысль о том, что до Великой Октябрьской социалистической революции в Дагестане преобладали патриархально-феодалные отношения. Об этом свидетельствуют и данные статистики начала нашего века. Обратимся к материалам о землевладении и землепользовании. Согласно этим данным три крупных собственника земли—частные владельцы, царская казна и мусульманская мечеть владели 622 тыс. десятин земли, или 39,3% всех земельных угодий области. Наиболее крупными из них были частные владельцы. Они сосредоточили у себя 458 тыс. десятин земли. Особенно много земель принадлежало частным владельцам в равнинных земледельческих округах — Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском. В этих трех округах 760 собственников имели 352 тыс. десятин земли, столько же, сколько у 72 409 крестьянских хозяйств. Причем в качестве главных собственников выступали представители привилегированного дворянского или бекского сословия. Им принадлежало свыше 63 проц.

всех частновладельческих земель. Главным образом это были крупные собственники. В частном землевладении мелкая собственность вообще играла незначительную роль.

В Кайтаго-Табасаранском округе 41 владелец из 240 сосредоточил у себя 76 проц. всей частновладельческой земли. На каждого из них приходилось в среднем свыше 1200 десятин земли или столько же, сколько на 180 крестьянских хозяйств. В этом наиболее многоземельном округе Дагестана треть всей земли находилась в руках потомков двух владетельных родов—Уцмия Кайтагского и майсума Табасаранского — у беков Уцмиевых было 13 804 десятины, у Табасаранских — 12 тыс. десятин.

Аналогичную картину видим мы и в Кюринском округе. И здесь 70 проц. всей частновладельческой земли приходилось на долю 21 крупного собственника из всех 304 частных владельцев.

В качестве крупного собственника земли выступала также царская казна. Накануне Октябрьской революции казенные земли в Дагестане достигли 168 980 десятин. Но это далеко не все. Царское правительство считало себя монопольным собственником всех крестьянских земель и не упускало случая воспользоваться правами, вытекающими из этого: используя всякую возможность или же без всякого повода царские власти захватывали огромные участки крестьянской земли и сдавали их в аренду сельским обществам, жаловали ими дворян, сажали на них колонистов. Со дня окончания Кавказской войны и до самого 1917 года уздени назывались государственными крестьянами, сидящими на «казенных землях», состоящих в постоянном «пользовании поселян»¹. За ними не признавалось право собственности даже на мюльки.

Дагестанские уздени не принимали точки зрения царизма и считали землю своей собственностью: отчуждали ее, передавали по наследству, завещали мечети. Борьба на этой почве продолжалась до самой революции.

Видное место среди крупных собственников земли занимала мусульманская мечеть. Накануне революции в ее руках находилось свыше 13 тыс. десятин земли. Наряду с этим, мечеть имела и другое самое различное движимое и недвижимое имущество, завещанное ей прихо-

---

¹ ТПСЗ, 1907, т. XX, оп. 1, стр. 778.

жанами. Все тяготы, связанные с сохранением мечетского имущества и ведением мечетского хозяйства — обработка земли, сбор урожая, доставка дров для мечети, ремонт мечетских домов и мельниц и т. д. и т. п., — лежали на крестьянах. Наиболее тяжелой повинностью, хотя формально не установленной, но в тех условиях обязательной, была мечетская десятина — закят. Наряду с этим, крестьяне обязаны были содержать духовенство, платить ему за отправленные религиозных обрядов, обучение детей, за ведение гражданских и уголовных дел по шариату. Все эти в основном натуральные обязательства крестьян в пользу мусульманской мечети приносили последней в денежном выражении до 2 млн. руб. ежегодно.

Таким образом, в дореволюционном Дагестане господствовала власть земли, приобретаемая по наследству, власть средневекового землевладения. Говоря словами В. И. Ленина, земля по-прежнему (по-средневековому) была сосредоточена в руках вчерашних крепостников-помещиков².

Средневековое распределение земли, хотя и в меньшей степени, было характерно и для крестьянского землевладения. Правда, неравномерность распределения наделной земли между крестьянами была неизмеримо меньше, чем между частными землевладельцами. Зато среди них существовала масса другого рода различий. Это исторически сложившиеся различия между разрядами крестьян. Статистика того периода называет государственных, частновладельческих, временнообязанных и т. п. крестьян. Причем имелись существенные различия и внутри этих разрядов. Например, бывшие частновладельческие крестьяне делились на зависимых узденей и раят, которые значительно отличались друг от друга по своему правовому и экономическому положению. Это различие между отдельными группами и разрядами крестьян в основном определило и неравномерность в распределении земли между ними. Так, в среднем по Дагестану на двор частновладельческих крестьян приходилось 9,4 десятины, на двор узденя, которого статистика того времени называет государственным крестьянином, — 6,6 десятины, на двор колониста — 20,6 десятины. Если судить по этим цифрам, уздень имел меньше земли,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 62.

чем частновладельческий крестьянин. Но при более близком ознакомлении со статистикой выясняется следующее: частновладельческие крестьяне в основной своей массе проживали на равнине, где было много удобной под пашню земли, а три четверти узденей находились в горной части области, где всегда чувствовался острый земельный голод и каждый клочок земли приходилось отвоевывать у природы трудом поколений. Поэтому средние данные о землевладении этих групп в целом по Дагестану не отражают действительного положения. Со всем иную картину мы увидим, сопоставив их землевладение по округам. Так, в Аварском округе на двор узденя приходилось 6,8 десятины земли, а на двор бывших частновладельческих крестьян — 1,3 десятины; Казикумухском соответственно — 6,1 и 4,8; в Кюринском — 8,6 и 7,7; в Темир-Хан-Шуринском — 16,7 и 12,7 десятины. Эти цифры говорят о разнице, существовавшей между отдельными разрядами крестьян, о разнице чисто средневековой. Причем они отличались друг от друга не только количеством земли, но и размерами платежей в пользу казны и владельцев.

Черты средневековья были характерны не только для землевладения, но и для экономической организации хозяйств того времени. Как известно, мусульманское дворянство, в том числе и дагестанское, за редким исключением, хозяйством само не занималось. По сообщению «Вестника финансов, промышленности и торговли» за 1900 год, «в силу традиций, укоренившихся еще до русского владычества, беки хозяйства сами не ведут, а сдают свои земли в аренду из известной доли урожая...» Наиболее распространенной формой в Дагестане была аренда на половинных началах, т. е. испольщина. Широко была распространена также сдача земли за отработки.

В первом случае все продукты земледелия делились пополам между владельцем и арендатором, во втором — за арендованный участок земли или пуд хлеба, за несколько рублей денег крестьянин должен был выполнить весь условленный комплекс сельскохозяйственных работ на земле владельца. Очевидно, эти кабальные средневековые формы эксплуатации были следствием сохранения феодальной собственности на землю, следствием сохранения средневекового землевладения.

На тех же основаниях сдавалась и вакуфная земля. Правда, опираясь на религиозный фанатизм, мечеть для обработки вакуфной земли и ведения вакуфного хозяйства нередко пользовалась «услугами» крестьян за «отпущение грехов». Обычно встречалась также аренда из одной трети урожая и даже из одной шестой. Но эти формы аренды вакуфной земли были развиты слабо. Преобладающая же форма аренды — это аренда исполу.

Особенно сильны были патриархально-феодалные и даже патриархально-родовые формы организации в крестьянском хозяйстве. Так, во многих аулах бедняк обязан был работать по очистке и исправлению оросительной системы и платить за охрану посевов наравне с многоземельным богатеем, пасти общественное стадо столько же дней, сколько крупный собственник, имеющий десятки и сотни голов скота.

По-прежнему довольно широко был распространен патриархальный уклад в овцеводстве. Речь идет о так называемой системе «серкерства». Сущность ее заключается в том, что вокруг одного крупного овцевода группировалось от 10 до 20 мелких. Они образовывали кош — объединение, которое избирало серкера — главу. В его обязанности входили аренда пастбищ и ведение хозяйства коша.

Довольно широко распространенным явлением была родовая собственность на мюльки, особенно на пастбищные горы. А в некоторых аулах сохранялась даже родовая организация сельского общества. В таких обществах влиятельные роды безоговорочно руководили всей хозяйственной и политической жизнью аула.

Патриархально-феодалные отношения находили свое яркое выражение и в сословно-кастовом делении аула на лагов — рабов и узденей — свободных крестьян. Причем потомки бывших рабов подвергались всевозможной дискриминации.

Но особенно сильны были позиции патриархальщины в быту. Авторитарность, или ответственность рода за преступление, кровная месть, калым, многоженство, бесправное положение женщины в семье — вот определяющие черты дагестанского аула того времени.

Таким образом, все это свидетельствует о том, что в экономике и особенно в быту дореволюционного

Дагестана господствовали патриархально-феодалские отношения. Однако это не означает, что они не дали трещины.

Присоединение Дагестана к России и проведение крестьянской и административной реформы резко изменили условия социально-экономического развития области. Товарно-денежные отношения стали проникать во все уголки отсталого колониального Дагестана и втягивать его в общероссийское русло экономического развития. Червь капитализма прочно обосновался в экономике области и медленно, но неумолимо стал разрушать натуральное хозяйство горца.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» писал по этому поводу: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»³.

Однако необходимо иметь в виду, что капитализм этот был привнесен извне, насажден сверху. Правда, это отнюдь не значит, будто в Дагестане до присоединения к России вовсе не было почвы для развития капитализма.

Известно, что исторической предпосылкой возникновения капитализма, как отмечал В. И. Ленин, являются два условия: во-первых, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при сравнительно высоком уровне развития товарного производства вообще и, во-вторых, наличие бесхозяйного рабочего, свободного лично и «свободного» от всяких средств производства⁴. Эти две исторические предпосылки мы встречаем и в Дагестане.

Неблагоприятные естественно-географические и климатические условия значительно сократили рабочий период в сельском хозяйстве. На этой же почве широкое развитие получили домашние промыслы. Для многих аулов Дагестана домашние промыслы являлись главным

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594—595.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 64.

источником существования. Поэтому товарное производство имело довольно глубокие исторические традиции и было достаточно высокоразвитым.

Налицо было и второе условие, на которое указывал В. И. Ленин. Огромное большинство горского крестьянства всегда располагало юридически личной свободой. А включение Дагестана в состав общероссийского рынка ознаменовалось и тем, что горский труженик стал быстро «освобождаться от хозяйства, от средств производства».

Однако процесс капиталонакопления, или, как отмечает В. И. Ленин, «накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц», в Дагестане имел свои особенности. В частности, основной формой накопления денежного капитала было накопление торгового капитала. Это было обусловлено исключительно высокой нормой прибыли в сфере обращения и очень низкой в сфере производства. Даже после почти векового (1813—1913 гг.) развития Дагестана в составе России норма прибыли в сфере обращения была почти в четыре раза выше, чем в сфере производства. Из этого следует, что торговый капитал с самого начала выступал здесь в качестве самостоятельной господствующей формы капитала. Такое положение, как указывает Карл Маркс, характерно для докапиталистических форм капиталонакопления. До присоединения Дагестана к России оно так и было. Но после вхождения Дагестана в состав России и превращения его в часть общероссийского рынка указанное положение претерпело серьезное изменение. Прежде всего на исторической арене появилась русская буржуазия, которая быстро захватила ключевые позиции в сфере производства и превратила Дагестан в источник сырья для промышленности России, и надо сказать, что на отдельных этапах развития, особенно в период маренной лихорадки 40—60 гг. XIX века, Дагестан играл серьезную роль в экономической жизни России.

Затем вторжение российского капитала нарушило закономерный ход исторического процесса и направило Дагестан на путь капиталистического развития. С этого времени исторические судьбы Дагестана стали определяться не только и даже не столько узконациональными закономерностями экономического развития, сколько закономерностями общероссийскими. Поэтому когда мы

говорим об условиях развития капитализма в Дагестане, о норме прибыли в сфере обращения и в сфере производства, как об особенностях экономического развития края, мы не должны упускать из виду указанные выше факторы, к стати характерные не только для Дагестана, но и почти для всех ранее отсталых окраин, где капитализм является привнесенным, насажденным сверху укладом.

Какие же явления свидетельствовали о проникновении капитализма в экономику области? Прежде всего об этом говорят данные об отвлечении населения от земледелия в промышленность. Так, с 1862 по 1913 гг. все население Дагестана выросло примерно на 80%, а численность городского населения увеличилась в 7,8 раза.

Однако, как свидетельствует статистика, этот рост происходил не столько путем перераспределения населения внутри Дагестана, сколько за счет переселенцев из-за пределов области. Для иллюстрации сошлемся на сравнительные данные первой Всероссийской переписи населения 1897 года и данные губернатора области о движении населения в 1913 г. Если в 1897 году перепись зафиксировала в городах области 44 607 человек, то, по данным обзоров Дагестанской области, в 1913 году городское население составило уже 78 427 человек, т. е. выросло почти в два раза⁵.

За счет кого же происходил главным образом этот рост? По данным 1897 года, численность представителей местных народов среди горожан составляла 25 448 человек. К 1913 году их стало 27 748, т. е. за 15 лет выросло всего на 5,1%. Зато численность пришлого населения выросла с 19 159 человек до 51 679 человек, т. е. в три раза⁶. Это еще раз подтверждает мысль о том, что капитализм на отсталых национальных окраинах складывался не в результате их внутреннего экономического развития, а являлся следствием включения их в состав общероссийского рынка и подчинения законам общерусского экономического развития.

В конце XIX — начале XX веков Дагестан по темпам промышленного развития стоял на первом месте на

---

⁵ См. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XII. Дагестанская область, 1905 г., стр. 1; Обзор Дагестанской области за 1913 г. Ведомость № 2, Темир-Хан-Шура, 1915 г.

⁶ Там же.

Кавказе и значительно опережал средние темпы в целом всей страны. Однако нельзя преувеличивать значение этого факта. Дело в том, что промышленность в Дагестане создавалась буквально на пустом месте, и каждое новое, даже небольшое предприятие вносило заметные коррективы в сравнительные данные о темпах развития. Накануне революции Дагестан по-прежнему оставался отсталой аграрной, колониальной окраиной царской России. Здесь на душу населения в 1913 году было произведено промышленной продукции в 3,9 раза меньше, чем в среднем по стране. Удельный вес промышленной продукции в валовой продукции народного хозяйства достигал лишь 17,7%. Для 89% населения области основным занятием являлось сельское хозяйство.

Капиталистические отношения проникали и в сельское хозяйство. Прежде всего это проявлялось в том, что сельскохозяйственное производство стало все теснее и теснее связываться с рынком. Особенно быстро росла товарность основной отрасли народного хозяйства — животноводства. Если в 1902 г. товарная продукция животноводства оценивалась в 602 549 руб., то к 1914 г. эта сумма выросла до 2 143 979 руб., т. е. почти в 3,5 раза.

Капиталистические отношения стали подтачивать и средневековую систему землевладения. Частная собственность буржуазии стала постепенно вытеснять феодальную собственность дворянства, земля стала предметом купли и продажи, предметом капиталистического накопления. Среди частных землевладельцев появились купцы, акционерные общества, мещане, почетные граждане и крестьяне. В целом по Дагестану к кануну Октябрьской революции в их руки перешло свыше 160 тыс. десятин из 458 тыс. десятин бывшей дворянской земли, или 35% всей частновладельческой земли. Причем наиболее видную роль среди новых собственников играли крестьяне. Почти половина (48,0%) бывшей бекской земли, перешедшей в руки новых владельцев, принадлежала крестьянам. Эти цифры говорят об уменьшении дворянского землевладения и о росте бессословного землевладения. Проникновение товарно-денежных отношений подрывало средневековую систему землевладения и превращало землю в предмет свободного товарного обращения. Многие владельцы, не сумевшие перестроить свое хозяйство на новой капиталистической

основе и обремененные ипотечными долгами, вынуждены были продать землю.

Этот процесс получил особенно широкое развитие в равнинных колонизируемых районах Дагестана, где проходила железная дорога. Например, в Хасавюртовском округе, который тогда входил в Терскую область, беки к 1900 году потеряли больше половины (58,6%) своей земли. По данным, опубликованным А. С. Собриевским в 1906 году, за десять лет — с 1894 по 1904 гг. — размеры заложенного имущества по этому округу выросли более чем в два раза, а их стоимость с 790 881 руб. до 2 369 290 руб., т. е. в три раза⁷.

Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве также свидетельствует о наличии в Дагестане всех противоречий, свойственных капиталистическому хозяйству: борьба за хозяйственную самостоятельность, сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатация большинства меньшинством, торговым капиталом и т. д.

Для иллюстрации можно привести выборочные данные сельскохозяйственной переписи 1916—1917 гг. о распределении основных средств производства между различными социальными группировками. Как свидетельствуют эти данные, 87% всех крестьянских хозяйств либо вовсе не имело пашни, либо имело ее до 1 десятины на двор, а 3,2% хозяйств сосредоточило в своих руках 21,7% всей пашни; в то время как 78,3% хозяйств было безлошадным, у 2,4% находилось 30,7% всех лошадей; в то время как из каждых 100 хозяйств 34 не имели рабочего скота, на 6,8% всех хозяйств приходилось свыше трети всех рабочих волов; и, наконец, в то время как 80% хозяйств было безовечным, у 2,9% хозяйств концентрировалось 58,7% всего поголовья овец.

Эти цифры говорят об огромной разнице, существующей между различными экономическими группами аула. Но и они не отображают действительного положения вещей. Дело в том, что эти данные охватывают Дагестан целиком. Между тем известно, что в горных рай-

---

⁷ А. С. Собриевский. Задолженность частного землевладения городских недвижимых имуществ на Северном Кавказе, стр. 25.

онах, где проживало свыше двух третей всего населения области, пахотных участков было очень мало и к тому же они были разбросаны небольшими клочками по склонам гор и ущелий. Поэтому они не представляли большой ценности для предпринимателя ввиду крайне ограниченной возможности создания крупного земледельческого хозяйства.

Каким образом и за счет каких групп, каких слоев населения происходила такая концентрация средств производства на одном полюсе и постепенное увеличение обездоленных на другом? Об этом можно судить, если сопоставить материалы двух переписей — 1886 и 1917 гг. За эти годы число хозяйств без крупного рогатого скота увеличилось более чем в два с половиной раза — с 11 до 29%. Число хозяйств, имеющих до 6 голов крупного рогатого скота, наоборот, уменьшилось на 11,4 проц. Уменьшилось с 9 до 3% и число хозяйств, у которых было от 7 до 12 голов крупного рогатого скота. В два раза уменьшилось число хозяйств, имевших свыше 12 голов скота на двор. Таким образом, увеличилась одна низшая группа — хозяйства без скота. Причем ее увеличение произошло за счет резкого уменьшения высших групп. В чем дело?

В 1917 году, по сравнению с 1886 годом, крупного рогатого скота было значительно больше. Следовательно, нет оснований думать, что изменения в распределении хозяйств по группам произошли за счет общего уменьшения скота. Ясно, что перегруппировка хозяйств шла по линии социального расслоения: середняцкая группа уменьшается, за ее счет растет низшая группа, высшая же группа уменьшается количественно, но все больше и больше концентрирует в своих руках средства производства.

Важнейшим показателем, характеризующим классовые расслоения крестьян, является применение наемного труда. В. И. Ленин считал применение вольнонаемного труда главным проявлением капитализма в земледелии. По переписи 1897 г., хозяйств, целиком и полностью базировавшихся на вольнонаемном труде, в сельской местности Дагестана насчитывалось 3692, или 3,2% от общего числа хозяйств. По округам число дворов с постоянными батраками колебалось от 1,2% — в Аварском и 1,4% — в Гунибском округах. до 5,8% — в Кайтаго-

Табасаранском и 6,9% — в Темир-Хан-Шуринском округах.

Число лиц, для которых продажа рабочей силы была основным или единственным занятием, по этой же переписи составляло 10 956 человек, а вместе с семьями — 33 783 человека, или 5,9% всего населения. Однако эти цифры не учитывают основной массы сельскохозяйственного пролетариата: поденщиков, чернорабочих, сезонных рабочих и др., которых дагестанский аул поставлял на рынок рабочей силы во много раз больше постоянных. За 20 предреволюционных лет число сельскохозяйственных рабочих увеличилось в несколько раз. Число отходников, например, за то же время увеличилось более чем в два раза и составило свыше 93 тыс. человек — примерно половина всего трудоспособного населения области. Причем армия отходников вербовалась главным образом во внутреннем горном Дагестане, где остро ощущался земельный голод и возможности для применения свободных рабочих рук всегда были очень ограничены. Так, если земледельческие округа Темир-Хан-Шуринский и Кайтаго-Табасаранский поставляли всего до 50 отходников в год на 1000 человек населения и сами поглощали немалое число отходников, то такие горные округа, как Даргинский, Казикумухский и Самурский, давали 250—300 отходников в год на то же число населения.

Отходники шли на рыбные промыслы Каспийского побережья, на нефтяные промыслы Баку и Грозного, железную дорогу. Чернорабочего-дагестанца можно было встретить на всем протяжении железнодорожной магистрали от Баку до Ростова. Значительное число отходников нанималось косарями в Терской области, на виноградные плантации Кизляра и Дербента. Документы того периода единодушно подчеркивают, что армию отходников поставляла беднейшая часть населения Дагестана.

Отходники шли главным образом в центры развивающейся промышленности (Баку, Грозный), колонизируемые местности, где интенсивно развивались технические и другие ценные культуры (Кизляр, Дербент и др.), т. е. в те районы, где сильнее всего были развиты капиталистические отношения. Горцы уходили из районов полусвободного труда в районы свободного труда. Как отме-

чал В. И. Ленин, рабочие стремились «уйти туда, где лучше»⁸. И действительно, если на местах выхода за рабочий сезон, т. е. за 5—6 месяцев, горец зарабатывал 35—55 рублей в зависимости от того, на чьих «харчах» он работал, на хозяйских или на своих, то в районах отхода за то же время он зарабатывал 80—130 рублей. Естественно, что при выборе места для продажи своих рабочих рук горцу-отходнику не приходилось колебаться.

Таким образом, факт проникновения капитализма в сельское хозяйство области и начала процесса реорганизации структуры крестьянского хозяйства является для нас неоспоримым. Но также неоспоримым является и тот факт, что в Дагестане преобладали патриархальщина и средневековье. Вследствие этого росли отсталость и нищета. В конце XIX—начале XX вв. падает урожайность зерновых культур, уменьшается поголовье скота. С конца XIX века уменьшается в абсолютных и относительных числах поголовье овец. Если в 1895 г. на 100 душ населения приходилось 362 овцы, то к 1913 г. это число уменьшилось до 279 голов. Поголовье крупного рогатого скота за это же время сократилось более чем на 20%. Во всех отраслях сельского хозяйства преобладали примитивные экстенсивные формы организации. В большинстве районов области, в основном в горах, безраздельно царствовала примитивная соха. Сельское хозяйство лишь на 40% удовлетворяло даже поистине спартанские потребности трудящихся горцев.

И если вспомнить, что по обеспеченности хлебом Дагестан занимал последнее место на Кавказе, да и не только на Кавказе, то станет очевидным, что материальные условия жизни горцев были более чем скудными.

До Великой Октябрьской социалистической революции дагестанцы находились не только в тяжелом экономическом положении, они были лишены и элементарных политических прав. Царские власти всячески притесняли горцев. Их самобытная культура, ремесла, известные на весь мир, в условиях жестокого колониального режима стали приходить в упадок. Под прикрытием фраз о якобы культуртрегерской роли царизма на Кавказе, в том числе и в Дагестане, осуществлялось настоящее обезличивание и уничтожение богатейшего наследия прошлого

---

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 234.

наших народов. Трудящиеся горцы безраздельно находились во власти мусульманской религии и всемогущего аллаха, во власти темноты и невежества. В Дагестане не было даже типографии, чтобы на своем языке, своим шрифтом отпечатать книгу. Квалифицированных специалистов можно было пересчитать по пальцам; на 700 тыс. населения приходилось всего 18 так называемых больниц на 108 коек — 1 койка на 7 тыс. человек! Поэтому неудивительно, что во многих округах области смертность намного превышала рождаемость, целые районы в десятки тысяч человек были поражены социально-бытовыми болезнями, а эпидемии малярии, оспы, холеры, чумы и т. д. время от времени опустошали аулы.

Трудящиеся горцы испытывали тяжелый двойной гнет: с одной стороны, их угнетало царское самодержавие, с другой стороны, — «свои собственные» ханы, беки и буржуазия.

Все это свидетельствует о том, что Дагестан находился в тисках тяжелого социального и национального гнета. В дагестанском ауле по-прежнему преобладала патриархальщина, по-прежнему хозяйство в значительной мере оставалось натуральным, потребительским.

Трудовые массы не раз поднимались на борьбу против своих угнетателей за социальное и национальное освобождение, но каждый раз объединенные силы царских колонизаторов и местных эксплуататоров жестоко расправлялись с восставшими. Однако борьба не прекращалась. Недаром царские власти называли Дагестан пороховой бочкой, готовой взорваться в любую минуту.

Конец XIX и начало XX вв. ознаменовались резким усилением классовой борьбы в ауле. Особенно настойчивый и упорный характер носили выступления раят. Еще в 90-х годах XIX в. они в явочном порядке прекратили зависимые отношения к бекам и захватили землю. Колониальные власти предлагали принять против них решительные меры, но беки, боясь всеобщего восстания, были, как свидетельствует наместник царя на Кавказе Воронцов-Дашков, против принятия репрессивных мер. Накануне и в период революции 1905—1907 гг. местная администрация неоднократно обращалась к центральным правительственным органам с просьбой освободить раят от зависимости без выкупа. Но революция потерпела поражение, и колониальной администрации было

предписано принять все меры для взыскания в пользу казны и беков всех повинностей и недоимок. На этой почве в течение 1908—1909 гг. в раятских аулах вновь прокатилась волна недовольства. Но раяты были усмирены силой оружия. Несмотря на неудачу, движение крестьян имело широкий общественный резонанс, и им была вынуждена заняться Государственная дума. В 1913 г. после беспримерной волокиты зависимые раяты были освобождены. Но освобождение было проведено таким образом, что крестьяне после своего «освобождения» оказались в долговой кабале от казны и в земельной зависимости от помещиков.

Волна крестьянского недовольства прокатилась в Дагестане и в 1914 г. На этот раз поводом к крестьянским выступлениям послужила попытка провести реформу письмоводства. Многие аулы Аварского, Андийского, Даргинского, Темир-Хан-Шурина, Самурского и др. округов открыто выступили против царских колонизаторов. Военный губернатор области с тревогой жаловался на рост напряженности положения в Дагестане. Против недовольных были посланы войска. В аулах, где сопротивление носило особенно упорный характер, были размещены воинские части. Руководители движения были арестованы и посажены в тюрьмы, многие из них были высланы за пределы Кавказа. Однако напуганное ростом антиколониального движения царское правительство вынуждено было приостановить реформу.

Первая мировая война еще более усугубила и без того тяжелое положение трудящихся горцев. Посевные площади в годы войны уменьшились на 30%, поголовье лошадей — на 32%, овец — на 35%. Газета «Дагестанские областные ведомости» от 21 марта 1916 г. сообщала, что «в плачевном состоянии садоводство, скотоводство и все отрасли хозяйства». Весной 1916 года губернатор области сообщал: «Земледельцев беспокоит рост прямых налогов, ремесленников — дороговизна и трудность получения необходимых им сырых материалов, служилый класс — все возрастающая дороговизна жизни, которая становится не под силу даже лицам, получающим сравнительно хорошее содержание, и обездоливает малоимущие семейства». Это привело к новому росту революционного движения. Доведенная до отчаяния бесперывными реквизициями рабочего скота и лоша-

дей, мобилизацией на земляные работы и всевозможными поборами, горская беднота решительно стала на путь революционной борьбы. Поводом к открытым выступлениям послужил закон «О привлечении реквизиционным порядком на время освобожденных от воинской повинности инородцев Империи» от 25 июня 1916 г. По этому закону царским властям предоставлялось право принудительным путем мобилизовать на всевозможные земляные работы в рабочие команды мусульман, достигших 18-летнего возраста. Этот закон повсеместно вызвал глубокое возмущение в народных массах. В Средней Азии и Казахстане дело дошло до открытого вооруженного восстания. Недовольство охватило и Дагестан. Начальник штаба Кавказского военного округа спешил доложить наместнику, что он «признает реквизицию горцев Дагестанской области для назначения их в рабочие роты крайне нежелательной». В свою очередь наместник с тревогой писал императору, что «на Кавказе в мусульманской среде уже назрело и все возрастает настроение, крайне опасное для государственных интересов».

Напуганный широким размахом народного движения царь согласился с мнением своих сатрапов. «Проведение в жизнь этой меры, вызвавшей на окраине кровавые беспорядки», было немедленно прекращено. Но, несмотря на это, движение продолжало нарастать. В июле на вооруженную борьбу поднялись аксаевцы. Чтобы воспрепятствовать присоединению к бунтовщикам горцев Дагестана, были вызваны дополнительные войска. Кавказское начальство распорядилось «беспощадно расправиться» с восставшими, «дабы неповадно было другим». Но репрессивные меры уже не могли помочь царизму. Страна находилась накануне революции. В феврале 1917 г. царское правительство было свергнуто.

После Февральской революции наблюдается дальнейшая активизация аграрно-крестьянского движения в Дагестане. Марагинцы и мугатырцы захватили земли и угнали скот табасаранских беков. Андрейаульцы единодушно постановили конфисковать княжеские земли, а крестьяне сел. Кадар, Кафыркумух и Дургели Темир-Хан-Шуринского округа отобрали земли у беков и сельских богатеев. Во многих аулах и округах происходили сходки и собрания крестьян, которые единодушно требовали «помещичьи земли — трудовому народу».

Наконец в августе в Темир-Хан-Шуре состоялся съезд представителей крестьян. Съезд вынес постановление из пяти пунктов.

1. Все земли Дагестана, бывшие в распоряжении царизма, вернуть дагестанскому народу.

2. Воды Каспийского моря, заключенные в границах Дагестана, передать в распоряжение дагестанского народа, как его неотъемлемую собственность.

3. Бекские земли передать безвозмездно дагестанскому народу.

4. Земли, переданные беками некоторым лицам, также передать как собственность дагестанскому народу безвозмездно.

5. Земли, купленные некоторыми лицами у беков, передать как собственность, откупив по себестоимости».

До сих пор существуют различные взгляды на характер и значение этого постановления. Причем до недавнего времени большинство исследователей было склонно рассматривать его как буржуазно-националистический документ.

Следует сказать, что в конкретных условиях того периода этот документ имел огромное революционизирующее значение. В нем совершенно недвусмысленно говорится о необходимости ликвидации последствий колониаторской политики царизма, т. е. о необходимости вернуть дагестанскому народу все земли Дагестана, бывшие в распоряжении царизма, а также помещичье-дворянских земель. Правда, в документе ничего не сказано о вакуфных землях. Об этом будет сказано ниже.

Решение съезда крестьянских представителей вызвало резкое обострение борьбы и на местах. Мы располагаем документами, которые свидетельствуют о размежевании классовых сил в ауле, особенно на кумыкской и кайтаго-табасаранской равнине. Однако решение крестьянского съезда не было претворено в жизнь. Областной исполком, в том числе и его левое крыло считали, что с решением вопроса о земле надо подождать до Учредительного собрания. Против наиболее активных аулов были посланы карательные отряды.

Таким образом, Февральская буржуазно-демократическая революция не внесла существенных изменений в экономическое положение трудящихся горцев.

Глава II

ХАРАКТЕР ПЕРВЫХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Вопрос о земле был разрешен Великой Октябрьской социалистической революцией. На второй день после свержения буржуазного Временного правительства и установления диктатуры пролетариата II Всероссийский съезд Советов принял ленинский декрет о земле — один из первых законодательных актов Советской власти. По этому декрету вся земля, в чьих бы руках она ни находилась, отчуждалась безвозмездно и превращалась во все-народное достояние, земля была изъята из торгового оборота.

Декрет объявил о полном уничтожении помещичьего землевладения и отмене частной собственности на землю. Тем самым было положено начало ликвидации остатков феодально-крепостнических отношений и одного из источников капиталистического накопления в деревне. Так было в центральных районах страны, где осуществление декрета о земле началось с разрешения задач, не выполненных буржуазно-демократической революцией. Однако в силу неравномерности социально-экономического развития народов России эти задачи во многих районах не были разрешены сразу. В числе таких районов был и Дагестан.

В Дагестане до мая 1918 года у власти держался буржуазный областной исполком, который с самого начала объявил о своей верности Временному правительству и выступил против Советской власти. Однако широкие народные массы с энтузиазмом встретили весть о победе Октябрьской революции. 7 (20) ноября 1917 года в пролетарском центре Дагестана — Петровске большевики добиваются принятия резолюции о признании Советской республики. Вскоре создается Петровский

Военно-революционный комитет, который под руководством У. Буйнакского в течение четырех месяцев ведет неравную борьбу против горской феодально-клерикальной и националистической контрреволюции.

Победа Октябрьской революции и национализация земли резко активизировали аграрное движение в Дагестане. В середине ноября 1917 года, как только крестьяне узнали о ленинском декрете о земле, на равнине вновь развернулись жаркие схватки вокруг земли: кафыркумухцы захватывают кутан, принадлежащий княгине Тарковской, и делят его между собой; жители селения Мугатыр распахивают земли беков табасаранских, таркинцы захватывают пастбища бека Геллинского; чирюртовцы — имение князя Темирова; кумторкалинцы отбирают у своего бека кутан Арбабуюн, а крестьяне сел. Кадар изгоняют служащих бека Геллинского с кутана и захватывают его. Аналогичные факты происходят в Шамхал-Янги-Юрте, Султан-Янги-Юрте, Каякенте и многих других аулах¹.

Областной исполком и его земельный комитет не останавливались ни перед чем, чтобы «оградить владельцев»² от народного гнева и восстановить их в «законных правах»³. Аресты, посылки воинских частей на постой, преследование крестьянских активистов приняли широкий размах. Однако репрессии имели обратный результат и способствовали лишь тому, что буржуазный исполком и его националистические деятели окончательно разоблачили себя в глазах трудящихся горцев. Крестьяне стали понимать, что только Советская власть может удовлетворить их чаяния. Не случайно, что в борьбе против беков они все чаще обращаются за помощью к Петровскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Деятельность Порт-Петровского ВРК вызвала серьезную обеспокоенность у буржуазного исполнительного комитета. В конце марта 1918 года облисполком двинул на Петровск конные части и отряды имама Гоцинского. Реакции удалось временно ликвидировать первый очаг Советской власти. Однако контрреволюция торжествова-

¹ Борьба за установление Советской власти в Дагестане, 1917—1921 гг. (Сборник документов). См. док. №№ 27, 29, 32, 35, 51, 53, 54, 61, 71, 75.

² Там же, док. № 54.

³ Там же, док. № 29.

ла недолго. С помощью бакинского и астраханского пролетариата уже в конце апреля 1918 года трудящиеся Дагестана нанесли чувствительный удар по феодально-клерикальной контрреволюции и свергли буржуазный исполком. 2 мая 1918 года был образован Дагестанский областной Военно-революционный комитет, который провозгласил Советскую власть в Дагестане. Примерно к этому времени относится и первая попытка практически осуществить декрет о земле в Дагестане.

Сразу же по установлении Советской власти областной ВРК обратился к трудящимся с воззванием и в качестве своих ближайших задач наметил: «полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основе свободы, равенства и братства, немедленная передача казенных, бекских, ханских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана»⁴.

Однако это общее декларативное положение ВРК в дальнейшем осталось неконкретизированным. По крайней мере, до нас не дошел документ, где хотя бы в общих чертах были разработаны принципы землеустройства и порядок землепользования.

В практическом осуществлении ленинского декрета в Дагестане огромную роль сыграл Бакинский Совнархоз во главе с С. Шаумяном. В апреле 1918 года, когда бакинский пролетариат послал на помощь трудящимся горцам красногвардейский отряд, при отряде была создана агитационно-пропагандистская группа для работы в ауле. Она была снабжена всевозможной литературой, инструкциями, брошюрами, газетами, воззваниями. Эта группа, в частности, распространяла в Дагестане, наряду с газетами «Правда» и «Бакинский рабочий», также «Основной закон о социализации земли», «Инструкцию-наказ делегатам на крестьянский съезд». Иногородний отдел Бакинского СНК подготовил на русском и местных языках «Положение о земельных комитетах» и «Инструкцию земельным комитетам»⁵.

18 июня 1918 года за подписью Председателя Бакинского СНК Степана Шаумяна и наркома земледелия

---

⁴ Ук. сб., док. № 102.

⁵ Там же, док. № 126.

М. Визерова вышел «Декрет Бакинского Совета Народных Комиссаров о социализации земли в Закавказье и Дагестанской области»⁶.

Первый пункт декрета гласил: «Немедленно произвести изъятие земель, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов из частного владения всех помещиков (беков, ханов, маликов, князей), их доверенных и нетрудовых арендаторов...»⁷. Впредь, до проведения в жизнь «Основного закона о социализации земли», изданного Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, декрет предлагал использовать конфискованное имущество на основании «Временной инструкции переходных мер по проведению закона о социализации земли».

Для осуществления этих мероприятий декрет рекомендовал учредить временные земельные комитеты. Одновременно Наркомат земледелия издал также «Положение о временных земельных комитетах». Однако и декрет Бакинского СНК лишь в общих чертах наметил основы будущего земельного строя. Более конкретно порядок землевладения и землепользования был разработан в «Положении о земельной реформе», принятом 18 июня 1918 года.

«Земельная реформа, — указывалось в первом пункте этого Положения, — имеет целью осуществить коренное преобразование земельных отношений в Закавказье и Дагестанской области на началах социализации в интересах трудового крестьянства и всего народного хозяйства»⁸.

Положение определяло и порядок перераспределения общенародного фонда. Прежде всего отмечалось, что «все земли сельскохозяйственного назначения, донныне состоящие в нетрудовом владении, передаются в пользование трудового населения без выкупа и распределяются между ним...»⁹. Исключение составляли «леса, воды, недра, а также земли специальной культуры и промышленного значения, имеющие особую народнохозяйственную ценность — сады, питомники, хлопковые и

---

⁶ Там же, док. № 149.

⁷ Там же.

⁸ Там же, док. № 151.

⁹ Там же.

рисовые плантации, хозяйства, разводящие виноград, табак, свекловицу и т. п., и равным образом опытные и показательные поля и участки, уголья сельскохозяйственных и других учебных заведений и общественных учреждений, преследующих культурные цели...»¹⁰. Эти земли распределению не подлежали и образовывали особый фонд, которым распоряжался земельный комитет. В этот специальный земельный фонд были включены также бывшие казенные летние и зимние пастбища.

Как отмечалось в «Положении о земельной реформе», земля передавалась крестьянам временно, путем уравнительного распределения по числу едоков в семье. Распределение производилось «по трудовой норме, устанавливаемой особо для каждой местности»¹¹.

Трудовое крестьянство области, особенно бывшие раяты, с энтузиазмом приняло декрет о земле. Очень характерно в этом отношении письмо теркемейских раят Комитету революционной обороны Дербента. «Избавившись от вековой эксплуатации беков и ханов, — писали они, — теперь мы ни в коем случае не согласимся опять посадить их на свою шею и будем до последней капли крови защищать Советскую власть»¹².

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что летом 1918 года повсеместно местные Советы развернули деятельность по конфискации и перераспределению помещичьих земель. Так поступили крестьяне сел. Чонтаул с собственностью князя Казаналипова¹³. Бекская земля была отобрана и распределена между крестьянами во всех теркемейских аулах¹⁴. Кадарцы вынесли решение о выселении из аула представителей дворянства и конфискации их имущества. Борьба за изъятие помещичьей земли особенно широко развернулась на земледельческой равнине, где главным образом и концентрировались частновладельческие земли.

Однако в начале осени 1918 года под напором объединенных сил контрреволюции Советская власть в Дагестане временно пала. Горское правительство выступило

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», 19 мая 1918 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

в защиту собственности и, несмотря на сопротивление крестьян, восстановило права беков и князей.

Это вызвало в Дагестане широкую волну недовольства. Местные власти с тревогой сообщали об усилении сопротивления населения любому начинанию, исходящему от Горского правительства. Уже в начале февраля 1919 года губернатор Горского правительства проводит съезд начальников округов для выработки мер борьбы с усиливающимся влиянием большевиков среди населения области. Съезд вынужден был откровенно признать, что «большинство населения заражено большевизмом», что «доверия к власти нет». Единственный выход из создавшегося положения съезд видел в «принятии крутых мер без всякого послабления, вплоть до применения воинской силы»¹⁵. Однако, не полагаясь на свои силы, губернатор призвал начальников округов «разъяснить населению, что англичане ведут и будут вести открытую и упорную борьбу с большевиками и большевистскими идеями»¹⁶. Но тщетно. Угрозы не испугали трудящихся горцев. И областная администрация была вынуждена обратиться за помощью непосредственно к Горскому правительству. Губернатор Дагестана в рапорте на имя министра внутренних дел Горского правительства от 10 апреля 1919 года писал: «сообщаю, что по достоверным сведениям селения Кумторкала, Дженгутай, Дургели и Кадар вышли совершенно из повиновения властям благодаря агитации со стороны большевиков и что в данный момент у администрации нет сил бороться с этим злом. Поэтому необходимо командировать в эти селения организованную воинскую силу для подавления развившейся анархии»¹⁷. Горское правительство с готовностью откликнулось на просьбу своего ставленника и приняло все меры, чтобы усмирить недовольных. Но оно уже было не в состоянии остановить растущее с каждым днем революционное движение, и тогда реакция решила поставить у власти более «сильную личность» — генерала Халилова, который призвал на помощь генерала Деникина.

Летом и осенью 1919 года в Дагестане развернулись героические события, подобных которым не знает насы-

¹⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане, док. № 252.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, док. № 259.

ценная и полная трагизма история Страны гор. В июне—июле в разных районах Дагестана горцы неоднократно поднимаются против белогвардейцев, но безуспешно. На восставших обрушиваются карательные отряды, неся смерть и насилие. В августе—сентябре в Дагестане начинается всенародное восстание против Деникина. Восстание охватывает и другие районы Северного Кавказа. Серго Орджоникидзе писал по этому поводу: «Советская власть... гордится славными горцами Северного Кавказа и особенно дагестанцами, с беззаветной храбростью дравшимися против полчищ Деникина»¹⁸. В конце марта 1920 года с помощью Красной Армии трудящиеся Дагестана очистили свою землю от деникинцев, и Советская власть утвердилась здесь окончательно.

Война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству республики. Сразу же по установлении Советской власти был принят ряд революционных мер по улучшению положения трудового крестьянства.

4 мая 1920 года Дагестанский ревком принимает решение о передаче всех частновладельческих и казенных земель земельному отделу для бесплатного наделения безземельных и малоземельных обществ¹⁹. Через четыре дня, 8 мая, для обсеменения полей беднейшего населения Дагестана ревком выделяет тысячу пудов кукурузы²⁰. Наконец, 23 августа 1920 года Дагестанский революционный комитет издает «Положение об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Республики о социализации земли». В самом начале Положения отмечалось, что основной задачей земельных отделов является «установление земельных отношений и землеустройство на социалистических началах. Основанием и руководящим принципом деятельности земельных отделов, — говорилось далее, — должен служить провозглашенный Российской революцией принцип: «Вся земля всему трудовому народу»²¹.

Положение еще раз подтвердило отмену всякой собственности на землю, воды, леса и живые силы природы.

---

¹⁸ В. И. Ленин и его соратники о борьбе за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1959 г., стр. 180.

¹⁹ Революционные комитеты Дагестана (Сборник документов). Махачкала, 1959 г., док. № 166.

²⁰ Там же, док. № 167.

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 34.

Оно провозгласило: «Земли без всякого (явного или скрытого) выкупа переходят в пользование всего трудового народа. Право пользования землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, кроме случаев, особо предусмотренных Законом о социализации земли. Право пользования землей не может быть ограничено ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством»²².

Особо следует остановиться на последних двух строках этой статьи Положения. Известно, что в дореволюционном ауле адат лишал женщину всякого права на землю. В случае смерти мужа и отсутствия в семье детей мужского пола двор терял всякое право на свою долю при разделе общественных угодий. По шариату к родственникам мужа переходила также и часть имущества. Декрет о земле положил конец такой вопиющей несправедливости и сыграл в высшей степени революционную роль в раскрепощении горянки.

Положение устанавливало также общий порядок землепользования. В первую очередь рекомендовалось всю площадь сельскохозяйственных угодий использовать для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую — для нужд трудовых артелей и товариществ и для общественной обработки, в третью — для добывания средств к существованию единоличных землепользователей²³.

Положение делало также попытку урегулировать межселевное неравенство в землевладении. Одна из его статей так и гласила: «Во временном, впредь до проведения землеустройства, пользовании сельских обществ должна оставаться лишь такая площадь земли, которая может быть использована личным трудом работоспособных его членов, не превышающая приблизительной потребительско-трудовой нормы»²⁴. Излишек предполагалось передать во временное пользование безземельным сельским обществам, затем малоземельным до пределов приблизительной продовольственно-трудовой нормы и затем местным отдельным трудящимся гражданам, сначала безземельным, а затем малоземельным,

---

²² Там же.

²³ Там же, л. 35.

²⁴ Там же.

также в пределах нормы²⁵. Аренда земли была категорически запрещена.

Однако Положение разрешало не только вопрос о земле. Конфисковался и передавался в руки трудящихся без выкупа «весь живой и мертвый инвентарь, а равно все постройки и сельскохозяйственные предприятия» нетрудовых хозяйств.

Большое внимание в Положении уделялось формам землепользования. Крестьяне могли вести земледелие на любых началах и в любой форме. Однако Положение предусматривало преимущества коллективным формам землепользования.

Наделение крестьянских дворов землей должно было осуществляться строго на «уравнительно-трудовых началах, так, чтобы потребителско-трудовая норма, применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования, не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца»²⁶.

Идея уравнительного землепользования не была большевистской идеей. Однако масса крестьянства считала, что для коренного улучшения их положения необходимо конфисковать помещичьи имения и провести уравнительное распределение всей земли. По мнению крестьянина, это обеспечивало равные условия для хозяйственного роста и максимум свободы в отношении землепользования. Настроения широких крестьянских масс нашли свое отражение в «Крестьянском наказе о земле», который был приложен к декрету о земле. Большевики понимали, что в обстановке неравного распределения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота никакого равенства на деле быть не может, но удовлетворили требования крестьянских масс. Вот что говорил Ленин по этому поводу:

«Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства. Воля большинства для нас всегда обязатель-

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

на, и идти против этой воли — значит, совершить измену революции.

Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о никчемности уравнительного разделения земли. Мы считали, что лучше, если сами трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят, что уравнительная дележка — вздор»²⁷.

В интересах бедноты был решен и вопрос о зимних пастбищах. Нет нужды говорить, какое огромное значение имел этот вопрос в условиях отгонного животноводства. До революции мелкий скотовод и помышлять не мог о свободной аренде необходимых пастбищных угодий для перегона на зиму своего скота. Крупные горские барановоды снимали все пастбища на равнине и использовали их для закабаления и эксплуатации бедноты. Советская власть ликвидировала такое положение. Уже накануне осеннего перегона скота в 1920 г. областной ревком дал указание отводить горской бедноте зимние пастбища в первую очередь и в бесплатное пользование²⁸.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и утверждения Советской власти трудовому крестьянству была передана вся бывшая помещичья и казенная земля²⁹. Позднее, в 1923 году, у кулаков были конфискованы 1200 десятин виноградников со всем винодельческим имуществом³⁰. Трудящиеся горцы были освобождены от всевозможных поборов и арендных платежей. Были аннулированы долги Земельному банку в сумме свыше 300 тысяч рублей золотом³¹.

Были также приняты самые радикальные меры для ликвидации земельного голода и обеспечения горцев пашней и зимними пастбищами. Решением правительства РСФСР в 1920 году Дагестану были возвращены присулакские и засулакские земли, населенные кумыками и в свое время искусственно разделенные царскими колонизаторами. В состав Дагестана были также включены многоземельные Кизлярский и Ачикулакский округа, что

27 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 179.

28 Революционные комитеты Дагестана, док. № 180.

29 ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 5.

30 Там же, оп. 2, д. 15, лл. 4—6.

31 «Красный архив», 6 (79), 1936, стр. 105.

увеличило фонд удобных земель республики более чем на 50 проц.

Таким образом, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти осуществлялись вековые чаяния дагестанского крестьянства — оно освободилось от помещичьей кабалы и получило землю. Огромное значение национализации земли состояло еще и в том, что она, как отмечал В. И. Ленин, создала «земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму»³².

Рассмотрим теперь формы и методы перераспределения конфискованной земли среди крестьянства. И декрет Бакинского СНК о земельной реформе, и Положение Дагревкома «Об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Республики о социализации земли» говорили об уравнительном перераспределении земли на основе потребительско-трудовой нормы. Однако они сами не устанавливали такой нормы и ограничивались рекомендацией выработать ее, «применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования»³³. Пойти по этому пути в условиях Дагестана означало закрепить исторически сложившуюся диспропорцию в размещении производительных сил и средств производства, закрепить разницу между равниной и горами, о которой так часто приходится нам говорить. Известно, что около 95 процентов всех частновладельческих земель, которые и составляли в основном распределительный фонд, приходилось на равнину и использовалось равнинным населением.

Между тем, справедливость требовала использовать этот фонд так, чтобы как можно полнее удовлетворить интересы не только равнинного, но и горского крестьянства. А это можно было сделать не путем «приспособления к исторически сложившейся системе землепользования», а путем революционной ломки этой системы. Кстати, мы выше отмечали, что другой пункт этого Положения говорил о необходимости изъять у сельских обществ все излишки, оставшиеся после наделения его членов землей по потребительско-трудовой норме. Именно так мыслили свою задачу и органы Советской власти в Дагестане. Од-

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 326.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 5, л. 34.

нако с самого начала они столкнулись с такими трудностями, о которых в центральных районах страны, возможно, и не подозревали. Во-первых, оказалось, что Дагнаркомзем не располагает никаким межевым и плановым материалом. И это естественно, если вспомнить, что до революции в этом направлении не проводилось никакой работы и вся сельскохозяйственная политика царизма в Дагестане строилась на материалах опроса, которые «дополнялись» и «уточнялись» местными колониальными властями по своему усмотрению. Во-вторых, львиная доля помещичьей и казенной земли сразу же после окончательного утверждения Советской власти была захвачена равнинным крестьянством. Поэтому получилось так, что землю захватили многоземельные равнинные общества, а безземельный горец, как был без земли на первых порах, так и остался без нее. Примечательно в этом отношении замечание Управления землеустройства Наркомзема ДАССР: «Когда до народа дошло «Земля трудящимся», — говорится в докладе этого Управления, — плоскостная беднота, а за нею безземельные и малоземельные жители богатых плоскостных сел захватили столько частновладельческих земель, что справиться с ними не смогли, но никому их и не уступили»³⁴.

При таких обстоятельствах даже не приходится говорить об уравнительном переделе частновладельческой земли. Для того, чтобы добиться элементарной справедливости в распределении земли, необходимо было изъять у равнинных обществ незаконно захваченные ими излишки земли и распределить их между малоземельными горцами. И это, пожалуй, была самая трудная задача, стоявшая тогда перед Наркомземом. Как отмечало Управление землеустройства в той же записке, «этого-то изъятия Дагнаркомзему и не удастся до сих пор провести в жизнь по той простой причине, что нет межевых и плановых материалов, на основании чего мы могли бы определенно сказать, кто чем располагал, кто сколько захватил и кому сколько нужно оставить и какой именно земли...»³⁵. Такая обстановка была на руку кулаку и зажиточным крестьянам, т. к., используя свою лучшую обес-

³⁴ См. Доклад Управления землеустройства Наркомзема ДАССР «О земельном вопросе в Дагестане», л. 17. Рукописный фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1527.

³⁵ Там же.

печенность скотом и сельскохозяйственным инвентарем, они могли концентрировать у себя крупные массивы земли. В первое время в определенной степени это им и удалось.

Партийная организация и правительство республики видели сложившееся положение и приняли ряд мер для преодоления трудностей и наделения бедноты землей. Были приглашены квалифицированные землемеры и начаты съемочные работы для межевания земельных угодий. Однако эту работу нельзя было завершить за год или два, поэтому, не дожидаясь ее завершения, местные органы власти стали выделять земельные участки и пастбищные угодья малоземельным горским обществам, стали готовить на равнине фонд для переселения горцев, прозябающих в обстановке острого безземелья. Об этом свидетельствуют многочисленные отчеты и доклады земельных отделов при окружных ревкомах. Например, из отчета земельного отдела Кайтаго-Табасаранского ревкома явствует, что за сорок дней своей деятельности — с 1 декабря 1920 года по 10 января 1921 года — отдел наделил землей селения Мургук, Урахи, Каякент, Усемикент, Башлы, Джемикент, Берикей и др.³⁶

500 десятин земли, до революции принадлежавшие помещику Алим-Паше Аджаматову, получили атлыбуюнцы³⁷. За счет бывших казенных имений было надделено землей малоземельное ярыхсу-ауховское общество³⁸. 22 сентября 1921 года состоялось решение президиума Дагестанского ревкома о предоставлении во временное пользование безземельным и малоземельным хлебопашцам сел. Урахи и Башлы земельного участка Мамай-кутан, до революции принадлежавшего одному из представителей колониальной бюрократии³⁹.

Об этом же свидетельствует доклад заведующего земельным отделом Хасавюртовского ревкома о передаче частновладельческих земель и сенокосных участков малоземельным обществам округа. За три летних месяца 1920 года отдел наделил землей 10 малоземельных обществ. Им были переданы во временное пользование

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 24, л. 7.

³⁷ Там же, д. 41, л. 15.

³⁸ Ревкомы Дагестана, док. № 179.

³⁹ Там же, док. № 193.

земли, ранее принадлежавшие помещикам Уцмиевым, Тутушеву, Даутову, Пейзулаеву и колонистам, выселившимся в годы гражданской войны за пределы республики⁴⁰. В распоряжение крестьян передавалась не только земля, но и другая собственность, конфискованная у нетрудовых и контрреволюционных элементов — орудия обработки почвы, рабочий скот и т. д.

Был также принят ряд мер для того, чтобы как-то разрядить острое безземелье и в горах. В частности, было принято постановление, по которому все более или менее удобные для обработки общественные пастбищные угодья распределялись между безземельной и малоземельной горской беднотой. Эта мера в условиях дагестанского горного аула была наиболее революционной: она способствовала хозяйственному росту неимущих слоев внутреннего горного Дагестана и ограничивала возможности крупного скотовода, который, как правило, пользовался этими пастбищами. Так было, например, в аулах Мехельта и Ричаганик Андийского округа, Шагода и Гамсутль Гунибского округа, Кулушац и Унчукатль Лакского округа и мн. др.⁴¹. Но таких земель было совершенно недостаточно для горской бедноты, и основная ставка делалась на наделение их земель за счет пустующих площадей на равнине.

Вместе с тем надо отметить, что при наделении земель сельских обществ и перераспределении ее среди крестьянских дворов не было ни единого способа, ни единой нормы. На равнине этот вопрос обычно решался относительно просто: малоземельному обществу отводился определенный участок земли, прилегающий к селению. Этот участок включался в общественный фонд и, по истари сложившемуся обычаю, периодически перераспределялся между членами джамаата по едокам.

Иначе обстояло дело с горским крестьянством. Малоземельные горские общества получали на равнине участки для распашки за пятьдесят-шестьдесят и даже за сто и более километров от аула. Освоение такого участка требовало больших расходов и не было под силу мало-мощной горской бедноте, плохо обеспеченной рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем или вовсе не

⁴⁰ Там же, док. № 182.

⁴¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, лл. 138—147.

имеющей их. Естественно, что такой участок становился легкой добычей зажиточного члена сельского общества.

Очевидно, что если в первом случае распределение земли по едокам на руку неимущим слоям аула, то во втором случае оказывался в явном выигрыше зажиточный. Однако в Дагестане более или менее широкое развитие получили не только эти два способа наделения земель сельских обществ и крестьянских дворов. Во-первых, и первая, и вторая формы наделения землей встречались как в горах, так и на равнине и, во-вторых, нередко бывали случаи распределения земли соответственно количеству рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Это также было на руку зажиточным и кулакам, значительно лучше обеспеченным средствами производства.

Для наглядного представления многообразия форм наделения землей можно сослаться на пример того же аула Урахи. До революции урахинцам своей земли не хватало, и они были вынуждены арендовать ее у многоземельного общества Утамыш. Революция решительно поправила положение урахинцев. Во-первых, участок Ирау, ранее арендуемый у утамышцев, был передан в их распоряжение, во-вторых, дополнительно урахинцы, как уже было сказано, получили участок Мамай-кутан.

Таким образом, в результате победы Октябрьской революции урахинцы получили дополнительно около 800 га плодороднейшей земли. Вследствие этого фонд пахотной земли аула возрос почти в два раза. Каким же образом обрабатывалась вся эта земля? После революции исконный урахинский участок Ургуба, находившийся до революции в собственности немногих многоземельных семей, был перераспределен между урахинцами по единой норме — 1,25 га на едока. Участок Ирау первое время находился в собственности джаамата и использовался его членами для весеннего содержания скота и для сенокоса. Причем право выпаса и сенокоса не было никак ограничено или нормировано. Каждый член общества эксплуатировал этот участок сообразно своим хозяйственным нуждам и возможностям. Правда, это продолжалось очень недолго, в 1924 году вся земля Ирау была передана только что возникшей артели по совместной обработке земли.

Куда сложнее было дело с Мамай-кутаном. Как мы

уже отмечали, этот участок был выделен урахинцам распоряжением президиума Дагревкома 22 сентября 1921 года. Он находится на расстоянии примерно 50—60 км от Урахов. В постановлении Дагревкома указывалось, что Мамай-кутан предоставляется во временное пользование безземельным и малоземельным хлебопашцам. Однако, как бы понимая, что безземельной и малоземельной бедноте трудно пользоваться землей, расположенной в таком отдалении от аула, в постановлении была сделана оговорка, что эти безземельные и малоземельные хлебопашцы должны быть «достаточно оборудованными земельным инвентарем», т. е. достаточно зажиточными, чтобы обработать землю, находящуюся на расстоянии 50—60 км. Оно на деле так и получилось. Негласно установился такой обычай, по которому любой урахинец мог спуститься со своим скотом весной, пока в горах не взошла трава, на Мамай-кутан и распахать и засеять столько земли, сколько мог. И, конечно, этот «любой урахинец», как правило, был зажиточным хозяином.

Очевидно, что если принцип распределения земли по едокам на руку неимущим слоям аула, то во втором и третьем случаях в выигрише оказывался зажиточный и кулак.

Однако из этого не следует делать вывода, будто в первые годы Советской власти в Дагестане кулак получил все возможности безгранично расширять свое хозяйство и эксплуатировать горскую бедноту. Уже не теми, что до революции, были политические условия развития аула. Рабоче-крестьянская власть регулировала экономические процессы в деревне, а ее местные органы, опираясь на советское законодательство, решительно пресекали попытки кулака выйти за установленные рамки.

В корне изменилась, по сравнению с дореволюционным, и экономическая обстановка развития аула. Национализация земли и ликвидация помещичьего землевладения, изъятие земли из торгового оборота положили конец беспредельной концентрации земли в одних руках и резко сузили базу капитализма в земледелии.

И все же перераспределение земли, согласно закону о социализации земли, не решило проблемы, и крестьянство очень скоро само стало убеждаться в этом. Однако удовлетворение требований крестьянства сделало свое

дело: окреп союз рабочего класса и крестьянства, изменилось социальное лицо аула.

Аграрные преобразования, осуществляемые Советской властью, проходили в ожесточенной классовой борьбе. Эксплуататорские элементы оказывали отчаянное сопротивление, стремясь сорвать реализацию декрета о земле. Нередко им удавалось проникнуть в земельные и низовые советские органы и направить их деятельность в нужном им духе. Еще в июне 1920 года, на первом съезде дагестанской бедноты, делегаты с мест приводили многочисленные факты, свидетельствующие о проникновении в местные органы власти подобных элементов ⁴².

Так, представители бедноты Даргинского и Кайтаго-Табасаранского округов, выступая на этом съезде, отмечали, что в некоторых аулах «у власти стоят люди, не пользующиеся доверием населения, а обязанные своим избранием многочисленности родни. Есть среди них и враги рабочей власти, надевшие маски революционеров» ⁴³.

На первом съезде Советов ДАССР в декабре 1921 года были вскрыты факты, когда окружные земельные органы раздавали помещикам по 200—300 десятин земли, а бедноте выделяли всего 1—2 десятины на двор, когда пробравшиеся в земельные органы враждебные элементы, используя свое служебное положение, всячески препятствовали конфискации земель князей и беков, активно боровшихся против Советской власти ⁴⁴.

В таких местах, естественно, помещичье-дворянской верхушке удавалось сохранить свое положение и после революции. Характерно в этом отношении выступление делегата из сел. Капчугай Буйнакского округа на первом съезде дагестанской бедноты: «Издавна, — говорил он, — земельные участки были захвачены князьями. Теперь князья бежали, но остались их многочисленные родственники, которые продолжают систему первых. Землей распоряжаются по своему усмотрению: продают, сдают в аренду, выгоняют бедноту с участков» ⁴⁵.

---

⁴² См. «Красный Дагестан», № 161, 1923 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 2, д. 9, л. 76.

⁴⁵ Там же.

Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что у некоторых руководителей Народного Комиссариата земледелия ДАССР не было ярко выраженного классового подхода к вопросу об использовании земельного фонда и сугубо хозяйственные проблемы зачастую заслоняли проблемы социальные. Показательна в этом отношении история обсуждения доклада о «Земельной политике» Дагнаркомзема на первой сессии ДагЦИКа в апреле 1922 года. В результате всестороннего обсуждения доклада сессия пришла к заключению, что в распределении земли Наркомзем очень часто нарушает классовые принципы аграрной политики партии и Советского государства. В частности, отмечалось, что руководители Наркомзема давали указания распределять землю по степени обеспеченности инвентарем. А это означало, что прежде всего наделялись многоземельные и обеспеченные инвентарем дворы. Далее, Наркомзем, взяв на учет конфискованные частновладельческие земли, дал указание вернуть их «прежним владельцам — бекам и помещикам». Заведующий Махачкалинским райземотделом Атаев рассказал на сессии, как замнаркомзема Клименко выступил с предложением «удовлетворять землей по потребителско-трудовой норме многочисленных родственников одного из злейших врагов дагестанской бедноты — бека Тарковского»⁴⁶.

Трудящиеся решительно выступили не только против помещиков и князей, но и против тех, кто пытался покровительствовать им. Так, окружной съезд бедноты в 1920 году отказал в доверии Хасавюртовскому земельному отделу, который при наделении землей отдавал предпочтение бывшим помещикам.

Точно так же реагировала и первая сессия ДагЦИКа. В своем постановлении она квалифицировала деятельность Наркомзема неудовлетворительной, «...лишенной основной линии, направленной к развитию производительных сил малоимущего и среднего хозяйства и созданию устойчивых поземельных отношений»⁴⁷.

---

⁴⁶ Первая сессия ДЦИК, Темир-Хан-Шура, 1922, стр. 21.

⁴⁷ Там же, стр. 23.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Выше уже было отмечено, что неравномерность социально-экономического развития народов России неизбежно наложила отпечаток на характер и последовательность первых аграрных преобразований у различных народов нашей страны. В Дагестане первые аграрные преобразования, несмотря на всю их колоссальную роль и значение, не носили такого последовательного характера, как в центральных районах страны. Так, и после утверждения Советской власти в начале переходного периода мусульманская мечеть сохранила свое землевладение почти в нетронutom виде. Законодательство по аграрному вопросу совершенно не коснулось вакуфной (мечетской) собственности. Были также сохранены сборы закят, мечетские школы — медресе, шариатские суды. И все это было следствием того, что крестьянство Дагестана еще в значительной мере находилось во власти религии и не было готово к полному изъятию вакуфного имущества.

Другой особенностью аграрной революции в Дагестане являлось сохранение права купли-продажи и завещания крестьянских мюльков в высокогорных районах. Правда, ни декрет Бакинского СНК от 18 июня 1918 года, ни Положение Дагестанского ВРК «Об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Республики о социализации земли» об этом ничего не говорили. Но позднее, 22 января 1922 года, Народный Комиссариат земледелия Дагестана издал тезисы об осуществлении декрета о земле, в которых за горским крестьянством было признано такое право. Причем отмечалось, что это временная мера и допущена она «в горных округах, где культурные клочки земли созданы чрезмерным

трудом целых поколений (террасы и т. п.), с тем, однако, условием, чтобы в одних руках не накапливалось земли более потребительско-трудовой нормы данного района»¹.

Эта уступка была продиктована необходимостью. Горское крестьянство годами трудилось, чтобы отвоевать у природы крохотный участок земли, который и составлял мюльк — его надежду и опору. После присоединения Дагестана к России царское правительство пыталось внушить горцу, что вся земля, в том числе и мюльки, принадлежит казне. Но горский крестьянин считал мюльк своей полной собственностью. Колониальные власти, хотя официально не подтверждали сделок с землей и даже пытались бороться с такой практикой, ничего сделать не смогли. Наоборот, эти попытки царизма еще более усилили привязанность горца к своему клочку. Сделки с мюльковой землей не прекращались ни на один день. Поэтому нельзя было ожидать, что трудящийся горец сразу же после революции откажется от своей собственности, добытой с таким трудом. Только упорная борьба за перестройку психологии горского труженика, за техническое оснащение сельского хозяйства могла создать условия для ликвидации мюльковой собственности. В первые годы Советской власти мы не располагали такой возможностью, поэтому временно было сохранено право купли и продажи мюльков. Одновременно были приняты меры для ограничения возможной концентрации мюльков в одних руках и роста частного землевладения. С этой целью крестьянину, обладающему установленной нормой земли, было запрещено покупать мюльк.

Важно остановиться еще на одной характерной особенности аграрных преобразований в Дагестане. Известно, что декрет о земле резко обострил классовую борьбу в деревне. Беднота, не имея рабочего скота и инвентаря, не была в состоянии освоить земли, отобранные у помещиков. Воспользовавшись этим, кулаки стали захватывать помещичьи земли. Одновременно, стремясь сорвать социалистическое строительство, кулачество открыто стало бойкотировать хлебные поставки государству по твердым ценам. Партия была вынуждена принять самые решительные меры для подавления контрреволюционно-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 3-а, л. 3.

го кулачества. Особую роль в этом сыграли комитеты бедноты (комбеды), специально созданные декретом от 11 июня 1918 г. для разгрома кулачества. Комбеды с помощью рабочих перераспределили конфискованные у помещиков земли и инвентарь, изъяли у кулаков 50 млн. гектаров земли и продовольственные излишки. В пользу бедноты у кулачества была конфискована и часть орудий производства. По выполнении своей роли, в конце 1918 года, комитеты бедноты слились с волостными и сельскими Советами.

По-другому протекали события в дагестанском ауле. Как уже отмечалось, Советская власть в Дагестане была провозглашена в мае 1918 года. В июле—августе в некоторых аулах равнинного Дагестана возникли бедняцкие комитеты, которые стали распределять бекскую землю и повели решительную борьбу против кулачества. Но их деятельность не получила сколько-нибудь широкого размаха. В начале сентября 1918 года Советская власть в Дагестане временно пала, помещичья земля была возвращена владельцам, а кулацкое землевладение осталось почти нетронутым. По далеко не полным официальным данным того периода, только излишки сверх потребительно-трудовой нормы у кулачества составляли 207,8 тыс. га, или по 20 га на хозяйство в среднем.

Однако это не означает, что кулак в Дагестане вовсе не был подрезан. Известно, что кулаки, наряду с феодально-клерикальными элементами, были главной опорой дагестанской контрреволюции и наиболее активные из них уже в ходе революции и гражданской войны подверглись экспроприации. Такая участь постигла, например, главарей контрреволюции из дагестанской аристократии — князей Тарковских, Уцмиевых и представителей феодально-клерикальных верхов, таких, как Гоцинский, и крупных собственников-барановодов вроде Перзулаева и др. Тысячи гектаров пашни и пастбищ, десятки тысяч голов скота, сельскохозяйственный инвентарь и другое имущество, принадлежавшее им, уже в 1919—1920 гг. было изъято и распределено между красными партизанами и аульской беднотой. Не могла не сказаться на кулачестве и политика военного коммунизма, в результате которой экономическая мощь кулака была значительно подорвана. Здесь речь идет о том, что в силу особенностей исторического прошлого и социально-экономическо-

го развития края, в силу особенностей развития революции и событий гражданской войны позиции кулака в Дагестане были подорваны, меньше и внушительней был его удельный вес в экономике и политической жизни аула, чем в центральных районах страны.

Осуществление ленинского лозунга «Земля трудовому народу» имело и ряд других особенностей, обусловленных как уровнем социально-экономического развития Дагестана, так и его физико-географическими условиями. В частности, 204 представителя помещичьей и феодально-клерикальной верхушки и после революции сохранили 75,4 тыс. га земли — это примерно 379 га на каждого владельца, в то время как в среднем по Дагестану на двор приходилось 4,98 га (7,2 га на равнине и 3,4 га в горах), т. е. почти в 80 раз меньше.

Победившая рабоче-крестьянская власть одним из первых своих декретов уничтожила помещичье землевладение. Однако это не исключало возможности наделения бывших помещиков землей. Законодательство о социализации земли прямо предусматривало специальный пункт о наделении бывших помещиков землей по общей для всех норме. В этом случае от них требовалось лишь участие в контрреволюционных заговорах и обработка отведенного участка личным трудом без наемных рабочих и без сдачи в аренду. Такой пункт был и в Положении ВРК Дагестана об осуществлении декрета Российской Федеративной Республики о социализации земли². Идя на такой шаг, партия и советское правительство надеялись использовать опыт помещиков в ведении высокопарного крупного сельскохозяйственного производства. Больше того, рабоче-крестьянская власть допускала даже участие бывших помещиков в коллективных хозяйствах.

В. И. Ленин на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 года, отвечая на вопрос: «Можно ли оставлять бывших помещиков в сельскохозяйственных коммунах?», говорил: «Это зависит от того, какой помещик. Такого декрета не было, чтобы помещиков не пускать. Конечно, помещик внушает недоверие, потому что он веками угнетал крестьян, которые его ненавидят, но если есть такие, которых крестьяне знают, как порядоч-

² ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 5, л. 35.

ных людей, то их пускать нетолько можно, но и должно. Мы должны использовать таких специалистов, у них есть привычка ставить крупные хозяйства и они многому могут научить крестьян и сельскохозяйственных рабочих»³.

Однако, как показал опыт, бывшие помещики и крупные землевладельцы «использовали» свои организаторские навыки совсем в других целях.

Чем же объяснить, что незначительная верхушка и после революции сохраняла за собой сравнительно много земельных угодий и на этой основе — политическое влияние в ауле? Ответ на этот вопрос мы получим, если обратимся к материалам о классовой дифференциации дагестанского аула накануне Октябрьской революции. На значительно большей части территории Дагестана процесс экономической и политической дифференциации аульских «верхов» и «низов», классового размежевания различных социальных сил в ауле только начался. Горец еще в значительной степени находился в плену демагогии эксплуататорской верхушки о «национальном и родовом единстве» и далеко не всегда осознавал свои классовые интересы и задачи. Это особенно характерно для горного Дагестана. Документы того периода указывают, что «бывшие помещики и крупные землевладельцы получали земли, обходя существующие законы, главным образом «пользуясь темнотой местного крестьянства»⁴.

Наряду с этими, были и другие причины, больше связанные с различием естественно-географических условий, но оказавшие большое влияние на развитие аграрной революции в республике. Коротко остановимся и на них.

В большинстве районов равнинного Дагестана победа Советской власти ознаменовалась революционным захватом помещичье-дворянской земли крестьянством и уничтожением, в основном, старых порядков землепользования. Из земельной площади в 441,6 тысячи га, которая после революции перешла в руки трудящихся, на равнинную часть приходилось 356,2 тыс. га. Однако население равнины не испытывало острого земельного голода, а горцы в тот период без помощи государства не могли

---

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 19.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 159.

освоить эту землю. Поэтому, пользуясь трудностями переходного периода, часть крупных владельцев равнины сумела сохранить в первые годы Советской власти значительные излишки земли.

Иное положение наблюдалось в горных районах Дагестана. Основная проблема горского крестьянства — малоземелье — не могла быть решена сразу же по установлении Советской власти, так как в этой части Дагестана удобной земли вообще было мало. А для освоения равнинных земель путем массового переселения горцев и ликвидации аграрной перенаселенности гор нужны были время и средства. Поэтому аграрные преобразования меньше всего коснулись этой части республики. Используя культурную и политическую отсталость горского населения и его приверженность к мюльковой собственности, опираясь на патриархально-феодалные пережитки и влияние эксплуататорских элементов, особенно духовенства, многие представители клерикально-родовой верхушки сумели и после революции сохранить свою землю почти в нетронutom виде. Этому способствовала также разбросанность населения по горам и ущельям, многонациональность, плохие средства сообщения, затруднявшие связь и объединение трудящихся в борьбе за свои интересы.

Таким образом, первые аграрные преобразования в Дагестане имели много отличительных черт, обусловленных как спецификой социально-экономического и политического развития в прошлом, так и особенностями естественных условий.

В отличие от центральных районов страны здесь не до конца были решены задачи буржуазно-демократической революции, такие, как ликвидация помещичьего землевладения и овцеводов-полуфеодалов, сохранилась мечетская организация с ее экономической базой в лице вакуфов, с арабской школой и шариатом. Дагестан не знал периода комбедов, а это означает, что аульская верхушка сохранила свою экономическую мощь.

Глава IV

МЕСТО И РОЛЬ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Из всего изложенного выше видно, что в первые годы после революции в дагестанском ауле имели место патриархально-феодалные формы эксплуатации.

Кстати, без учета характера и места патриархально-феодалных отношений в экономике и в быту горского аула невозможно получить сколько-нибудь верное представление о социально-экономическом развитии республики в эти годы. Поэтому необходимо хотя бы коротко остановиться на вопросе о влиянии этих отношений на разрешение земельного вопроса в Дагестане.

В первой главе коротко были проанализированы конкретные формы выражения этих отношений и показана их сущность до Великой Октябрьской революции. Каковы же были место и роль патриархально-феодалных отношений после революции?

Известно, что в земельном строе, в формах организации хозяйства и особенно в быту, т. е. в той сфере общественной деятельности человека, которая меньше всего поддается влиянию нового и больше всего находится во власти традиции, во власти наследственной инерции и дедовской старины, господствовали патриархальщина и средневековье. Основой этого господства являлась исторически сложившаяся отсталость края, а также преобладание средневекового, а в некоторых случаях и родового землевладения, засилье мусульманской религии и патриархально-родовых устоев в общественно-политической жизни и в быту дореволюционного аула.

Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила экономические и политические основы жизни горского общества. Помещичья и казенная земля была в основном конфискована и передана трудящимся

горцам, была провозглашена свобода и политическое равенство всех людей и народов, не взирая на расу, религиозные верования и пол. Однако от провозглашения политической декларации до ее претворения в жизнь всегда проходит определенное время, которое принято называть переходным. Длительность переходного периода, как правило, находится в прямой зависимости от степени развития классовых сил и классовых отношений, от степени морально-политического развития общества, от исторического прошлого края и т. д. Для переходного времени характерно сосуществование противоположных, взаимно исключаящих друг друга экономических укладов — старый подорван и низвергнут, но до определенного этапа в силу привычки его существование неизбежно, новый нарождается, но еще не может сразу, целиком заменить собой старый и до поры до времени вынужден терпеть его осколки из-за своей слабости.

С таким сосуществованием, сожителем различных укладов мы сталкиваемся и в дагестанском ауле переходного периода. Хотя Октябрьская революция в корне изменила экономические и общественно-политические условия бытия горского общества, из-за недостаточной дифференцированности классов и классовых интересов, из-за влияния мусульманской религии и общей отсталости, унаследованной от прошлого, остатки старины — пережитки патриархально-феодальных отношений — продолжали существовать и после революции, на каждом шагу мешая движению к социализму, тормозя экономическое и политическое возрождение края.

Патриархально-феодальные и даже патриархально-родовые пережитки особенно были сильными в системе организации хозяйства. Возьмем такой пример. До революции во многих горных аулах Дагестана древний обычай обязывал всех членов сельского схода принимать равное, не взирая на имущественное положение, участие во всех общественных работах и мероприятиях: бедняк, имевший не более 0,10—0,15 га посева или вовсе не имевший пашни, был обязан наравне с многоземельными богатырями участвовать в очистке и ремонте общинной оросительной системы и платить за охрану посева, а труженик, имевший одну коровенку, — пасти общественное стадо столько же дней, сколько и кулак, собственник десятка и более голов крупного рогатого скота и сотен овец.

Как показала выборочная проверка 9 горных аулов, специально организованная областным комитетом партии в 1927—1929 гг., этот обычай сохранился в очень многих сельских обществах и после революции. Комиссия ссылается на такой факт: в сел. Ричаганик Цунтинского района на сельском сходе бедняки подняли вопрос о том, чтобы очередь на пастьбу общественного скота была установлена в соответствии с наличием скота в каждом хозяйстве. Выступившие кулаки добились сохранения старого порядка: «будь бесскотный, будь с многочисленным скотом, каждый хозяин выходит пасти скот один день в очередь»¹. Комиссия отмечает, что подобные явления имеются преимущественно в отсталых аулах, где нет партячейки или ячейка очень слабая, и называет аулы Кулушац, Шагада, Ричаганик, Гумсутль, Мехельта, Мургук и т. д. В таких аулах, как правило, сельский сход находился под влиянием духовенства и кулаков, и партийно-советскому активу стоило очень больших трудов избавить горцев от тлетворного влияния феодально-клерикальных элементов.

Нередко дело доходило до того, что из-за живучести полупатриархальных, полуфеодальных пережитков и засилия кулачества и духовенства в некоторых аулах сельский сход выступал против мероприятий Советской власти и завоеваний Октября. Так, указанной комиссией было отмечено, что в аулах Мехельта и Ричаганик общественная земля, которая до революции использовалась под выпас скота крупными барановодами, после победы Октября была передана под распашку малоземельной бедноте. Однако, пользуясь своим влиянием и новой обстановкой, вызванной нэпом, кулачество сумело склонить сход к тому, чтобы эти земли вновь были превращены в пастбища².

В первое время после установления Советской власти довольно широко распространенным явлением была также патриархальная форма эксплуатации неимущих слоев под видом общественной взаимопомощи — булхъа, билха и т. д. По-прежнему был распространен патриархальный уклад в овцеводстве — так называемая система серкерства, когда вокруг одного зажиточного барановода

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, лл. 138—139.

² Там же.

собиралось 10—20 мелких овцеводческих хозяйств для совместного перегона и выпаса скота на зимних пастбищах. До революции в качестве серкера — главы коша, т. е. объединения, выступал крупный барановод-кулак. После революции с целью маскировки кулак выставлял в качестве серкера середняка и даже бедняка, однако сущность серкерства от этого не изменилась, за их спиной кулак по-прежнему руководил всей жизнью коша.

Нередко и после революции встречалась родовая собственность на землю, особенно на пастбищные горы. Так, при проверке аула Унчукатль, одного из 9 обследованных аулов, комиссия обкома партии установила, что крупные барановоды Штанчаевы «безраздельно владели пастбищной горой Мицкинтукалу»³. Аналогичные факты были выявлены и в других обследованных аулах. Правда, это не значит, что весь род на равных правах использовал свою собственность. Как правило, в таких случаях пастбища использовались наиболее богатой родовой верхушкой, и форма собственности в данном случае лишь прикрывала давно сложившееся неравенство внутри рода. Но, способствуя укреплению идеи-фикции о родовом единстве, родовом равенстве, этот пережиток старого оказывал определенное влияние на психику членов рода и на всю общественную жизнь аула. В некоторых отсталых горных аулах сохранилась даже родовая организация джамаата — сельского общества. В таких аулах отдельные влиятельные роды безоговорочно руководили всей хозяйственной, политической и культурной жизнью членов общества. Имели место факты, особенно в начале переходного периода, когда все вопросы решались на совете старейшин, а советским и партийным организациям предлагалось лишь засвидетельствовать принятые решения. При изучении классовой борьбы в Нагорном Дагестане в 1929 году, например, выяснилось, что в сел. Ричаганик сохранился совет старейшин. Как записано в докладной записке по итогам проверки этого аула, «единственное новшество в его структуре за время революции заключается в том, что в его состав входит и уполномоченный сельсоветом, так же, как старшина в прежние годы. Все вопросы, прежде чем быть обсужденными на сходе, решаются здесь. Таким образом, сход становит-

³ Там же.

ся перед фактом и утверждает только решения «стариков». И так крепок этот пережиток старого, что уполномоченный сельсоветом, получив директивы, циркуляры, или, как их называют, «приказы» центра, прежде оглашения на сходе, обсуждает их в совете старейшин»⁴.

Далее, в той же записке говорится, что только после обсуждения на этом совете решались такие важнейшие вопросы, как выдвижение кандидатур в сельсовет, распределение ссуды, распашка новых земель, организация выпаса и т. д. В чьих интересах действовал этот совет, можно судить по его решениям о порядке выпаса общественного скота членами схода, а также по тому, что именно по его решению сход, вопреки циркуляру окружного земельного отдела о распределении между беднотой и распашке некоторых пастбищных угодий, постановил наделить этой землей в равной мере всех членов джамаата без исключения. По этому поводу в записке говорится: «беднота, зная, что в этом случае им достанется худшая доля, отказалась от своего пая, не будучи никем организована против кулачества»⁵.

Представления о родовой организации, ее пережитки были настолько сильны, что они и в новых условиях использовались аульской верхушкой в своих целях. До революции в дагестанском ауле сплошь и рядом можно было столкнуться с таким явлением, как «родовая профессия», «родовая специальность» и т. д. Интересно, что поставка духовных лиц — мулл, дибиров, кадиев и даже ученых-арабистов — нередко была «привилегией» отдельных родов. Это явление было зафиксировано и указанной комиссией. Больше того, во многих отсталых аулах между отдельными родами развернулась борьба за овладение органами Советской власти на местах.

Патриархально-феодалные пережитки нашли свое выражение и в сохранении в известной мере сословно-кастового деления аула на лагов — рабов и узденей — свободных общинников. Лаги, или потомки бывших когда-то рабов, подвергались всевозможной дискриминации и притеснениям даже после установления Советской власти. Вот что писала по этому поводу комиссия, обследовавшая Нагорный Дагестан:

---

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«Сейчас горец очень хорошо знает, что все люди в ауле делятся на бедняков, середняков и кулаков, но так же хорошо, если не лучше, он знает, что граждане делятся на узденей — людей свободных и лагов — рабов.

Лагов нельзя продавать... лага нельзя заставить работать на себя, но лага нельзя считать и равным себе. И эти отношения сохранились... в быту, в общественной жизни и даже в окружных руководящих органах»⁶.

Комиссия обнаружила, например, такие факты: в ауле Шагода, да и в других аулах, родители запрещали детям дружить с потомками лагов; отправившись в путь, на привале шагодинец-лаг и уздень никогда не садились вместе. Как отмечает комиссия, «считалось величайшим позором выдать дочь-узденку за лага или жениться на девушке из лагского рода»⁷.

Не лучше было положение потомка раба и в общественной жизни аула. Во многих аулах он либо вовсе не участвовал в деятельности сельского схода, либо его мнение просто не принималось к сведению. В Ричаганике лаги жаловались на то, что «обо всех мероприятиях совласти они узнают последними, что ссуды получают тоже последними»⁸.

Из этого можно заключить, что в тех аулах, где сохранились такого рода пережитки, потомки бывших когда-то рабов почти совсем не были представлены и в местных органах власти. Например, в Гоцатле из 18 членов сельсовета 11 были потомками дворян, зато в его составе не было ни одного лага.

Надо заметить, что в подавляющем большинстве аулов Дагестана сословно-кастовые различия между так называемыми лагами и узденями давно стерлись, но в ряде аулов, особенно внутреннего Нагорного Дагестана, где слабо было развито классовое расслоение и сильны были устои патриархальщины, с этими пережитками мы сталкиваемся и в настоящее время.

Особенно живучи были пережитки патриархально-родовых отношений в быту. Авторитарность, или ответственность рода за преступление, кровная месть, калым, многоженство, бесправное положение женщины в семье — все это и в первые годы после революции было до-

---

⁷ Там же.

⁶ Там же.

⁸ Там же.

вольно распространенным явлением. Однако несомненно и то, что полупатриархальные и полуфеодальные отношения были лишь пережитком, внешней оболочкой, символом прошлого, в то время как содержание их претерпело коренные изменения и приняло ярко выраженный классовый характер. Фактически еще до революции они прикрывали эксплуатацию горской бедноты, разоблачали трудящихся крестьян и умело использовались эксплуататорскими элементами для поддержания своего влияния.

Вместе с тем приведенный материал со всей очевидностью свидетельствует о том, что в начале переходного периода полупатриархальные, полуфеодальные отношения в земельном строе, в формах организации и ведения хозяйства, в общественной жизни и особенно в быту играли еще значительную роль, и причиной этого была исторически сложившаяся экономическая и культурная отсталость края, консерватизм определенной части населения, а также влияние мусульманской религии. Материальной основой силы и живучести полупатриархальных, полуфеодальных пережитков являлась сохранившаяся помещичья, мечетская и кулацкая земельная собственность. В пользовании этих трех собственников находилась земля площадью в 447 200 га. Из них 75,4 тыс. га принадлежало помещикам, 361 800 га — кулакам и 10 тыс. га — мусульманской мечети. В то время как в среднем на одного крестьянина приходилось 4,98 га удобной земли, каждый помещик имел 370 га, или в 80 раз больше, а каждый кулак 34,6 га, или в семь раз больше. Опираясь на эту материальную базу, а также используя всевозможные предрассудки общественного, бытового и религиозного характера, феодально-клерикальные элементы и кулаки постоянно стремились расширить свое влияние на крестьянские массы, эксплуатировали их, тормозили реконструкцию сельского хозяйства республики. И до тех пор, пока трудящиеся слои находились под влиянием мулл, пока не произошла дифференциация пролетариата от нетрудовых элементов, это было неизбежно.

Глава V

АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мы отметили, что в результате аграрной революции в дагестанском ауле произошло поравнение, нивелировка крестьянских дворов. Вместе с тем гражданская война и разразившиеся затем голод, засуха и массовый падеж скота нанесли сельскому хозяйству республики такой урон, который, несмотря на принятые Коммунистической партией и советским правительством меры, ощущался еще на протяжении ряда лет. Так, удельный вес дворов, лишенных средств производства, оставался еще слишком высоким. В этой группе в распределении средств производства не произошло коренных перемен. По сравнению с 1917 годом всего на 1,2 процента уменьшилось число хозяйств без рабочего скота, а дворов без пропашного инвентаря, по сравнению с дореволюционным периодом, даже стало больше. В 1926 году, по материалам весеннего выборочного обследования, 59,5 процента, т. е. больше половины всех дворов, не имели орудий для подъема почвы. О самостоятельном хозяйствовании этой группы не приходится и говорить. Правда, рабоче-крестьянская власть делала все, чтобы путем организации прокатных пунктов, через кооперацию и различные общественные организации вырвать эту группу из кабалы. Но материальные возможности Советского государства в тот период были еще ограничены, и в своем большинстве эти слои населения попадали в зависимость к более состоятельным соседям. Источником такой зависимости являлось неравномерное распределение средств производства между экономическими группами. Если в низшей батрацко-бедняцкой группе ощущался острый недостаток средств производства, а середняк был обеспечен лишь настолько, чтобы относительно

самостоятельно вести хозяйство, то в высшей зажиточно-кулацкой группе размеры средств производства значительно превышали трудовые возможности семьи. Естественно, что излишек средств производства не лежал у них «мертвым грузом», а служил источником наживы и обогащения. Характерно, что число хозяйств, сдающих инвентарь внаем, составляло 5,2 процента всех дворов, т. е. почти столько же, сколько и кулаков. К найму средств производства прибегало 34,8 процента всех хозяйств. Таким образом, в отношении найма и сдачи орудий и средств производства (живой и мертвый инвентарь), согласно материалам весеннего опроса 1927 года, было втянуто 40 процентов всех крестьянских дворов Дагестана. При очень высоком удельном весе безинвентарных (59,5%) и не имеющих рабочего скота (33,2%) число дворов, нанимающих средства производства, сравнительно небольшое (34,8%).

Причину этого, во-первых, надо искать в слабой обеспеченности Дагестана средствами производства. Сказались годы войны и послевоенной разрухи, когда почти прекратился завоз сельскохозяйственной техники, а бывшая до этого в употреблении в значительной степени вышла из строя.

Во-вторых, значительная часть бедняцких дворов предпочитала не обременять себя малоэффективным хозяйством и либо шла в отход на рыбные и промышленные предприятия, либо работала по найму в сельском хозяйстве.

Достаточно заметить, что в 1926 г. в Дагестане было зарегистрировано свыше 58 тысяч отходников. И, в-третьих, довольно значительная часть дворов находила выход, вступая в супругу. Так, по данным 1927 года, супругающиеся составляли 35 процентов всех крестьянских дворов республики.

В Дагестане в это время своим скотом и своим инвентарем обрабатывали пашню лишь 32 948 дворов из обследованных 120 тысяч, т. е. 27,4 процента всех хозяйств. Среди нанимающих средства производства особенно выделялась группа, обрабатывающая пашню наемным скотом и наемным инвентарем. 32 641 хозяйство из 42 010, прибегающих к найму средств производства, приходится именно на эту группу. Это 27,1% всех обследованных дворов. К найму рабочего скота, при наличии своего

инвентаря, обращалось всего 2,8% дворов, а своим скотом и наемным инвентарем обрабатывало землю 4,9% дворов. Очевидно, что к найму рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря прибегали главным образом наиболее маломощные слои населения, лишенные средств производства. Об этом говорят итоги того же весеннего выборочного обследования, свидетельствующего, что 98,5 процента всех дворов, обрабатывающих пашню наемным скотом и наемным инвентарем, были малоземельными, имевшими не более одной десятины посева на хозяйство¹. Они же составляли в основном группу, обрабатывающую пашню с помощью супруги. Зато в верхних группах, сеющих свыше 8 десятин на двор, мы почти не встречаемся с наймом средств производства. Эти группы, наоборот, являлись сдатчиками средств производства. Плата за прокат инвентаря и рабочего скота производилась главным образом отработками и частью урожая, редко — деньгами. Принято объяснять это тем, что кабальные отработки обеспечивали кулака даровой рабочей силой. Это совершенно верно. Но нужно учесть и то, что, идя на это, кулак преследовал далеко идущие экономические и политические цели. Обращение к натуральной оплате в значительной степени было обусловлено новой экономической политикой, когда рынок стал связующим звеном между городом и деревней, когда кулак предпочитал сосредоточить в своих руках продукты сельского хозяйства в натуре, с одной стороны, как средство закабаления деревенской бедноты, с другой, — как средство экономического нажима на Советское государство.

Следствием неравномерного распределения орудий производства было не только развитие отношений найма-сдачи рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. На этой почве развивалась также и земельная аренда.

Известно, что земля — основное и необходимое средство сельскохозяйственного производства. Поэтому вопрос о собственности на землю имеет исключительно большое значение. В старой России господствовала средневековая собственность на землю. В то время как в среднем на один крестьянский двор приходилось 7 дес. наделной

---

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 53.

земли, каждый помещик имел в своей собственности в среднем по 2333 десятины, т. е. столько же, сколько и 300 крестьянских хозяйств. Естественно, что главным вопросом аграрного движения был вопрос о земле. Крестьянство выступало за изъятие помещичьих земель и превращение их во всенародное достояние. Вековые чаяния крестьян осуществились в октябре 1917 г. благодаря победе пролетарской революции и национализации земли. Национализация земли сыграла исключительно большую революционную роль и обеспечила Советской власти в лице трудового крестьянства надежного союзника в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции. Одновременно национализация земли дала в руки Советской власти мощное орудие воздействия на крестьянские массы в борьбе против элементов капитализма, за социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Вместе с тем, как мы уже отмечали, в декрете о земле были положения, с которыми большевики были не согласны, но которые были включены по требованию самих крестьян. Таким было, например, требование об уравнительном переделе земли, о котором говорилось выше. Точно так же по требованию крестьян декрет запрещал аренду земли и использование наемного труда. Большевики приняли и эти требования, так как понимали, что хотя эта мера не носила социалистического характера, но отражала настроения крестьян, видевших в аренде и найме рабочей силы возможность для кулака концентрировать земельную площадь и обрабатывать ее путем эксплуатации чужого труда. На этой почве в после-революционной деревне сложилось довольно противоречивое положение: революция передала в руки трудового крестьянства десятки миллионов десятин земли, но из-за неимения рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря беднота и маломощные середняки, т. е. именно те слои населения, которые в основном и были наделены землей, не имели возможности обработать ее. В то же время по требованию самих крестьян была запрещена и земельная аренда. Таким образом, огромные массивы плодороднейшей земли, по существу, пустовали. Крестьяне очень скоро сами убедились в нелепости создавшегося положения. Советское государство предвидело, что исключение из хозяйственного оборота этих

массивов может самым неблагоприятным образом отразиться на сельскохозяйственном производстве и разрешило аренду на второй же год после перехода к нэпу. Однако аренда должна была быть краткосрочной — не более одного севооборота — и к ней разрешалось прибегать только в том случае, если арендованную землю двор будет обрабатывать своими собственными силами. В условиях нэпа, когда началось оживление крестьянского хозяйства, обнаружилось, что запрещение аренды служит серьезным препятствием на пути развития производительных сил деревни и в первую очередь сказывается на хозяйстве бедняка. Кроме того, ограничение аренды и запрещение наемного труда в деревне самым серьезным образом сказывались на середняке. В условиях нэпа, когда началось оживление крестьянского хозяйства, середняк, представлявший мелкобуржуазную стихию, был кровно заинтересован в расширении производства. Между тем, ограничение аренды и запрещение наемного труда сковывали его стремление и тормозили хозяйственный рост. Естественно, что в таких условиях крестьянство выражало недовольство сложившимся положением: Оно проявилось, в частности, в том, что перед выборами 1924—1925 гг. политические требования стали преобладать над экономическими. Пытаясь использовать недовольство середняка, резко активизировали свою подрывную деятельность разгромленные эксплуататорские классы, вновь были извлечены на свет такие лозунги, как «крестьянские союзы», «Советы без коммунистов» и др., усилились политический бандитизм и кулацкий террор. Как верно отмечает автор книги «Аренда земли и борьба с кулаком» А. К. Азизян, в этот период «союз с середняком дал трещину»². Это сказалось и на итогах выборов. Как свидетельствует докладная записка по итогам перевыборов, «кулачеству... удастся во время перевыборов 24—25 гг. значительно усилить свое влияние»³. Это сказалось в уменьшении удельного веса коммунистов и комсомольцев в Советах.

Учитывая создавшееся положение, партия поставила задачу повернуться лицом к широким массам крестьянства. Уже в мае 1925 г. третий съезд Советов Союза

² А. К. Азизян. Аренда земли и борьба с кулаком. М.—Л., 1929 г., стр. 30.

³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 6/№, д. 103, л. 60.

ССР принял меры, которые внесли успокоение в крестьянские массы и стимулировали дальнейшее развитие сельского хозяйства. Крестьянину было дано право «сдавать землю в аренду до 2 севооборотов при многополье и на срок на свыше 12 лет при трех- и четырехполье». В отдельных случаях разрешалась аренда и свыше 12 лет⁴.

Съезд одобрил также условия, обеспечивающие применение наемного труда вообще, в том числе и на арендованной земле. До этого, как уже отмечалось, использование наемного труда на арендованной земле категорически запрещалось. Съезд снял этот запрет⁵.

Арендные отношения охватывали в среднем до одной трети (27,6%) всего населения республики. Исследователи доколхозной советской деревни считают, что в этот период в качестве главных сдатчиков выступали бедняцкие и маломощные середняцкие слои крестьянства, а ведущую роль среди арендаторов играли середняки. Материалы о развитии арендных отношений в Дагестане подтверждают сказанное. Так, согласно данным весеннего выборочного обследования 1926 года, 87,5 процента всех сдающих дворов и 70,2 процента всей сданной в аренду пашни приходились на группу беспосевных или сеющих не более трех десятин на двор. Зато среди арендаторов она не играла сколько-нибудь значительной роли. На их долю приходилось 23,3 процента всех арендующих дворов и лишь 16,5% всей арендуемой пашни. Средняки, наоборот, играли сравнительно небольшую роль среди сдающих, но зато занимали центральное место в группе арендаторов. Они составляли 63,3% всех дворов, участвующих в аренде, и им принадлежало 51,7% всей арендуемой пашни. Удельный вес кулацких дворов среди арендующих был невелик, всего 9,8%, но они концентрировали у себя 31,8% всей арендуемой пашни. Таким образом, социальный смысл арендных отношений ясен. Не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря или имея их в совершенно недостаточном количестве, маломощные слои населения очень часто были вынуждены бросать сельское хозяйство и обращаться к другим

---

⁴ Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939 г., стр. 99.

⁵ Там же, стр. 99—100.

источникам заработка. Для зажиточных же слоев аренда служила средством наживы и обогащения. Аренда в хозяйстве середняка являлась главным образом показателем экономического роста и улучшения его благосостояния, так как носила трудовой характер и была основана на собственных трудовых ресурсах. Это положение характерно для всей страны, поэтому нет нужды подробно останавливаться на нем. Гораздо важнее и для науки и для практики выяснить, что особенного, отличительного было в этих отношениях и чем это особенное, отличительное вызвано к жизни.

Рассматривая материалы об аренде пашни в Дагестане, мы не заметили почти никаких отклонений от общей линии развития. Обратимся теперь к тем же данным, но при этом расширим круг показателей и проследим движение не только пашни, но и всей земли в совокупности. Возьмем данные по Ачикулакскому округу, извлеченные нами из материалов 10% весеннего обследования 1927 года. Согласно этим данным, в округе было 4380 крестьянских дворов, из которых 2608, или 59,3 процента всех хозяйств, были втянуты в арендные отношения. Из них 741 хозяйство арендовало землю, а 1867 — сдавали её в аренду. 93,3% сдающих дворов либо вовсе не занималось земледелием, либо сеяло не больше 5 десятин на двор. Общая закономерность! Но вот, рассматривая данные о том, кто арендовал земельные угодья, мы сталкиваемся с явлением, выходящим за рамки принятых положений. 73% всех арендующих дворов были из группы, сеющей свыше 10 десятин на двор, т. е. явно зажиточно-кулацкой. Таким образом, если в аренде пашни первенствовал середняк, здесь ведущее место принадлежит кулаку. Обратимся к цифрам. В округе за 4380 хозяйствами было закреплено свыше 65 тысяч десятин сельскохозяйственных угодий. Из этой площади в сферу арендных отношений было вовлечено свыше 23 тысяч десятин, т. е. более трети всех земельных угодий. Кто же сдавал эту землю и кто ее арендовал? 97,6% всей сданной площади принадлежало тем же беспосевным или сеющим не более 5 десятин на двор, т. е. беднякам и маломощным середнякам. Зато 89,3 процента всей арендованной площади приходилось на верхнюю группу, сеющую свыше 10 десятин на двор. Особенно выделялась самая мощная группа, сеющая на двор свыше 20 деся-

тин. Она сосредоточила у себя 76,7% всей арендуемой земли. В этой последней группе в среднем на двор приходилось 52,4 десятины, 39,5 из них были арендованными. Чем объяснить это явление, в чем причина такого «отклонения от нормы»? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить о хозяйственной специализации района. В Ачикулакском округе основное сельское население составляли ногайцы-скотоводы с овцеводческим уклоном. Как уже было отмечено, свыше половины поголовья овец и более трети крупного рогатого скота в животноводческих районах принадлежали кулакам. Естественно, что они играли ведущую роль и в аренде пастбищно-сенокосных угодий.

Если в земледельческих районах путем аренды весь земельный фонд перераспределялся в соответствии с наличными в хозяйстве орудиями производства, то здесь фактическое перераспределение всего земельного фонда, в основном пастбищно-сенокосного, происходит соответственно с численностью скота. Это характерно не только для равнинного Ачикулакского округа, но и для горных животноводческих районов, где значительная часть поголовья скота, особенно овец, все еще являлась собственностью кулака. Это говорит о том, что в таких областях и республиках, как Дагестан, позиции кулака в экономике, его роль в общественной жизни были еще очень сильными. И объяснялось это не только исторической отсталостью, но и нередко сельскохозяйственной специализацией того или иного района.

Однако, показывая место кулака в арендных отношениях, мы не должны забывать, что ему уже не суждено было играть той роли, какую он играл в дореволюционном ауле. Известно, что до революции на равнине в земледельческих районах области арендуемая земля нередко играла значительно большую роль, чем надельная. В первую очередь это касалось наиболее мощных предпринимательских слоев населения. Для доказательства можно сослаться на пример Хасавюртовского округа, где, по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года, 57,2 процента всей обрабатываемой площади, в группе сеющих свыше 10 десятин на двор, являлось арендуемой. В советское время такого мы не наблюдаем ни в одном районе республики. Даже в Ачикулакском округе, где земельная аренда получила наибольшее раз-

витие, в этой группе арендуемая площадь составляла 30,7 процента всего землепользования. В результате национализации земли помещичье землевладение и помещичья кабальная аренда были основательно подорваны. Сотни и тысячи представителей трудового крестьянства получили землю, поэтому отпала и нужда в аренде. Если раньше аренда была порождением безземелья и малоземелья, то теперь она получила развитие на почве отсутствия средств производства. Но и тогда и теперь она была источником развития крупного производства. Если раньше возможности для развития крупного предпринимательского хозяйства были почти неограниченными, то в условиях Советской власти об этом и речи не могло быть. Национализация земли да и вся сельскохозяйственная политика партии и Советского государства были непреодолимым препятствием на этом пути. Допущение найма-сдачи и арендных отношений в нашей стране было делом временным и вызванным необходимостью восстановить разрушенное войной хозяйство. Как только восстановление в основном было завершено и партия решительно взяла курс на социалистическое переустройство сельского хозяйства, отношения найма-сдачи стали постепенно ограничиваться и вытесняться, стала свертываться база частнокапиталистического сектора. С обобществлением средств производства и победой колхозного производства аренда вовсе прекратила свое существование.

Те же материалы весеннего выборочного обследования 1927 года дают достаточно полное и точное представление о формах оплаты за аренду. Если судить о формах оплаты по числу дворов, участвующих в аренде, наиболее распространенной была издольная аренда. Из доли снимали земли в 35,5% случаев. Наименее распространенной была аренда за отработки — всего в четырех случаях из ста. В целом натуральный расчет со сдатчиком вели 62,5 процента всех дворов, участвующих в аренде, 30,6 процента — деньгами и лишь 6,9 процента — смешанным способом.

Совсем иная картина обнаруживается при рассмотрении данных о площади земли, охваченной той или иной формой аренды. Так, 51,3 процента всей земли арендовалась за деньги, 17,6 — смешанным путем и 31,1 процента — за натуральную плату. В первых двух

случаях арендуемая площадь составляла 3—4 десятины на двор, а в третьем—едва достигала десятины. По этим данным можно сделать заключение, что денежная форма оплаты была распространена среди более зажиточных слоев населения, а натуральная, наоборот, среди мелких арендаторов из маломощных бедняцко-средняцких слоев. В тех конкретных условиях это было неизбежно. Если, отдавая на прокат орудия производства, зажиточный крестьянин в целях обеспечения себя дешевой рабочей силой предпочитал отработки, то, арендуя землю, он стремился единовременной денежной оплатой как бы освободиться от сдатчика и получить полную свободу в отношении продуктов земледелия. Знаток доколхозной советской деревни Хрящева А. И. в свое время отмечала, что преобладание денежной оплаты станет понятным, если вспомнить, что арендуют землю более зажиточные слои, которым невыгодно вставать по отношению к сдатчику в положение отработчика или в другие зависимые условия.

Материалы о распределении земли в Дагестане еще раз доказывают иллюзорность крестьянских представлений об ее уравнительном переделе. В обстановке неравномерного распределения орудий производства равного распределения земли быть не может, и опыт доколхозной советской деревни яркое тому свидетельство.

instituteofhistory.ru

Глава VI

ОТНОШЕНИЯ НАЙМА И ПРОДАЖИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Для выяснения характера аграрных отношений в деревне переходного периода большое значение имеет определение места найма и продажи рабочей силы.

Как уже было отмечено, по требованию самих крестьян декрет о земле наложил запрет не только на аренду земли, но и на использование наемного труда. Однако уже в первые годы новой экономической политики малоимощные слои убедились, что размеры их собственного хозяйства не позволяют использовать все трудовые ресурсы семьи. Продажа свободных рабочих рук являлась необходимым условием их существования. Между тем по их же требованию использование наемного труда в деревне было запрещено. Тогда беднота стала наниматься в обход закона. А это в первую очередь было на руку имущим слоям, т. к., продавая рабочую силу, беднота при этом не могла использовать советские законы в своих интересах. И это, конечно, как было указано выше, не могло не отразиться на настроениях трудовых слоев крестьянства. Поэтому Советское государство в 1922 г. официально разрешило применение наемного труда. В апреле 1925 г. советское правительство издало также Правила об условиях применения наемного труда в крестьянских хозяйствах.

Все эти меры несомненно значительно улучшили положение сельскохозяйственных рабочих: для них был установлен 8-часовой рабочий день с твердо гарантированной оплатой, с еженедельным днем отдыха. Продление рабочего дня и использование рабочей силы в дни отдыха разрешались только в период срочных сельскохозяйственных работ. Причем, согласно договорам, сверхурочная работа должна была оплачиваться дополнитель-

но. Больше того, нанимающий был обязан оплатить рабочему вынужденный прогул, невыход на работу в связи с болезнью. Предусматривался даже оплачиваемый отпуск. Законными считались лишь те отношения найма-продажи, которые предусматривали все эти условия, в противном случае они признавались недействительными и не регистрировались.

Как же развивались отношения найма и продажи рабочей силы в Дагестане? Чтобы ответить на этот вопрос, мы разработали материалы выборочного обследования 37 аулов, осуществленного в 1927 году. Как свидетельствуют эти материалы, в продаже и найме рабочей силы участвовало 69,3 процента всех крестьянских дворов республики. Из них 44,3 процента продавало рабочую силу, а 25 процентов нанимало ее. Какие же социальные группы поставляли всю необходимую рабочую силу и кто нанимал ее? Итоги переписи дают ответ и на этот вопрос. К продаже рабочей силы прибегало 70 процентов дворов, не имеющих средств производства, и 54,2 процента дворов, имеющих средства производства на сумму менее 200 рублей. Это, в основном, пролетарские и полупролетарские бедняцкие слои населения. Они поставляли на рынок свыше 70 процентов всей рабочей силы. Из середняков к работе по найму прибегало 30,4 процента дворов — это 29,5 процента всех рабочих, а из кулаков всего лишь 5,6 процента. Среди наемного персонала выходцы из этой группы составляли всего 0,5 процента. Таким образом, участие той или иной социальной группировки в отчуждении рабочей силы целиком и полностью связано с ее обеспеченностью средствами производства: чем больше средств производства, тем меньше рабочих рук поставляет двор на рынок.

Совсем иная картина раскрывается при рассмотрении материалов о нанимающих рабочую силу. Из группы, не имеющей средства производства или имеющей их на сумму не более 200 рублей, к найму прибегало всего 10,2 процента дворов. Из середняков — 42,9 процента хозяйств, а из кулаков — 68 процентов. Как видим, пропорция обратная. Если в первом случае по мере роста обеспеченности группы средствами производства ее участие в продаже рабочей силы все более и более сокращалось, то здесь, наоборот, степень участия в найме тем выше, чем больше средств производства.

Таким образом, очевидно, что основными поставщиками необходимой рабочей силы являлись беднота и маломощные середняки, а в качестве главных нанимателей выступали зажиточно-кулацкие элементы. Приблизительно такую же картину мы наблюдали при анализе данных об отношениях найма-продажи рабочей силы и в дореволюционном Дагестане. Но достаточно даже самого поверхностного сопоставления материалов переписи 1917 года и выборочного обследования 1927 года, чтобы увидеть изменения, происшедшие в этой области.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, на базе аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, батрацко-бедняцкая группа значительно уменьшилась, тысячи представителей горской бедноты получили землю и стали на путь самостоятельного хозяйствования. Естественно, вследствие этого сократились также пролетарские и полупролетарские слои аула. Достаточно сказать, что почти наполовину уменьшилось и число отходников, и число сельскохозяйственных рабочих. Но изменения были не только количественные. Так, по материалам переписи 1917 года по Хасавюртовскому округу и Южно-Табасаранскому наместству, более половины всех дворов нанимателей и около двух третей всей наемной рабочей силы приходилось на самую мощную кулацкую группу. По-другому обстояло дело в дагестанском ауле в начале переходного периода. 12,7 процента всех дворов, использующих наемную рабочую силу, не имело рабочего скота, 75,4% — имело от 1 до 4 голов и лишь 12,9 процента дворов — свыше 4 голов. Это значит, что больше двух третей нанимателей являлось середняками.

Чем объяснить такое сравнительно широкое применение наемной рабочей силы в бедняцко-середняцких слоях крестьянства Дагестана? Мы уже отмечали выше, что до революции из-за скудности природных ресурсов добрая половина трудоспособного населения вынуждена была искать средства к существованию на стороне. На этой почве широкое распространение получило отходничество. Дело доходило до того, что в разгар полевых работ на местах выхода не хватало рабочих рук и даже бедняцким хозяйствам приходилось использовать наемный труд. Но если в этом заключалась основная причина довольно частого обращения бедноты к найму рабочей

силы в дореволюционном Дагестане, то в переходный период применение наемного труда в значительной мере было связано с хозяйственным ростом бедноты до уровня середняков. Однако использование труда в этой группе вызвано не столько расширением хозяйства сверх трудового, сколько необходимостью в возможно более короткие сроки закончить уборку и избежать потерь урожая. Поэтому здесь мы почти не встречаем постоянных рабочих. Наем в этой группе был краткосрочным, обычно на время уборочных работ. Но не это для нас сейчас главное.

Нам важно выяснить место капиталистической эксплуатации наемного труда. Для этого мы располагаем материалами ЦСУ за 1926 г.¹

Согласно этим материалам, в 1926 году в Дагестане было 18,6 тысячи сроковых рабочих, для которых работа по найму являлась чуть ли не единственным источником существования. 15,3 тысячи, или 82,7 процента, из них батрачили в индивидуальных крестьянских хозяйствах². Какие же социальные слои они представляли, на кого работали и каковы были условия их найма и труда?

Как показало обследование, 83,5 процента этих рабочих не имели рабочего скота, а 58,3 процента — были беспосевными³. Так что сомневаться в их пролетарском происхождении не приходится. Теперь о группе нанимателей. 10,3 процента дворов этой группы не имело рабочего скота и в значительной степени было беспосевным, дворов с 1—2 головами рабочего скота было 35,9 процента, с 3 и более — 41 процент⁴. Здесь, наоборот, преобладает зажиточно-кулацкий элемент. Об этом же свидетельствуют и данные о продолжительности сроков найма. У одного и того же нанимателя работали до 1-го месяца 2% всех рабочих, от 1 до 3 месяцев — 2% рабочих, от 3 до 6 месяцев — 4,1% рабочих, от 6 до 9 месяцев — 20,4% рабочих, от 9 месяцев до года — 6,2% рабочих, год и более — 65,3% рабочих⁵. Памятуя, что к долгосрочному найму, как правило, прибегает крупное пред-

---

¹ Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г. М., 1928 г.

² Там же, стр. 122—123.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Там же, стр. 54.

⁵ Там же, стр. 30.

принимательское хозяйство, мы можем сказать, что подавляющее большинство сроковых рабочих также «оседало» у кулаков.

Эта группа сельскохозяйственных рабочих находилась в наиболее тяжелом положении. По данным обследования условий труда и быта батрачества в 1926 году, сельскохозяйственному рабочему приходилось скитаться в поисках работы в среднем 0,9 месяца, остальные 11,1 месяца составляли средний срок найма — это почти в два раза выше, чем в среднем по СССР. Рабочий день длился в среднем 12,7 часа. А в страдную пору батраки трудились от зари до зари. 85,4% всех рабочих, нанятых кулаками, несмотря на категорическое запрещение, вынуждены были выходить на работу даже в праздничные дни, не говоря уже о днях воскресных⁶.

В итоге за два летних месяца на каждого рабочего приходилось 60,6 дня физической работы — больше, чем в любом другом районе страны⁷. И за этот тяжелый, изнурительный труд батрак получал в среднем 17,4 рубля в месяц. По стране же среднемесячный заработок составлял 15,4 рубля. Как будто бы меньше, чем в Дагестане. Однако в Дагестане из 17,4 рубля 11,1 рубля приходилось на хозяйские харчи, в то время как в целом по стране на харчи падало 7,3 рубля. И если учесть, что продукты сельского хозяйства в республике из-за отрицательного хлебного баланса были в общем-то дорогие, то окажется, что рабочие здесь фактически получали гораздо меньше за более длительную и тяжелую работу. Очень часто кулаки эксплуатировали батраков за одни харчи. Такие факты были зарегистрированы бюджетной экспедицией в 1926—1927 гг. при обследовании Аварского, Андийского и Гунибского округов. Поэтому не случайно, что в республике коэффициент рабочих, получавших зарплату деньгами, был самым низким в стране (от Дагестана отставала лишь Киргизия)⁸. Показательны в этом отношении сравнительные данные, приведенные в издании ЦСУ СССР «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 году». На 100 рублей зарплаты приходилось деньгами: в Дагестане — 18,4%, в РСФСР —

⁶ Там же, стр. 34—35.

⁷ Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 году. М., 1928 г., стр. 37.

⁸ Там же.

43,8%; продуктами сельского хозяйства соответственно — 23,3% и 10,9%; отработками — 0,6% и 1,6%; хозяйскими харчами — 58,7% и 39,9%. Удельный вес рабочих, имевших в составе заработной платы деньги, достигал в Дагестане 50% дворов, по СССР в целом — 77,7%; продукты сельского хозяйства соответственно — 56,3% и 22,3%; отработки — 6,3 и 4%; хозяйские харчи — 87,5%, 86,8%⁹. Таким образом, в Дагестане преобладала натуральная форма оплаты наемного труда, причем львиная доля этой платы приходилась на «хозяйские харчи», в то время как в среднем по стране преобладала доля денежного заработка. Это значит, что сельскохозяйственный пролетариат в Дагестане находился в значительно худших материальных условиях, что кабальные формы зависимости и эксплуатации здесь были гораздо сильнее. Используя естественный земельный голод, плохую обеспеченность средствами производства и высокие цены на сельхозпродукты, кулак фактически диктовал свои условия. Характерно то, что если в среднем по РСФСР письменными трудовыми договорами было охвачено 60,1 процента всех рабочих, то в Дагестане эта цифра составляла всего 20,8 процента¹⁰ (в этом отношении положение было хуже лишь в одной Бурят-Монголии). Это значит, что в Дагестане на заранее оговоренных условиях работал лишь один рабочий из пяти, а четверо вовсе не оформляли своих отношений с кулаком и целиком зависели от его капризов. Очень часто они работали на кулака без всякой оплаты, за продовольственную или семенную ссуду, за прокат инвентаря или рабочего скота. Не поддаваясь учету или контролю со стороны органов Советской власти, эта форма кабальной эксплуатации была наиболее тяжелой для рабочих и самой выгодной для кулаков. Именно поэтому кулачество так умело использовало все выгодные условия, чтобы с наименьшим риском и за бесценок получить необходимую рабочую силу. Вместе с тем продолжительность сроков работы по найму на сравнительно тяжелых условиях свидетельствует о том, что в Дагестане для большинства деревенских батраков продажа рабочих рук являлась основным, если не единственным, источни-

⁹ Там же, стр. 43.

¹⁰ Там же, стр. 32.

ком существования, в то время как в большинстве районов РСФСР это был дополнительный источник дохода.

Однако это не означает, что батраки находились в бесконтрольной зависимости от кулаков. Советское государство вело решительную борьбу против кабальных сделок, регулируя отношения найма-продажи рабочей силы. Оно постоянно стремилось направить их по законному руслу. Эта борьба резко усилилась в связи с курсом на коллективизацию и ограничением и вытеснением кулачества экономическими мерами. На этой почве с 1927 года наемный контингент в кулацких дворах стал постепенно уменьшаться. Если в 1926 году в индивидуальных дворах было 15,3 тысячи наемных рабочих, в 1927 году их было уже 13,4 тысячи, а в 1928 году — уже 10 тысяч¹¹. Надо отметить, что это было результатом не только ограничительных мер, но и всемерной экономической помощи партии и Советского государства, благодаря которой бедняк освобождался от кулацкой кабалы и становился на путь самостоятельного хозяйствования.

Наряду с индивидуальными дворами, к найму рабочей силы прибегали и сельские общества. У них в 1926 году было занято 3,6 тысячи человек, или 17,3 процента всех постоянных сельскохозяйственных рабочих¹². В подавляющем большинстве это были пастухи и подпаски. Обследование условий труда и быта батраков показало, что рабочие сельских обществ и групп нанимателей находятся в лучшем положении, нежели рабочие индивидуальных дворов. Об этом красноречиво свидетельствовали и данные об условиях найма. Так, средний срок найма в сельских обществах и группах нанимателей составлял 6,7 месяца, вместо 11,1 в индивидуальных хозяйствах. На 5,4 рубля был выше и среднемесячный заработок рабочего, причем из этой суммы на так называемые «хозяйские харчи» приходилось всего 4,9 рубля¹³. Правда, и здесь преобладала натуральная оплата наемного труда, однако удельный вес получавших зарплату деньгами был выше, чем в индивидуальных дворах, почти наполовину.

---

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 122—123.

¹³ Там же, стр. 41.

Любопытно и другое обстоятельство: число рабочих в индивидуальных хозяйствах падало, а здесь, наоборот, увеличивалось. Так, в 1926 году в «сельских обществах и у групп домохозяев» было 3,6 тыс. рабочих, а в 1927 году — 5,4 тыс., т. е. увеличилось почти на 50 процентов¹⁴. Это происходило потому, что наемный труд в этой группе нанимателей лучше поддавался учету и контролю, и Советское государство, регулируя отношения найма-продажи рабочей силы, до поры до времени главное внимание сосредоточило на борьбе против кабальной кулацкой эксплуатации. Но из этого не следует делать вывода, будто групповой найм рабочих не носил эксплуататорского характера. Боясь лишиться права голоса, к групповому найму все чаще и чаще стали прибегать и кулаки. Однако здесь элемент сокрытия был минимальным, и органы власти в нужный момент могли на основании закона оградить права батрака.

Однако далеко не все рабочие нанимались индивидуальными дворами или группами домохозяев. Многие из них шли в совхозы и другие государственные предприятия и таким образом оказывались в сфере социалистических производственных отношений. В начальный период нэпа таких рабочих было еще сравнительно мало. Так, на 1 мая 1926 года в совхозах Дагестана числилось 392 срочных рабочих, главным образом поденных, и 49 служащих, всего 441 человек¹⁵. Но по мере развертывания совхозного строительства их численность быстро возрастала. Срочные рабочие составляли незначительное меньшинство наемного персонала, поставляемого дагестанским аулом на рынок рабочей силы. Как и до революции, типичнейшим представителем пролетарских и полупролетарских слоев аула был рабочий с наделом. Анализируя распределение средств производства между социальными группировками, мы пришли к выводу, что свыше 40 процентов всех дворов были маломощными, хозяйственно несамостоятельными. От собственного хозяйства эта группа получала лишь 47 процентов годового дохода семьи. Поэтому естественно, что в Дагестане очень широкое развитие получили всевозможные про-

---

¹⁴ Там же, стр. 122—123.

¹⁵ Батрачество и пастушество в СССР, М., 1929 г., стр. 7.

Так, комиссия РКИ, осуществившая бюджетное обследование Даргинского округа, в 96% аулов зарегистрировала кустарные промыслы, которые служили основным подспорьем для 24,7% всех хозяйств. О социальной природе этих хозяйств говорит тот факт, что среди них 52% были безземельными и 48% — малоземельными. Комиссия РКИ определила, что 85,7% кустарей — бедняки, а 14,3% — середняки. Основным их занятием было производство кавказского сукна. Этим делом занимались 81,3% всех кустарей, в основном женщины. Мужчины предпочитали отхожий промысел.

Всесоюзная перепись населения 1926 года зарегистрировала 58 141 человека только одних отходников, на 35 тысяч человек меньше, чем в дореволюционном 1913 году. Очевидно, что такое резкое сокращение численности отхожих рабочих произошло в результате аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, а также целенаправленной классово-политической Коммунистической партии и Советского государства, обеспечивших рост значительной части бедноты до уровня середняков. Однако Октябрьская революция не могла одним разом разрешить такие серьезнейшие проблемы, как неравномерное распределение производительных сил и средств производства, в результате которого исторически сложилась аграрная перенаселенность гор. Поэтому и после революции перед многими тысячами представителей горской бедноты продолжал стоять вопрос: как, каким путем добыть средства к существованию? И источником этих средств по-прежнему продолжал оставаться отхожий промысел. По-прежнему большая часть (33 тыс.) отхожих рабочих уходила за пределы республики, меньшая (25 тыс.) — оставалась внутри. Но далеко не прежними оставались отношения найма-продажи.

До революции, как правило, почти все отходники попадали в сферу капиталистической эксплуатации. Это и понятно. В условиях господства частной собственности и засилья монополий иначе и быть не могло.

Совсем другое дело в советскую эпоху. Национализация промышленности и транспорта, строительство крупных социалистических предприятий в сельском хозяйстве в корне изменили положение. Особенно много рабочих рук поглощала быстро развивающаяся индустрия.

Надо отметить, что в конце 20-х годов на этой почве сельскохозяйственный отход, который до революции занимал такое значительное место, постепенно, с развертыванием нового строительства как внутри республики, так и за ее пределами стал терять свое значение. Подавляющее большинство отходников стало оседать на промышленных предприятиях и на новостройках. Это значит, что огромное большинство отходников в условиях Советской власти оказалось в сфере последовательно социалистических отношений. Наблюдалась характерная для переходного периода картина: имея ничтожное хозяйство на клочке земли, отходник несомненно являлся частным собственником и в определенной мере носителем буржуазных отношений. Однако личное хозяйство далеко не обеспечивало его потребностей, и, естественно, он вынужден был восполнять бюджет, прибегая к отхожему промыслу, в основном нанимаясь сезонным рабочим на рыбные промыслы, на промышленные предприятия, транспорт, строительство и в совхозы, т. е. работая в социалистическом секторе.

instituteofhistory.ru

Глава VII

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕРЕДИНЫ 20-х ГОДОВ

Материалы, приведенные в предыдущих разделах, свидетельствуют о том, что борьба за построение социализма в Дагестане протекала в иных условиях, чем в стране в целом, и имела много характерных черт и особенностей. И это было обусловлено прежде всего местом и ролью патриархально-феодальных отношений в экономической и политической жизни республики. По существу, без ликвидации патриархально-феодальных и клерикальных элементов нечего было и говорить о построении социализма в республике. Поэтому с первых дней после окончательного утверждения Советской власти вся деятельность партийных и советских организаций была направлена на подрыв влияния этих элементов. Этой задаче была подчинена практически вся их хозяйственно-экономическая, политическая и культурно-просветительная деятельность. Это и понятно. Ведь успех борьбы за ликвидацию патриархально-феодальных пережитков всецело зависел от классового самосознания и организованности аульской бедноты. Вместе с тем опыт первых лет показал слабую организованность трудящихся слоев аула. В округах время от времени проводились конференции и съезды бедноты, на которых руководящие партийные и советские работники выступали с отчетами и докладами о деятельности правительства республики, с разъяснением задач, стоящих перед трудящимися горцами; с этой же целью в аулах проводились собрания и совещания. Нельзя умалять значение этих мероприятий: они способствовали подъему творческой инициативы масс и сыграли большую роль в политическом воспитании трудящихся. Однако очень скоро выяснилось, что этого совершенно недостаточно; такого рода

конференции, съезды, собрания и совещания проводились время от времени, от случая к случаю и часто носили кампанейский характер, а работу среди бедноты необходимо было проводить регулярно, повседневно. Только таким путем можно было добиться освобождения трудящихся от влияния феодально-клерикальных элементов. Поэтому вопрос о методах руководства и формах организации аульской бедноты в тот период был одним из наиболее животрепещущих в деятельности партийной организации республики. По этому вопросу были различные мнения и суждения. Наиболее распространенным было мнение о необходимости создать в дагестанском ауле специальную бедняцкую организацию — союз бедноты под названием «Дагустан-Мискин-Халк» («Бедный люд Дагестана»).

В начале 1925 года областной комитет партии поставил этот вопрос перед ЦК ВКП(б). Выступая с таким предложением, обком ссылался на опыт деятельности бедняцких организаций — «комназемов» («комитеты незаможных селян») на Украине и союза «кошчи» в Средней Азии.

В мае 1925 года ЦК партии для обследования деятельности Дагестанского областного комитета партии послал своего инструктора.

В первых числах июня 1925 года в ЦК были заслушаны результаты обследования и доклад секретаря обкома М. Далгата. После всестороннего тщательного рассмотрения итогов деятельности Дагестанского обкома ВКП(б) секретариат ЦК партии призвал обком воздержаться от принятия решения по вопросу о создании специальных бедняцких организаций типа «комназемов» и «кошчи». Дело в том, что «комназемы» на Украине и «кошчи» в Средней Азии возникли в определенной исторической обстановке, в ходе гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда местные советские и партийные организации были еще слабы, и беднота в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции, в борьбе против помещиков, кулаков, баев и духовенства нуждалась в твердой организации, стоящей на страже их интересов. В этих условиях «комназемы» и «кошчи» явились надежной опорой Коммунистической партии в борьбе за упрочение Советской власти, за укрепление союза рабочих и крестьян. Они сыграли большую роль в ликви-

дации кулацкого саботажа и вовлечении трудящихся в строительство Советского государства.

После окончания гражданской войны и победы Советской власти с «комназемов» и «кошчи» был снят ряд государственно-административных функций, и они были реорганизованы в добровольные общественные организации трудящихся деревни. «Комназемы» и «кошчи» оказывали большую помощь бедноте и середнякам, готовили их к социалистическому переустройству сельского хозяйства. Наряду с этим, в деятельности «комназемов» и «кошчи» были и крупные недостатки. Нередко они пытались подменить сельские Советы, кресткомы и кооперативные объединения, противопоставить себя деревенским партийным организациям.

Создание специальной бедняцкой организации в дагестанском ауле в тот период, когда партия требовала от местных партийных организаций во всей своей деятельности прочно опираться на середняков, не могло не сказаться и на союзе бедноты с середняцкими массами аула.

Поэтому, исходя из опыта деятельности крестьянских организаций на Украине и в Средней Азии, а также из конкретной исторической обстановки, ЦК партии не поддержал инициативы Дагестанского обкома по созданию в ауле бедняцкой организации «Дагустан-Мискин-Халк». 5 июня 1925 года секретариат ЦК ВКП(б) обратился к коммунистам Дагестана со специальным письмом, в котором предложил обкому развернуть работу среди бедноты и середняков путем систематического проведения бедняцко-середняцких собраний, организации систематической отчетности местных органов Советской власти перед аульским активом и т. д. Кстати, вопрос о методах руководства и формах организации деревенской бедноты в этот период имел исключительно большое значение не только для Дагестана, но и для всей страны. Этот вопрос был предметом всестороннего обсуждения на октябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1925 года. Пленум поручил Политбюро ЦК ВКП(б) обсудить вопрос о работе бедняцких организаций на национальных восточных окраинах и вместе с тем постановил «... проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременно

втягиванием в них батрачества)»¹. Пленум подчеркнул, что вся деятельность собраний и групп бедноты должна проходить совместно с середняками.

Письмо ЦК и постановление октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) имели для коммунистов Дагестана огромное значение. Исходя из указаний Центрального Комитета партии, Дагестанский обком ВКП(б) принял меры для оживления работы в ауле. Члены обкома, ДагЦИКа и СНК ДАССР на три месяца были командированы на места. Многие опытные партийные и советские работники были посланы на постоянную работу в аулы и округа. Стали практиковаться регулярное обследование местных партийных и советских организаций инструкторами и членами бюро обкома, а также широкое обсуждение итогов проверки на активе местных партийных и советских работников совместно с представителями бедноты и середняков.

Особенно оживилась работа в связи с предстоящими перевыборами местных Советов в 1926 году. В январе 1926 года повсеместно были проведены расширенные участковые пленумы исполкомов с участием представителей сельских Советов и кресткомов. Пленумы прошли под лозунгом «Месяц отчета окрвластей». Во всех аулах были проведены собрания батраков, бедняков и середняков. На этих собраниях обсуждалось три вопроса: о работе сельсовета; о предстоящих перевыборах и о союзе батраков, бедняков и середняков; о кандидатах в члены будущего Совета. В некоторых округах были проведены конференции бедноты и середняков.

Меры, принятые партийной организацией республики по оживлению работы в ауле, имели исключительно большое значение. Они способствовали подъему классового самосознания и активности бедноты и середняков. Вот что сообщал в своей докладной записке в обком от 4 марта 1926 года секретарь Кюринского окружного комитета партии о результатах предвыборной деятельности окружной партийной организации: «...Эта работа принесла большой плюс тем, что сельские активисты вошли в курс работы, ознакомились с задачами предстоящих выборов и задачами «Нового курса в деревне» и в частности с вопросами о необходимой организованности

¹ КПСС в резолюциях... ч. II, изд. 7, 1954 г., стр. 182.

союза батраков — бедняков — середняков против кулацкого союза»².

И все же работа среди деревенской бедноты была поставлена слабо и страдала рядом серьезных недостатков. Несмотря на постановление октябрьского Пленума ЦК ВКП(б), областной комитет партии все еще проявлял колебания в выборе методов и организационных форм работы среди деревенской бедноты.

В начале 1927 г. ЦК партии вновь проверил деятельность Дагестанского обкома КПСС. 16 марта 1927 года по итогам проверки Секретариат ЦК принял постановление. В нем были отмечены достижения в области хозяйственного и культурного строительства в Дагестане: «Значительный рост промышленности, помощь сельскому хозяйству, проведение новых дорог, увеличение сети школ и больниц, заметный подъем активности дагестанского крестьянства и т. д.»³. Вместе с тем ЦК указал, что «директивы ЦК (письмо Дагобкому от 5 июня 1925 г.) в основном проводятся крайне медленно и недостаточно решительно,.. по-прежнему недостаточно уделено внимание работе в ауле»⁴.

Коренной перелом в работе среди деревенской бедноты наметился лишь после июньского пленума Дагестанского обкома ВКП(б).

Пленум состоялся 24—28 июня 1927 года. В центре внимания пленума были вопросы о работе среди деревенской бедноты и о задачах парторганизаций на предстоящих выборах. В резолюции по докладу секретаря обкома М. Далгата о работе среди деревенской бедноты пленум отметил общий культурный и хозяйственный рост деревни, рост политической активности всех социальных слоев аула. Пленум указал на необходимость использовать эту активность в нужном направлении.

«Вся наша деревенская политика,..—говорилось в резолюции пленума, — имеет своей задачей под руководством партии укрепление союза пролетариата и беднейших крестьян со средним крестьянством и высвобождение середняков из-под влияния кулачества. Борьба за среднее крестьянство — одна из основных политических

² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, ед. хр. 79, л. 22.

³ «Звезда», № 1, 1927 г., стр. 9.

⁴ Там же.

задач, стоящих за последние годы перед нашими деревенскими парторганизациями»⁵. Пленум указал, что сделать это «возможно и легко с помощью деревенской бедноты». Но беднота в деревне была раздроблена, распылена. Главным препятствием, тормозящим работу среди дагестанской бедноты, как отмечал пленум, «была неясность организационной формы работы среди бедноты в условиях Дагестана»⁶.

Исходя из этого, пленум указал, что «... основной вопрос, стоящий сейчас перед Дагестанской организацией в работе с беднотой, — это организационный вопрос». В качестве основной формы работы в ауле были выдвинуты собрания и группы бедноты. Пленум признал нецелесообразным создание специальной централизованной бедняцкой организации наподобие «комназемов» или «кошчи».

Для успешной работы среди бедноты пленум предложил всем местным партийным организациям «с самого же начала учесть опыт российских и др. губерний»⁷, проводить эту работу систематически, не придавая ей кампанейского характера.

После июньского пленума местные партийные организации активно приступили к развертыванию работы среди бедноты путем организации бедняцких групп и собраний. В Ачикулакском, Кайтаго-Табасаранском, Буйнакском, Дербентском, Кизлярском, Лакском и др. округах были организованы десятки бедняцких групп⁸. В течение июля—сентября 1927 г. только в Аварском, Гунибском, Самурском округах и Тляратинском районе было проведено 214 бедняцких собраний. В их работе приняли участие более 8500 представителей бедноты и середняков. Собрания проходили под руководством коммунистов при небывалой активности бедняцко-середняцких масс крестьянства. Попытки феодально-клерикальных элементов и кулачества сохранить свое влияние кончились полным провалом. Ярким свидетельством этого были итоги перевыборов местных Советов в 1926 и 1927 гг. Если в 1924 году в перевыборах местных Советов участвовало всего 30,3 проц. всех избирателей, то в 1926 го-

⁵ «Звезда», № 2 (4), стр. 22.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ «Красный Дагестан», 5 июля 1928 г.

ду голосовало уже 50 проц., а в 1927 году — 61,3 проц. всех избирателей⁹. По сравнению с 1924 г. число голосовавших в 1926 г. выросло почти на 20 проц., а в 1927 г. — более чем вдвое.

Выборы проходили в ожесточенной классовой борьбе. Это была борьба между рабочим классом, с одной стороны, и феодально-клерикальными и кулацкими элементами, с другой, за овладение основной массой крестьянства. От того, на чью сторону станут крестьянские массы, зависело советское социалистическое строительство в ауле.

Выборы явились ярким свидетельством роста влияния партии на широкие массы дагестанского крестьянства. Роль духовенства и кулаков была сведена на нет. Подавляющее большинство избранных (96,7%) составляли освобожденные от сельхозналога бедняки (65,3%) и маломощные середняки (31,4%). Удельный вес коммунистов и комсомольцев в Советах в 1926 году составил 9,6 процента, а в 1927 г. — 14,6 проц. На предвыборных собраниях и сходах бедняки и середняки повсеместно потребовали изъятия вакуфных и других земель нетрудовых элементов.

Подводя итоги отчетно-выборным кампаниям 1926—1927 гг., бюро обкома партии отметило, что «бедняцкая масса в основном была готова к осуществлению задач, стоящих перед партией по работе в деревне»¹⁰.

Коммунистическая партия указывала, что «выборы в Советы — это основная и общая проверка со стороны миллионных масс беспартийных рабочих и крестьян всей работы Советской власти и нашей партии»¹¹. В условиях Дагестана эта проверка показала, что крестьянство республики решительно поддерживает политику Коммунистической партии и Советского государства. Выборы 1926—1927 годов показали, что трудящиеся горцы в значительной мере освободились от влияния феодально-клерикальных элементов и готовы отказаться от уступок, сделанных в начале переходного периода

---

⁹ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929 г., стр. 6.

¹⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, д. 965, л. 3.

¹¹ КПСС в резолюциях... ч. II, 1954 г., стр. 355.

Опираясь на возросшее классовое самосознание и поддержку широких слоев бедноты, на размежевание классовых сил и классовых интересов, партийная организация республики приняла ряд мер, направленных на ликвидацию патриархально-феодальных пережитков и завершение аграрной революции.

23 февраля 1926 года ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление об изъятии вакуфного имущества. Согласно постановлению, изъятие вакуфного имущества должно было быть завершено к октябрю 1928 года.

В целях еще большей активизации бедноты в борьбе с феодально-клерикальными элементами конфискация вакуфного имущества была поручена органам бедняцко-средняцких масс — кресткомам (комитетам крестьянской взаимопомощи). Это вызвало новую волну творческой активности трудящихся масс аула. Беднота выявляла вакуфные земли и передавала их безземельным и малоземельным крестьянам. Особенно успешно разворачивалось изъятие вакуфов там, где местные партийные организации сумели возглавить инициативу бедноты и середняков, как, например, в Буйнакском округе. Окружной комитет партии сразу же по опубликовании постановления правительства республики командировал во все аулы своих уполномоченных. Они на местах провели собрания партийных ячеек, на которые были приглашены представители бедноты и середняков, и умело организовали работу по изъятию вакуфов. В результате уже к лету того же года конфискация мечетского имущества в округе находилась на стадии завершения. В руки кресткомов было передано 870 десятин пашни, 363 десятины сенокосов, 5096 пудов пшеницы, 5485 руб. денег, два дома, 5 медресе и другое имущество¹².

Всего по республике к концу 1928 года было изъято у мечетей 6958 десятин земли, 88 домов, 5 медресе, 42 мельницы и другое имущество на сумму 212 702 рубля. Вся эта собственность мечетей поступила в распоряжение кресткомов. В результате значительно окрепла материальная база кресткомов, усилилась помощь, оказываемая ими бедноте. Вот некоторые данные, свидетельствующие об этом: на 1 октября 1926 года денежные фонды кресткомов составляли 60 тыс. руб., а на 1 октября 1927 го-

¹² «Звезда», № 6(8), 1927 г., стр. 45.

да — уже 342 тыс. руб., рост почти в шесть раз. Такое увеличение фондов позволило им значительно усилить помощь, оказываемую бедноте. В частности, если в 1926 году в кресткомках было 26 машин и тракторов, которые использовались для обработки земли бедноты, то в 1928 году их число было доведено до 141. В несколько раз выросла денежная помощь. Особенно ощутимую роль в подъеме экономики маломощных слоев сыграла передача кресткомками в руки бедноты бывшей мечетской земли. Вот что говорится по этому поводу в записке ДК кресткомков в ЦИК ДАССР: «... с изъятием вакуфов материальное положение бедноты заметно улучшилось, ибо 5500 дес. вакуфной земли, переданной непосредственно в пользование бедноты, в наших дагестанских условиях, где горец, имея 0,5 десятины пахотной земли, уже считается обеспеченным, составляют колоссальные средства, следовательно, помощь передачею земли оказана очень значительная, не говоря уже о том, что кресткомки, увеличив свои фонды, усилили и помощь бедноте на обработку этих земель»¹³. Затем записка заключает: «... изъятие вакуфов дало большой эффект в улучшении положения бедноты Дагестана и их общественной организации кресткомков»¹⁴.

Однако нужно сказать, что изъятие вакуфов не везде проходило успешно. В ряде мест вследствие слабой организаторской и политической работы партийных и советских организаций феодально-клерикальные элементы сумели сохранить влияние на обширные слои крестьянства и использовать это влияние в своих целях. В таких местах изъятие вакуфов, по существу, было сорвано. Так обстояло дело, например, в Даргинском округе¹⁵. Поэтому к сроку, установленному постановлением ЦИК и СНК ДАССР, изъятие вакуфов не было завершено.

Одновременно с изъятием вакуфов были также приняты меры по выселению помещиков и конфискации их земли и имущества.

Хотелось бы на этом вопросе остановиться несколько подробнее. Дело в том, что мы привыкли полагать, что декрет о земле одним ударом положил конец и помещи-

¹³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 164, л. 109.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Красный Дагестан», 18 февраля 1927 г.

кам и помещицкому землевладению, будто этот вопрос больше не вставал перед Советским государством. Да и в нашей исторической науке почему-то принято все внимание акцентировать именно на этой стороне вопроса. Между тем партия в решении таких социальных вопросов проявляла величайшую осторожность. В главе о кооперации уже говорилось, как В. И. Ленин отнесся к вопросу о приеме помещиков в различного рода товарищества. В. И. Ленин говорил, что в каждом отдельном случае вопрос надо решать индивидуально, исходя из того, каков сам человек, что он сможет дать обществу. Говоря об уничтожении, о ликвидации эксплуататорского класса, В. И. Ленин и Коммунистическая партия имели в виду его ликвидацию лишь как социальной категории, живущей за счет чужого труда, но никак не физическое его истребление. Больше того, В. И. Ленин считал, что многие помещики имеют навыки, опыт в организации крупного хозяйства и наш долг использовать этот их опыт. Коммунистическая партия и Советское государство всегда руководствовались этими ленинскими указаниями. Чтобы удостовериться в этом, достаточно вспомнить, как, объявив помещицьи земли всенародным достоянием, декрет о земле не исключил для помещиков возможности заниматься земледелием. Закон о земле давал помещику, не принимавшему активного участия в контрреволюционной борьбе против Советской власти, право на надел земли по трудовой норме при условии ведения хозяйства без применения наемного труда и без сдачи земли в аренду. Как свидетельствуют документы, многие бывшие помещики воспользовались этим правом и получили свой надел. Больше того, многие хозяйства помещиков были сохранены как образцово-показательные, и с первых же дней своего существования Советское государство взяло их под свою защиту. Однако опыт показал, что эти помещики, используя трудности гражданской войны и послевоенной разрухи, систематически занимались антисоветской, контрреволюционной деятельностью; в обход советских законов, путем всевозможных злоупотреблений они получили земли значительно больше положенной им трудовой нормы и стали эксплуатировать крестьян путем установления кабальных отношений. Все это вызвало естественное возмущение широких слоев трудового крестьянства. Поэтому

му 20 марта 1925 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской социалистической революции хозяйствах». Необходимость принятия такой меры мотивировалась следующим образом: «... как показал семи летний опыт, бывшие помещики, оставленные на принадлежавшей им ранее земле, не только не ведут культурного хозяйства, но в большинстве случаев разрушают доверенное им имущество. Под видом ведения культурного хозяйства, под видом организации сельскохозяйственных артелей и коммун бывшие помещики эксплуатируют крестьян, применяя наемный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения. Значительная часть бывших помещиков получила землю путем обхода законов, путем злоупотреблений.

В то же время эта категория землепользователей оказалась непримиримо враждебной по отношению к рабоче-крестьянской власти. Значительная часть бывших помещиков стала принимать активное участие в контрреволюционном движении и в продолжение 7 лет ведет в деревне явную и скрытую контрреволюционную агитацию против мероприятий Советской власти, равно поддерживает и использует пережитки старого режима — покорность и страх перед помещиками наиболее отсталых крестьян. Все это вызывает в широких слоях трудового крестьянства естественное возмущение»¹⁶. Исходя из всего этого, ЦИК и СНК СССР постановили лишить бывших помещиков права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежащих им до декрета о земле от 26 октября 1917 года. Выселение должно было быть завершено к 1 января 1926 года. Это постановление не распространялось лишь на лиц, боровшихся за Советскую власть, имеющих особые заслуги и отмеченных ЦИК и СНК СССР.

Основной целью постановления советского правительства было лишение бывших помещиков экономической базы, с помощью которой они закабалляли деревенскую бедноту, ослабление их политического влияния на крестьянские массы и тем самым дальнейшее ограничение и вытеснение частного сектора в сельском хозяйстве.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 573, оп. 5, д. 13, л. 17.

Особенно большое значение имело указанное постановление для таких национальных республик, как Дагестан, где в силу отсталости населения аграрная революция не была завершена и помещики сохранили значительные земельные площади и пользовались влиянием среди населения. Поэтому целесообразно остановиться на истории разрешения этого вопроса в Дагестане более подробно.

В течение пяти дней после принятия указанного постановления в Дагестане была создана комиссия по выселению помещиков. Председателем комиссии был назначен Тымчук, членами — Кириллов и Успенский. 25 марта 1925 года комиссия приступила к исполнению своих обязанностей и подготовила материалы на 196 помещиков. Однако работу свою не довела до конца и была расформирована.

В начале 1926 года была создана новая комиссия в составе Ахундова — председатель, Атаева и Мамедбекова — члены. В марте 1926 года приступила к работе и эта комиссия. Она решила из учтенных помещиков выселить 108 человек, но тоже не сумела приступить к проведению намеченных мероприятий из-за выезда Ахундова и Атаева за пределы республики. К середине 1927 года была создана третья комиссия под председательством Коркмасова. В ее состав вошли Х. Магомедов, Тагиев, Алексеенко, Хорунжик. Эта комиссия начала работать 20 июля 1927 года. Таким образом, прошло два с лишним года, прежде чем удалось приступить к выселению помещиков. И причиной этого были не только трудности организационного характера. К услугам исследователя имеется много документов, свидетельствующих о том, что сохранение помещиков и их земельных владений вызывало недовольство бедняцких слоев населения. Об этом сообщает, в частности, газета «Красный Дагестан» от 24 июня 1925 года¹⁷. Немало материалов по этому вопросу хранится и в Центральном государственном архиве ДАССР. Не раз этот вопрос ставился на пленумах и конференциях партийной организации республики. На июньском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1925 г., например, указывалось, что «вопрос о помещиках стоит давно, а выселить их не можем: делаются ссылки на то,

---

¹⁷ «Красный Дагестан», 24 июня 1925 г.

что они засеяли хлеб, необходимо дать им возможность снять данный урожай и т. д. А вслед за этим они приступают к новому севу и опять остаются, а в крестьянской бедноте растет по этому поводу недовольство»¹⁸.

Здесь, конечно, не обошлось без сопротивления оппортунистических и классово чуждых элементов, засевавших в земельных органах и всячески тормозивших работу по выявлению помещиков, с одной стороны, и с другой, — сказалось недопонимание социально-экономических процессов, происходящих в дагестанском ауле того периода, некоторыми руководящими работниками, которые, вопреки фактам, выступали с бездоказательными утверждениями, будто в Дагестане «помещиков не было или почти не было».

Но как бы там ни было, ясно одно, что осуществление постановления ЦИК и СНК СССР о выселении бывших помещиков в республике сильно затянули. ЦИК и СНК ДАССР опубликовали постановление по этому вопросу лишь 14 апреля 1927 года, т. е. спустя два с лишним года после решения союзного правительства, а республиканская комиссия приступила к работе еще позднее — 20 июля 1927 года.

Комиссия взяла на учет 204 хозяйства бывших помещиков и крупных земельных собственников. Однако закон 14 июля коснулся лишь 116 из них. По решению ВЦИК СССР 58 из них было подвергнуто высылке в пределах ДАССР, 51 помещик был оставлен на месте с сохранением имущества, необходимого для ведения трудового хозяйства, а 7 дворов сохранили свое прежнее положение. Этот факт еще раз свидетельствует о величайшей терпимости и гуманности Советского государства. Учитывая, что остатки помещиков уже не могут представлять серьезной угрозы, Всероссийский Центральный Исполнительный комитет распорядился выслать из взятых на учет 204 лишь 58 наиболее крупных помещиков, активно участвовавших в борьбе против Советской власти и продолжающих свою контрреволюционную деятельность. Причем и они должны были быть перемещены внутри республики, а подавляющее большинство помещиков осталось на своих местах и сохранило соб-

---

¹⁸ Там же.

ственность, необходимую для ведения трудового хозяйства.

В процессе осуществления этого постановления у помещиков было изъято 38 915 га земли, до 40 тыс. голов скота, сельскохозяйственный инвентарь, зерно, фураж, шерсть, жилые и сельскохозяйственные постройки и др. имущество.

О том, в чье распоряжение поступило это имущество, можно судить по следующим данным.

Из 26 857 тонкорунных овец, изъятых у помещиков, были переданы товариществам — 58 проц., акционерному обществу «Овцевод» — 34,9 проц., Наркомзему — 3,9 проц., Дагкентбирлиги — 3,9 проц.

Из 9888 грубошерстных овец 69,8 процента также поступило в распоряжение товариществ, 29,4 проц. овец было продано с торгов, остальные были переданы Наркомзему. То же самое было сделано и с крупным рогатым и рабочим скотом: товариществам было передано 51 проц. рогатого скота и 75,5 проц. волов. В основном в их распоряжение была передана также земля и сельскохозяйственный инвентарь. По указанию Центральной комиссии 25 проц. конфискованного у помещиков имущества поступило в распоряжение бедноты в качестве безвозвратной ссуды.

Таким образом, конфискованная у помещиков собственность перешла в распоряжение всевозможных товариществ и бедноты и была использована для укрепления общественного сектора в сельском хозяйстве и подъема материального уровня трудящихся крестьян.

Вместе с тем, надо сказать и о трудностях, которые пришлось преодолеть в ходе подготовки и осуществления этого акта, имеющего столь большое значение для дагестанского аула. О некоторых из них, а именно о трудностях организационного характера, уже было сказано. Однако и после их преодоления пришлось столкнуться с новыми, не менее серьезными трудностями. Прежде всего следует отметить, что выселение помещиков носило административный характер, проводилось без должной поддержки инициативы и активности, исходящих снизу.

Трудящиеся уже в 1925 году требовали конфискации помещичьей собственности и высылки помещиков. Этот вопрос не раз обсуждался и партийной организацией. Однако при осуществлении постановления от 14 апреля

1927 года комиссия почти ничего не сделала, чтобы еще более активизировать трудящихся аула. Выселение помещиков осуществляли не бедняцко-средняцкие организации, как было при ликвидации вакуфов, а специально созданные комиссии из руководящих работников округов. Ссылаясь на итоги проверки партийной комиссией осуществления постановления от 14 июля, газета «Красный Дагестан» в подборке материалов под общим заголовком «Учесть уроки Наркомзема» писала по этому поводу: «... выселение помещиков... проводилось кабинетным порядком помимо участия бедняцко-средняцких масс»¹⁹.

Кроме того, прослеживается несогласованность в работе местных комиссий и Центральной комиссии. В той же подборке отмечается, что Наркомзем «не дал округам указаний, кого следует подводить под категорию, подлежащую выселению»²⁰.

Вот несколько примеров. Кизлярская окружная комиссия представила материалы на выселение 21 помещика, однако Центральная комиссия не удовлетворила ее ходатайства, ссылаясь на то, что высылке подвергаются лишь помещики — потомственные дворяне. Между тем в списке, предложенном кизлярской комиссией, были такие лица, которые имели свыше 500 дес. земли, до 70 голов рабочего скота, до 6—7 тыс. овец и свыше тридцати наемных рабочих. К тому же комиссия установила у них не только наличие крупного землевладения, большого количества скота и закабаления крестьян, но и участие их в контрреволюционном движении. А из селения Рутул, несмотря на настояния Самурского окружного комитета ВКП(б), не были выселены бывшие беки. Вот характерный случай, о котором сообщалось тогда в печати. Дербентский окружной исполнительный комитет собрал материалы и послал с просьбой выселить из округа бывшего князя Абдурахмана Алиева. В материалах были документы, которые свидетельствовали о том, что Алиев по-прежнему эксплуатирует бедноту, избивает батраков. Центральная комиссия отказала в выселении Алиева на том основании, что он является отцом заместителя наркомздрава. После настойчивых требований окружно-

---

¹⁹ «Красный Дагестан», 31 октября 1929 г.

²⁰ Там же.

го комитета ВКП(б) и окружного исполкома Алиева все же выселили из его имения. Но и после этого в Наркомземе нашелся работник, который послал в Дербентский окружной комитет партии отношение с требованием оставить Алиева на месте и даже наделить его землей²¹.

Комиссия проявила непоследовательность и при реализации конфискованного у помещиков имущества: хотя в распоряжение кооперативных объединений и бедняцко-середняцких масс и поступила значительная часть земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря, однако трудно оправдать другой шаг, предпринятый ею, а именно—распродажу с торгов до 30 проц. конфискованного у помещиков имущества. Конечно, в торгах главным образом участвовали не батраки и бедняки, и даже не середняки, а кулаки, имевшие необходимые средства. В их руки и попала значительная доля этого имущества. Об этом говорилось и в материалах проверки, приведенных нами выше²².

По этим причинам к установленному сроку не удалось завершить ликвидацию бывших помещиков и их землевладения. В своих имениях осталось 95 крупных собственников и арендаторов, которые владели 36,5 тыс. га земли, это по 384,2 га в среднем на владельца.

Специальная комиссия Комкадемии в составе Ларина (председатель), Зелкиной и Шаймарданова в своей записке в ЦК ВКП(б) сообщала, что «даже после проведения этой операции (т. е. выселения. — О. Г.) значительная часть помещиков все же осталась и сохранила почти дореволюционные размеры хозяйства. Так, в предгорном Кюринском округе, в сел. Кандик, в 1927 году не был выселен помещик Хан-Магомедов, имевший 44 дес. пашни, 22 дес. сенокоса, 1800 дес. пастбищ, 50 лошадей, 25 коров, 8 рабочих быков, 8 буйволов, 8 буйволиц и 1500 овец; в том же округе помещик Риза-Арджанов имел 70 десятин пашни, 70 дес. сенокоса, 80 лошадей, 80 коров, 1500 овец, 12 буйволов и буйволиц. В Табасаранском округе после выселения помещиков в 1927 году была оставлена земля у помещиков, имеющих по 50—70 дес. пашни и по 100—150 дес. сенокоса». Между тем в Кю-

21 «Красный Дагестан», 3 июля 1928 г.

22 «Красный Дагестан», 31 октября 1929 г.

ринском и в Табасаранском округах средний надел двора равнялся 2,52 га пашни и сенокоса.

В записке приводится ряд аналогичных фактов. При чем отдельные из них свидетельствуют, что некоторые помещики даже увеличили свою собственность по сравнению с той, которая была в дореволюционный период.

Все это говорит о том, что изъятие вакуфов и ликвидацию помещичьего землевладения не удалось завершить к установленному сроку. Тем не менее принятые меры имели исключительно большое значение для дальнейшего экономического роста бедняцко-средняцких слоев аула и основательно подорвали материальную базу патриархально-феодальных пережитков. Достаточно указать, что в ходе осуществления этих мер у феодально-клерикальных элементов было изъято и передано трудящимся до 50 тыс. гектаров плодороднейшей земли и всевозможного имущества на 1,5 млн. рублей.

Наиболее полным и последовательным социально-экономическим мероприятием, направленным на коренное изменение форм хозяйства и быта в дагестанском ауле, была земельно-водная реформа.

Вопрос о земельной реформе в условиях Дагестана впервые был поставлен на февральском пленуме областного комитета партии в 1926 году.

Пленум в резолюции по этому вопросу отметил, что осуществление земельной реформы диктуется необходимостью провести землеустройство и пастбищеустройство. Пленум указал, что при осуществлении землеустроительных работ необходимо придерживаться строго классового принципа — наделять лучшей и удобной землей по трудовой норме прежде всего безземельные, малоземельные бедняцкие и средняцкие дворы, при этом поощряя кооперативные формы землепользования²³.

Второй задачей, которая ставилась пленумом перед земельной реформой, была ликвидация аграрной перенаселенности гор путем переселения части населения с гор на равнину. По этому вопросу в резолюции пленума было записано:

«Ввиду острого малоземелья в нагорных округах ДАССР... и в целях наделения землей безземельных

---

²³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 68.

крестьян Дагестана признать необходимым переселение».

Однако, по мнению пленума, свободных земель для наделения малоземельных горцев было недостаточно. Поэтому пленум признал необходимым:

во-первых, «закрыть границу ДАССР для переселенцев из других республик»;

во-вторых, «расширить территорию ДАССР путем присоединения земель из госфонда соседних административных образований».

В марте 1927 года областная партийная организация на своей очередной VIII конференции вновь вернулась к этому вопросу и указала на необходимость «принять меры к ускорению проведения земельной реформы в Дагестане»²⁴. Конференция призвала при этом обратить особое внимание на развитие коллективных форм землепользования — колхозов, трудовых артелей, совхозов и т. д., оказывая им достаточную материальную помощь.

Таким образом, и февральский пленум 1926 года, и VIII областная партийная конференция, говоря о необходимости осуществления земельной реформы, связывали с ней две конкретные задачи: во-первых, ликвидацию аграрной перенаселенности гор путем переселения части населения на равнину, во-вторых, развитие коллективных форм землепользования — колхозов, всевозможных товариществ, совхозов и т. д.

Практически вопрос о земельной реформе был решен на VI Вседагестанском съезде Советов, который собрался через три дня после окончания работы VIII конференции областной партийной организации. Первоначально на повестке дня предстоящего съезда вопрос о земельной реформе не стоял. Но в связи с тем, что VIII областная партийная конференция уделила этому вопросу много внимания и к тому же более года шла подготовка к нему, было решено включить вопрос о земельной реформе в повестку дня съезда. Это было сделано 24 марта 1927 года, за четыре дня до открытия съезда, когда большинство делегатов прибыло в столицу республики или находилось в пути. По этой причине делегаты не имели возможности должным образом подготовиться к обсуждению этого важнейшего вопроса. Тем не менее

²⁴ Там же, оп. 8, л. 43, л. 1.

съезд обсудил вопрос о земельно-водной реформе и принял по нему соответствующее решение. Постановление считало необходимым «принять самые экстренные меры к немедленному проведению намеченной правительством земельной реформы»²⁵. Необходимость проведения реформы постановление мотивировало тем, что:

во-первых, «сельское хозяйство Дагестана в своей известной части еще является натуральным, настолько малопродуктивным, что, выделяя для товарного рынка, оно не в состоянии удовлетворить даже самых ограниченных потребностей горского крестьянства»;

во-вторых, «земельный голод в горах и вызываемая им безработица среди горского крестьянства, которую не могут ослабить в достаточной степени ни развитие цензовой промышленности, ни отхожие, ни кустарные промыслы, держат значительную часть горского крестьянства в состоянии крайней нужды»²⁶;

в-третьих, «нынешнее положение горского крестьянства может быть изменено только с ликвидацией земельного голода, путем переселения части горцев на плоскость».

Одновременно в том же постановлении, «в порядке выполнения земельной реформы», съезд поручил правительству республики «немедленно приступить к отводу дополнительных наделов горским обществам на плоскости», «ускорить землеустройства плоскостного населения» для выделения фондов, подлежащих отводу под дополнительные наделы; произвести учет земель и населения горной части для выяснения избыточного населения и определения, сколько земли потребуется для их устройства на равнине, а также ускорить межселенное землеустройство²⁷.

В соответствии с решением VI съезда были разработаны также главные мероприятия, которые должны были лечь в основу земельной реформы: а) переселение 6 тыс. хозяйств с гор на равнину; б) отвод для 23 тыс. хозяйств дополнительных наделов на равнине; в) проведение межселенного землеустройства; г) мелиоративные работы; д) постройка 31 агропункта и 20 ветеринарных

²⁵ Постановление VI Вседагестанского съезда Советов, Махачкала, 1927 г., стр. 30.

²⁶ Там же, стр. 29.

²⁷ Там же, стр. 30.

пунктов. Реформа была рассчитана на семь лет — с 1927 по 1934 гг. Расходы на ее проведение были определены в сумме 21 млн. рублей. Эти мероприятия под общим названием «План земельной реформы в Дагестане» 21 сентября 1927 года были одобрены в СНК РСФСР. Для их осуществления был установлен семилетний срок.

Таким образом, и февральский пленум 1926 года, и VIII областная партийная конференция, и VI Вседагестанский съезд Советов обошли вопрос о завершении аграрной революции. Все внимание было сосредоточено на переселении бедноты с гор на равнину, на присоединении дополнительных площадей за счет территории соседних областей и республик и прекращении переселения извне, не взирая на классовое лицо, на имущественное состояние переселенца.

До недавнего времени исследователи предпочитали обходить эти ошибки и трудности, забывая, что они неизбежны, когда ступаешь на неизведанную тропу истории. А это в свою очередь объективно вело к упрощению сложной действительности и сводило на нет значение опыта нашего народа, накопленного в процессе социалистического строительства. Поэтому я ставил перед собой задачу показать, как трудящиеся горцы под руководством Коммунистической партии, именно в борьбе с трудностями, преодолевая ошибки, находили правильный путь и твердо шли к намеченной цели. Больше того, показать зигзаги, ошибки, если таковые были в действительности, — это значит показать движение во всей совокупности и многообразии, умолчать же о них — значит исказить действительность. Поэтому надо сделать попытку раскрыть подлинные причины того, почему первоначальный план земельной реформы оказался сведенным к механическим мерам вроде переселения, дополнительных наделов и межселенного землеустройства, почему он оказался в стороне от социально-политических проблем.

Обратимся к истории подготовки плана ЗВР.

Как свидетельствуют документы, в конкретных условиях Дагестана инициатором проведения реформы выступил Н. Самурский, бывший тогда Председателем ДагЦИКа. На 2 сессии ЦИК ДАССР VI созыва он говорил: «Земельная реформа — это, конечно, не новая и не

нами выдуманная идея»²⁸. Из его выступления явствует, что мысль о необходимости земельной реформы в Дагестане пришла ему тогда, когда он узнал, что такая реформа осуществлена в Узбекистане и Туркменистане. Н. Самурский запросил из этих республик необходимые материалы и после ознакомления с ними пришел к выводу, «... что там земельная реформа заключается в том, чтобы отобрать земли, принадлежавшие баям, и передать их беднейшим крестьянам»²⁹. Причем баев он безоговорочно отождествил с помещиками. «У нас, товарищи, — говорил он, — такого положения в Дагестане нет. Баи, которые были, давно изгнаны, а земли у них отняты»³⁰. По Н. Самурскому выходило, будто аграрный вопрос в Дагестане давно решен и нет нужды возвращаться к нему. На таких же позициях стоял и М. Ахундов, возглавлявший тогда Наркомат земледелия в ДАССР. На той же сессии он говорил: «Под земельно-водной реформой там (в Узбекистане, Туркмении. — О. Г.) подразумевалось отобрание земель у баев и передача их беднякам, а реформа в Дагестане предусматривает лишь наделение за счет свободных земель». В другом своем выступлении М. Ахундов отмечал, что «...многие горцы испугались предстоящей реформы и объясняют ее так, что-де у одних горцев будут отбирать землю, а другим давать». Далее он подчеркивал, что «... мы не только не будем отбирать у горцев земли, но, наоборот, будем предоставлять достаточное количество земли малоземельным и безземельным крестьянам нагорных округов за счет избыточных плоскостных земель»³¹.

При этом надо сказать, что точку зрения Н. Самурского и М. Ахундова разделяли многие видные партийные и советские работники республики. Механически сопоставляя размеры земли и орудий производства в крестьянском хозяйстве Дагестана и в центральных районах страны, они видели, что такое сравнение не в пользу горского крестьянства. И в самом деле, при таком сопоставлении создается странное впечатление: по размерам пашни и сельскохозяйственной техники, которые обычно и брались в расчет при этом, дагестанский кулак неред-

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 115, л. 29.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 4.

ко выглядел значительно маломощнее даже середняка центральной полосы. Однако такое механическое сравнение районов, различных и по историческому прошлому, и по уровню социально-экономического развития и, наконец, по средней вооруженности орудиями и средствами производства, может лишь запутать вопрос и представить его в совершенно ложном свете. На деле так и случилось. Пренебрежение к конкретным условиям действительности, к анализу всей совокупности общественно-экономических отношений в крестьянстве, непонимание социально-экономических процессов, происходящих в дагестанском ауле, преувеличение местных особенностей, архаизация исторического прошлого края — все это породило глубоко ошибочную точку зрения, которая наложила заметный отпечаток на всю практическую деятельность тех лет. Несомненно здесь сказались также отсутствие опыта и теоретическая слабость сравнительно молодой Дагестанской партийной организации. В этом и заключалась главная причина того, что с самого начала идея земельной реформы развивалась вне связи с задачами аграрной революции, без учета необходимости реконструкции сельского хозяйства на новой технической и социальной основе и сводила все дело к переселению, дополнительным наделам и межселенному землеустройству. Конечно, сами по себе эти мероприятия для дагестанского аула были крайне необходимы, однако в конкретных условиях того периода ни в коем случае нельзя было сводить все к ним.

Как уже было отмечено, в Дагестане исторически сложилась диспропорция в размещении производительных сил и средств производства: подавляющее большинство населения концентрировалось в малоземельной горной части республики, а на равнине пустовали сотни тысяч га плодородной земли. Из-за малочисленности равнинного населения эти угодья не могли быть вовлечены в хозяйственный оборот, а в горах, из-за острого малоземелья, тысячи трудящихся веками влачили жалкое существование. На этой почве в Дагестане издавна происходил процесс стихийного переселения отдельных хозяйств с гор на равнину. Как правило, переселялись маломощные дворы в надежде обзавестись землей и поднять свое хозяйство. Однако в условиях господства частной собственности из-за отсутствия средств и инвентаря

они не были в состоянии освоить равнинные земли. Одни из них гибли, другие возвращались назад, а большинство попадало в кабалу к кулаку и помещику, живущему на равнине.

Возможность планового, организованного освоения плоскостных земель горами появилась лишь после победы Октябрьской революции в результате национализации земли. Благодаря этому в первые же годы установления Советской власти переселение, по сравнению с до-революционным временем, резко усилилось. Достаточно сказать, что если до 1918 года переселенцами было создано на равнине 23 поселка, то только за семь лет Советской власти было зарегистрировано 47 таких поселений. Однако из-за хозяйственной разрухи Советское государство не располагало еще ни финансовыми, ни техническими возможностями, чтобы решительно воздействовать на этот процесс, и он по-прежнему протекал стихийно.

Возможность придать ему плановый и организованный характер появилась лишь в 1924 году, когда постепенно стала крепнуть экономика и стабилизировалась валюта. В новых условиях Советское государство взяло на себя основную заботу по организации и осуществлению переселения. Прежде всего с этой целью на 3 сессии ДагЦИКа в 1924 году был организован Переселенческий комитет, который в 1925 году реорганизован в Переселенческую часть при Управлении землеустройства и государственных земельных имуществ Наркомзема. Через эту Переселенческую часть Советское государство оказывало всю возможную помощь переселенцам, чтобы они могли обосноваться на новом месте. В 1924 году переселяющемуся двору выдавалась ссуда в сумме 75—125 руб. Через год ссуда была увеличена от 100 до 325 руб., причем 75 руб. из них выдавалось безвозвратно. Таким путем в течение 1924—1927 гг. в 26 поселках было размещено 2056 хозяйств и 1169 из них были бедняцкими. Им было отведено 45 тыс. га земли.

Однако работа по организации переселения имела и ряд серьезных недостатков. Все еще мало внимания уделялось подготовке переселенческих фондов: выявление фондов для устройства переселенцев из-за земельной неустроенности территории происходило от случая к случаю; нередко переселенческие поселки организовыва-

лись без учета реальных возможностей водоснабжения и орошения земель; поселки эти были разбросаны по разным местам, что затрудняло их организованное обслуживание; переселенцы кредитовались и устраивались на новых местах в индивидуальном порядке. Все это не могло не вызвать обратного отхода. В те годы из каждых ста переселившихся дворов возвращалось назад 28. Правда, среди возвращавшихся большинство — стихийно переселившиеся. Это означало, что помощь государства играла большую роль в закреплении переселенцев на новом месте. Но решение вопроса даже таким путем означало обречь тысячи горцев на бесперспективное прозябание на многие годы. Поэтому включение проблемы переселения в план земельной реформы в качестве основного пункта, рассчитанного на 7 лет, объяснялось желанием в кратчайший срок положить конец былой материальной нищете и духовной отсталости горца, веками отрезанного от внешнего мира и влачившего жалкое существование. В связи с этим и в докладах, и в плане постоянно подчеркивалась необходимость переселения бедноты. Однако в конкретной обстановке того периода и при таком решении вопроса переселение бедноты объективно могло способствовать укреплению феодально-клерикальных элементов и кулака в горах. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на то, какой общественный резонанс имели решения VI Вседагестанского съезда Советов и его директивы по плану земельной реформы среди различных слоев аула. В заключении комиссии Комакадемии, посланном в ЦК партии, указано, что зажиточные слои аула, узнав о планах переселения бедноты с гор на плоскость, говорили: «Пускай переселяются бедняки, нам останутся их дома и земли, так как они не имеют права их продать, а мы сами останемся в горах»³².

Беднота же требовала: «Прежде чем переселять нас на плоскость, заберите у кулака, помещика, крупного овцевода землю и дайте ее нам»³³.

Выдвигая такое требование, беднота опиралась на то, что без предоставления ей отобранной у помещиков, кулаков и др. крупных собственников земли, без оказания

---

32 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 49, д. 33

33 Там же.

ей необходимой экономической помощи переселение фактически освободит аульские верхи от наиболее активной революционной части бедноты, которая, естественно, первой откликнется на призыв переселяться и тем самым будет способствовать укреплению положения имущих слоев, увековечит пережитки средневековья в горах.

Кроме переселения, этот план предлагал и другой путь ликвидации перенаселенности гор и освоения равнинных земель путем выделения так называемого «дополнительного надела на плоскости». По первоначальному плану земельной реформы, наряду с единовременным переселением 6 тыс. горских дворов, предполагалось предоставить на равнине дополнительные наделы еще 23 тыс. хозяйствам горцев. Авторы плана предполагали, что дополнительные наделы будут освоены горцами по опыту «казмаляров». Опыт же «казмаляров» заключался в следующем: со своими стадами горские овцеводы спускались на равнину на зимние пастбища, отстраивались здесь, производили запашки и таким путем постепенно экономически связывались с равниной, а затем и вовсе обосновывались на освоенных землях.

Однако мы помним, что свыше 70 проц. горского крестьянства вовсе не имело овец, а 24 проц. дворов имело не более 50 голов. Поэтому участие этих дворов в откочевке было самым минимальным, и в такой обстановке надежды на освоение ими дополнительных наделов были самые ничтожные. Мелкий овцевод, как мы отмечали во втором разделе, предпочитал присоединять своих овец к отаре более крупного собственника, а сам искал заработка на стороне. В докладе на VI Вседагестанском съезде об этом говорил и Ахундов. Он отмечал, что мелкие овцеводы действительно часто бывают в тяжелом положении. «Наши данные говорят о том, — подчеркивал он, — что ниже 100 голов овец иметь невыгодно»³⁴. И как же в таком случае он предполагал освоить дополнительные наделы. Вот что он говорил несколько позднее на 2 сессии ЦИК ДАССР: «... дополнительные наделы на плоскости будут осваиваться горцами... в процессе внутренней дифференциации в соответствии со своими хозяйственными возможностями...»³⁵. А освоение «в соответ-

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 94, л. 324.

³⁵ Там же, д. 115, л. 15.

ствии со своими хозяйственными возможностями» означало, что эти дополнительные наделы в конкретных условиях того периода неизбежно попали бы в руки кулаков, тем более, что VI съезд официально узаконил «предварительный отвод таких наделов и целым группам горских обществ в совместное пользование»³⁶.

И, наконец, о межселенном землеустройстве. VI съезд предписал правительству республики ускорить межселенный передел земли. В условиях полнейшей неземлеустроенности это было крайне необходимым мероприятием, однако этого было совершенно недостаточно. Ограничиться межселенным землеустройством означало увековечить существующие внутриселенные земельные отношения, которые в значительной мере способствовали сохранению патриархально-феодальных пережитков и кулацкой кабалы. Для того чтобы решительно встряхнуть, а затем и преобразовать патриархальный уклад, веками бытовавший в дагестанском ауле, нужно было наряду с межселенным осуществить и внутриселенное землеустройство. Однако о внутриселенном переделе земли в первоначальном плане земельной реформы не упоминалось даже в перспективе. При таких обстоятельствах межселенный передел земли, кроме того, что он совершенно не затрагивал старого уклада жизни аула, мог быть еще использован зажиточными слоями для сглаживания внутриаульной классовой борьбы, для усиления межселенных трений под лозунгом «на защиту интересов всего аула». История нашей республики знает немало примеров, свидетельствующих об этом. Напомним хотя бы долголетнюю кровавую борьбу между аулами Соситл и Эчеда из-за пастбищной горы Эчедамеер. В этой борьбе погибли десятки соситлинцев и эчединцев, которые вообще не имели никакого скота. Ложное представление об «аульной чести» заставило их обнажить кинжалы друг против друга в интересах крупных барановодов.

Очевидно, что и межселенное землеустройство было на руку феодально-клерикальным элементам и кулачеству. Прекрасно понимая это, многие делегаты еще на VI съезде выступали с критикой установок по земельной реформе. Вот что говорил по этому вопросу делегат Муртузалиев Осман: «... Мы хотим переселить с гор на плос-

---

³⁶ VI Вседагестанский съезд Советов, стр. 30.

кость бедняков, а я говорю, что, наоборот, нужно переселить не бедняков, а кулаков, т. к. у бедняков ничего нет, а голыми руками на плоскости ничего не сделаешь. В настоящее время в аулах кулаки имеют громадные земли и сады, и пусть эти земли останутся в пользовании бедняков. Кулаков же надо переселить на плоскость»³⁷. То же самое говорил и делегат Алиев: «... При переселении целесообразно было бы переселить сюда (на равнину. — О. Г.) не бедняков, которые не имеют рабочего скота и проч. и которым трудно устраиваться, а более состоятельных людей, которые имеют баранту, рабочий скот»³⁸.

Однако, к сожалению, первую точку зрения поддержало большинство делегатов, и съезд принял ошибочные установки. В этом, конечно, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что вопрос о земельной реформе был включен в повестку дня накануне открытия съезда, без должной подготовки, без предварительного широкого обсуждения.

Как только VI Вседагестанский съезд Советов закончил свою работу, была создана авторская группа, которая приступила к разработке конкретного плана земельной реформы на основе директив съезда. Возглавил эту группу профессор экономист Макаров. Судя по документам, Макаров участвовал в осуществлении Столыпинской реформы, после революции был одним из поборников теории «устойчивости мелкокрестьянского хозяйства» и играл далеко не последнюю роль в группе «неонародников», возглавляемой профессором Чаяновым. И, конечно, его идеология не могла не оставить отпечатка на плане, подготовкой которого он руководил. Так, в экономическом обосновании всех мероприятий, намечаемых реформой, он откровенно признавался в своей «склонности к крупным хозяйствам» и утверждал, что будто бы в развитии капитализма в дагестанском ауле виновата горская беднота, «которая сама лезет под эксплуатацию своих экономически более сильных соседей»³⁹. На практике это особенно ярко проявилось при определении норм наделения землей. Разработанный

---

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 94, л. 353.

³⁸ Там же, л. 355.

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 8, д. 13, л. 187.

под руководством Макарова план предусматривал три нормы:

«первая — норма наделения безземельных и малоземельных хозяйств;

вторая — норма нейтрально-трудовых хозяйств, несколько большая предыдущей, так как у этих хозяйств больше фактическая обеспеченность средствами производства;

третья — норма оставления земли у хозяйств, имеющих избыток. Они превращаются в хозяйства трудовые по высокой обеспеченности средствами производства. Некоторое повышение норм этой группы против предыдущей нейтральной группы хозяйств позволит не сокращать особенно производство, так как оно обосновано средствами производства»⁴⁰.

Очевидно, что нормы, предлагаемые Макаровым, обрекали бедняцкие и середняцкие хозяйства на нищету и неизбежную эксплуатацию, по-прежнему оставляя львиную долю земельных площадей за кулаками. План, разработанный Макаровым, совершенно обходил задачи завершения аграрной революции и коренного переустройства социально-экономических отношений в ауле путем коллективизации сельского хозяйства.

Это вызвало резкий протест партийной организации и трудящихся республики. Особенно острые прения вокруг этого вопроса развернулись на IX областной партийной конференции в ноябре 1927 года в связи с обсуждением вопроса о нуждах сельского хозяйства республики и работе среди деревенской бедноты. Многие делегаты отмечали, что реформа совершенно не касается вопросов социалистического переустройства сельского хозяйства и ликвидации патриархально-феодальных пережитков в экономике и быту. Наиболее полно эти мысли выразил делегат Б. Астемиров. Он отметил, что реформа совершенно не связана с кооперацией, неправильно проводится переселенческая политика. Астемиров указал, что «земельная реформа должна дать нам возможность изменить старый уклад жизни,.. из переселяющихся индивидуальных хозяйств создать новые, коллективные формы хозяйства»⁴¹. Конференция высказалась за необ-

⁴⁰ «Красный Дагестан», 4 января 1930 г.

⁴¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 49, л. 20.

ходимость ликвидации пережитков патриархально-феодалных отношений и всемерное развитие производственного кооперирования.

Началась решительная борьба за пересмотр плана земельно-водной реформы, составленного под руководством Макарова. Огромную помощь в этом оказал Центральный Комитет партии. Отдел ЦК КПСС по работе в деревне в августе—сентябре 1928 года проверил состояние подготовки и проведения реформы и указал на необходимость включить в нее вопрос о ликвидации остатков помещичьего землевладения и об урезке кулацких излишков. Особое внимание было уделено задачам кооперирования и коллективизации. Вслед за этим X областная партийная конференция, состоявшаяся в апреле 1929 года, также указала на то, что завершение аграрной революции и развертывание коллективизации являются основной задачей реформы.

На борьбу за пересмотр первоначального плана ЗВР коммунисты мобилизовали и бедняцко-средняцкий актив. С этой целью по решению обкома партии по всем округам были проведены бедняцкие конференции.

Только с августа по сентябрь 1929 г. состоялось 15 конференций, на которых присутствовало 949 представителей бедноты и середняков. Конференции прошли при большой активности бедняцких и середняцких масс. Самые оживленные прения развернулись вокруг земельно-водной реформы. По этому вопросу выступили 144 делегата и было задано 238 вопросов. Почти все конференции отметили прокулацкую сущность землеустроительных работ, намеченных планом земельно-водной реформы, составленным Макаровым.

Конференция бедноты Кизлярского округа осудила нормы землеустройства, называя их кулацкими⁴². Бедняцко-средняцкие конференции Левашинского, Цумадинского, Табасаранского, Дербентского и др. районов отметили, что «нормы землеустройства превышают доходность середняцкого хозяйства и несут в себе опасность окулачивания»⁴³.

На конференции бедноты Левашинского района делегаты говорили, что большинство земель сосредоточено

---

⁴² «Красный Дагестан», 24 сентября 1929 г.

⁴³ «Красный Дагестан», 7 августа 1929 г.

в руках кулачества, и требовали отобрать их и передать колхозам и бедноте. Конференция единодушно вынесла постановление о необходимости «выявить кулацкие излишки и передать их колхозам и бедноте»⁴⁴. Бедняцко-средняцкие массы требовали пересмотра первоначального плана земельно-водной реформы. Один из представителей бедноты сел. Акуша заявил: «Мы ждем только слова закона, чтобы отобрать земли у кулаков»⁴⁵. Другой сказал: «Вот если вы нам дадите кулацкую землю у нас в горах, — вот это будет настоящая Октябрьская революция»⁴⁶.

Беднота аула не ограничилась требованием предоставить ей помещичью землю и излишки кулака. Она нередко под руководством коммунистов самолично приступала к урезке кулацких земель. Примером может служить факт, имевший место в ауле Дженгутай Буйнакского района.

Партийная ячейка совместно с группой бедноты вынесла решение об урезке земли у кулаков и передаче всех излишков аульской бедноте. Это решение было единодушно поддержано на деревенском сходе.

Выражая чувства и настроения бедняцко-средняцких масс, местные партийные организации требовали пересмотреть план реформы.

С помощью отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б) и комиссии Коммунистической академии был разработан новый план земельно-водной реформы. Были также выработаны новые нормы наделения землей, которые не превышали размеры землевладения середняцкого хозяйства и колебались от 2 до 7 га пахотной земли в зависимости от сельскохозяйственного района.

Новый план ЗВР представлял собою комплекс последовательных социально-экономических мероприятий, направленных на ликвидацию остатков патриархально-феодалных отношений и завершение аграрной революции, на коренное изменение социально-экономических отношений в дагестанском ауле на базе его социалистической реконструкции.

---

⁴⁴ «Красный Дагестан», 19 сентября 1929 г.

⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 10, д. 13, л. 8.

⁴⁶ Там же.

В положении о земельно-водной реформе говорилось: «При проведении ЗВР, независимо от сплошного землеустройства и нормирования, проводится единовременная ликвидация остатков бывшего помещичьего и всех других видов нетрудового и незаконного пользования землей, а также изъятие излишков земель сверх нормы у кулацких хозяйств. Одновременно ликвидируются и все пережитки, а равно и возникшие на этих основаниях преимущества в водопользовании». Положение предусматривало также полную ликвидацию «помещичьих и других нетрудовых землепользований» и завершение изъятия «излишков у кулацких хозяйств» к 1 января 1931 года.

С целью укрепления и развития социалистического сектора в сельском хозяйстве при проведении землеустроительных работ предпочтение отдавалось коллективным хозяйствам. В положении о земельно-водной реформе по этому вопросу говорилось: «Все изъятые... земли, не ожидая общего землеустройства, передать по установленным нормам в трудовое пользование группам безземельных и малоземельных хозяйств из числа батрачества и бедноты, в первую очередь в сельскохозяйственные коллективы, коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли»⁴⁷.

В случае невозможности доведения наделов земледельческого населения до нормы из-за скудности земли положение о ЗВР предписывало исключить из списка землепользователей кулаков, служителей религиозных культов, а также прочих лиц, лишенных избирательных прав. На проведение реформы советское правительство выделило свыше 50 млн. рублей⁴⁸.

Для проведения земельно-водной реформы была создана специальная комиссия. При Центральном Исполнительном Комитете Дагестана была организована Центральная комиссия содействия земельно-водной реформе. В районах, аулах, на промышленных предприятиях и в профсоюзах создавались филиалы и ячейки комиссии содействия земельно-водной реформе. Тем самым практическая работа по проведению реформы превращалась в дело самих трудящихся Дагестана, достигалась макси-

⁴⁷ Там же, л. 66.

⁴⁸ «Красный Дагестан», 23 марта 1930 г.

мальная активность масс. Дагестанская партийная организация мобилизовала сотни членов партии из областного и районного актива и направила их в аулы для организации бедноты на проведение реформы.

Практическое проведение земельно-водной реформы проходило в ожесточенной классовой борьбе. Помещики, кулаки и духовенство выступили единым фронтом против мероприятий Советского государства.

Особенно большую активность проявило мусульманское духовенство. Оно всеми средствами пыталось сыграть на религиозных чувствах горца-бедняка. Муллы усердно твердили: «На чужой земле ничего не уродится. Грех забирать землю у соседа, аллах покарает неверных!»⁴⁹.

Преодолевая сопротивление феодально-клерикальных элементов и кулачества, Дагестанская партийная организация добилась больших успехов в проведении реформы. Конфисковывались земли феодально-клерикальных элементов, отбирались излишки сверх трудовой нормы у кулаков. В течение 1929—1931 гг. было ликвидировано помещичье и мечетское землевладение, а у кулаков изъято 254,3 тыс. га земли. Широко были развернуты работы по осушению и орошению пустующих земель. С 1927 по 1930 гг. землеустроительные работы были развернуты на территории в 2924 тыс. га.

Исключительно большое революционное значение имело внутриселенное землеустройство. Оно в корне ликвидировало патриархально-феодалные пережитки в сельском хозяйстве и путем изъятия кулацких излишков и передачи лучших земель беднякам и середнякам перестраивало всю систему землевладения в ауле, тем самым облегчая для крестьян переход к коллективным формам ведения хозяйства. Борьба за изъятие земель нетрудовых элементов способствовала росту политической активности бедняцко-середняцких масс, их классового самосознания, а также тяги крестьян к коллективному хозяйству.

Наглядным подтверждением может служить история передела земли в аулах Нижний Дженгутай и Нижнее Казанище Буйнакского района. Вот что сообщал по этому поводу «Красный Дагестан». В селении Н. Дженгутай

---

⁴⁹ «Красный Дагестан», 3 октября 1930 г.

было 1148 хозяйств. Из них 111 в колхозе. Общая площадь пахотной земли равнялась 3039 га. До внутриселенного передела земли в ауле было 82 безземельных и 538 малоземельных хозяйств. Таким образом, большинство хозяйств аула находилось «на голодном пайке». Земля переходила из рода в род и концентрировалась в руках немногочисленной верхушки аульских богачей. Такое положение приводило к существованию скрытой аренды и кабальных отношений. ЗВР положила этому конец. При внутриселенном переделе 640 малоземельных хозяйств получили участки по норме, равной землепользованию середняка, 261 хозяйство осталось при прежней норме, а у 267 хозяйств были изъяты излишки. Лучшие участки были переданы колхозу и бедноте. Колхозам предоставлялись льготы и при определении норм наделения землей. На одно единоличное хозяйство в 4 души по единой норме было отведено по 2,67 га, а на такое же хозяйство колхозника — 2,81 га. Кулакам были выделены самые дальние, неполивные и худшие земли.

Изъятие кулацких излишков и внутриселенный передел земли в Н. Дженгутае проходили при большой активности бедноты. Со словами «Идем отбирать землю у буржуев» беднота единодушно выступила против эксплуататорских элементов. Такая же картина наблюдалась и в селении Нижнее Казанище. Здесь в первый день передела в колхоз вступило 15 хозяйств, а к концу землеустроительных работ в колхозе насчитывалось 245 хозяйств⁵⁰.

Реформа проходила в обстановке огромного политического подъема трудящихся горцев. Под руководством партийной организации республики и при огромной помощи Центрального Комитета Коммунистической партии трудовое крестьянство Дагестана решительно выступило за ликвидацию помещичье-кулацкого землевладения. Борьба бедноты и середняков за ликвидацию нетрудового землевладения особенно усилилась в связи с развернувшимся массовым колхозным движением. Крестьяне уже не ограничивались ликвидацией излишков нетрудового землепользования. В районах сплошной коллективизации они выступали за полное изъятие всего

---

⁵⁰ «Красный Дагестан», 3 октября 1930 г.

имущества у эксплуататорских элементов и требовали выселения кулаков за пределы республики.

Аграрные преобразования середины 20-х годов, а именно, изъятие в.куфов, выселение помещиков и земельно-водная реформа, в конкретных условиях Дагестана имели огромные социально-экономические и политические последствия.

Во-первых, они сыграли громадную роль в ликвидации патриархальных форм землевладения и организации хозяйства. В 1928 году был введен новый порядок выпаса скота и отменен старый порядок, согласно которому во многих аулах каждый член сельской общины должен был пасти скот одинаковое количество дней, не взирая на его численность. Теперь «количество дней очередного выхода на пастьбу» определялось «в зависимости от голов скота». От размеров землепользования стала зависеть также степень участия в общественных работах.

Во-вторых, ликвидация патриархальных форм организации хозяйства подорвала экономические корни сословно-кастовых пережитков, и они сохранились лишь как проявление косности и отсталости отдельных слоев населения.

В-третьих, в результате этих преобразований полуфеодалская, полупатриархальная верхушка аула как экономическая категория практически была ликвидирована. Сошлемся на материалы обследования 890 дворов этой группы. Согласно этим материалам до революции на двор этой группы в среднем приходилось 30,9 лошади и крупного рогатого скота, 553,7 овец и коз, 24,3 га земли. Накануне реформы они имели в среднем на двор 24,7 головы лошадей и крупного рогатого скота, 412 овец и коз и 17,3 га земли. А после осуществления ЗВР на двор этой группы приходилось уже 2,6 головы лошадей и крупного рогатого скота, 14,8 овец и 3,6 га земли.

И в-четвертых, аграрные преобразования середины 20-х годов сопровождались дальнейшим развитием процесса осереднячения дагестанского аула. В 1928 г. середняк и по удельному весу в составе населения, и по размерам основных средств производства прочно занял центральное место.

Все это свидетельствует о том, что аграрные преобразования этих лет подготовили почву для перехода Дагестана к социализму вместе со всей страной.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Глава I

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА

На необходимость преобразования мелкого индивидуального крестьянского производства в крупное социалистическое указывали еще основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс. В статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Ф. Энгельс писал: «Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую...»¹. При этом теоретики марксизма подчеркивали, что этот перевод должен быть осуществлен не насильственным путем, «а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»². Однако в тех исторических условиях, когда практика революционного движения не выдвигала ещё задачи перехода мелкого крестьянского хозяйства к коллективному производству, К. Маркс и Ф. Энгельс не могли указать конкретные формы и пути такого преобразования.

Эта задача была осуществлена В. И. Лениным в новой исторической обстановке, когда победа пролетарской революции поставила на повестку дня необходимость перевода мелкого индивидуального производства на путь крупного коллективного.

В Проекте программы РКП(б), в выступлении на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 года и в других своих

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 455.

² Там же.

выступлениях и работах В. И. Ленин постоянно указывал на необходимость перехода «к общей обработке земли», «к крупному социалистическому земледелию». В этом В. И. Ленин видел единственную возможность избавить крестьянина от нищенского, полуголодного, полудикого образа жизни. Выступая на I Всероссийском съезде земельных отделов, В. И. Ленин говорил: «Жить по-старому, как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному»³. При этом Владимир Ильич подчеркивал, что борьба за общественную обработку земли наиболее трудная, что эта задача «... может быть решена только чрезвычайно упорным и длительным трудом»⁴.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость постепенного и длительного перехода индивидуальных крестьянских хозяйств к крупному коллективному и указывал при этом, что такой переход надо осуществить только добровольным путем через агитацию, через силу примера. На VIII съезде РКП(б) он говорил, что крестьянин во всем мире является практиком и реалистом, что ему нужны конкретные примеры того, что «коммуния» лучше всего.

*«Нет ничего глупее, — говорил Ленин, — как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина»*⁵.

В. И. Ленин наметил также пути перехода мелкого индивидуального хозяйства в крупное коллективное. Он указывал, что обобществление надо начинать с самого простого, понятного и доступного — с рыночных отношений и, уже достаточно подготовившись, накопив необходимый опыт, переходить к обобществлению производства. У В. И. Ленина встречаем мы и рекомендации о формах коллективного хозяйства — это коммуны, ар-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 357.

⁴ Там же, стр. 356.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 201.

тели и товарищества по совместной обработке земли. Если обратимся к истории, то мы вспомним, что колхозное строительство в нашей стране развивалось в основном на базе этих трех форм организации крупного коллективного хозяйства.

Постоянно призывая действовать через силу примера и всячески предостерегая от применения насилия в отношении крестьян, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что для развития социалистического земледелия необходима материальная помощь Советского государства. Выступая на I Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 года, В. И. Ленин говорил: «... мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства, если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям, и так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется»⁶. Позднее в работе «О кооперации» В. И. Ленин говорил: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса»⁷. В данном случае речь шла о поддержке рабочим классом кооперативного строя.

Вместе с тем В. И. Ленин предупреждал: чтобы эта помощь не была встречена крестьянами с насмешкой, чтобы крестьянин не назвал коммунара и членов артелей и товариществ казенными нахлебниками, необходимо, чтобы каждая коммуна и каждая артель доказали, что они лучше всех предприятий старого типа, чтобы они стали образцовыми и чтобы соседние крестьяне сами потянулись к ним.

На I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей В. И. Ленин отмечал, что «Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хо-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 376.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 371.

зьяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу»⁸.

О необходимости организации крупного социалистического земледелия говорилось и в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б). В программе прямо указывалось, что создание советских хозяйств, товариществ для общественной обработки земли, сельскохозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства, является одной из основных задач пролетарской диктатуры⁹.

На это же были направлены и все законы Советской власти по аграрному вопросу, начиная с декрета о земле. Они делали ставку на победу коллективного хозяйства, на социалистическую переделку мелкотоварного производства. Но для того чтобы крестьянин согласился на обобществление основных орудий и средств производства и понял преимущества такого обобществления, нужны были время и условия. На первых же порах необходимо было выработать такие формы объединения мелких товаропроизводителей, которые позволяли бы, с одной стороны, добиться подъема сельскохозяйственного производства, с другой,—вовлечь трудовое крестьянство в социалистическое строительство. Таковую форму В. И. Ленин видел в кооперации. В ряде своих работ, и особенно в статье «О кооперации», В. И. Ленин показал роль и значение кооперации в деле вовлечения трудящихся крестьян в социалистическое строительство. Суть ленинского кооперативного плана заключалась в том, что в условиях диктатуры пролетариата, при наличии союза рабочих и крестьян и руководящей роли пролетариата в этом союзе, при наличии социалистической промышленности объединение основных масс крестьянства сначала в области сбыта и снабжения, а затем и в области производства является тем средством, при помощи которого мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство может быть превращено в крупное социалистическое. В. И. Ленин указывал, что массовое коопери-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 372—373.

⁹ КПСС в резолюциях... ч. 1, изд. 7, стр. 424.

рование — лучшая форма соединения частного интереса с общегосударственными и подчинения частных интересов общегосударственным. Именно поэтому В. И. Ленин видел в кооперации наиболее простой, легкий и доступный для крестьянства путь к социализму.

В. И. Ленин отмечал также огромную воспитательную роль кооперации. Он убедительно показал, как крестьянин, участвуя в работе правлений, ревизионных и лавочных комиссий, обсуждая и решая дела на общих собраниях членов кооператива, постепенно привыкает к общественному ведению дел, вырабатывает навыки коллективизма.

В работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин подчеркивал значение кооперации для перехода к социализму. Он видел в кооперации не только форму организации производства, способную охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, но и «... вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне»¹⁰.

Особое значение имела кооперация для таких сплошь крестьянских национальных республик, как Дагестан. И в самом деле, учитывая роль кооперации в вытеснении частника и в овладении торговлей, в выработке у крестьян навыков коллективизма, в налаживании смычки между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, в укреплении союза рабочего класса и крестьян, нетрудно понять, что в условиях национальных республик, где еще сохранились простой продуктообмен, докапиталистические формы хозяйствования и кабальных отношений, где промышленный пролетариат либо только зарождался, либо был еще очень малочисленным и политически незрелым, кооперация должна была сыграть и сыграла особенно важную роль.

Говоря о кооперации как о единственной форме объединения мелких товаропроизводителей, способной обеспечить экономический подъем деревни и приобщить крестьянство к социализму, В. И. Ленин указывал, что кооперирование надо начинать с самого легкого и доступного для крестьян, т. е. с обобществления рыночных свя-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 227.

зей мелкого товаропроизводителя. Сравнительная легкость и доступность этой формы объединения объяснялись тем, что она не затрагивала основы крестьянского хозяйства — индивидуального производства и частной собственности на орудия и средства производства, и в то же время обеспечивала организованный сбыт излишков и снабжение крестьян необходимыми товарами, тем самым, с одной стороны, избавляя его от эксплуатации торговца и ростовщика и, с другой, стимулируя его хозяйственный рост.

Эта форма объединения товаропроизводителей на том этапе истории вполне устраивала и Советское государство, потому что она в условиях свободы обмена облегчала учет и контроль в наименее организованных, в наиболее подверженных влиянию стихии и в то же время в самых обширных слоях населения — в мелкобуржуазной среде. А учет и контроль в конкретных условиях того периода, когда в стране господствовал мелкокрестьянский, мелкобуржуазный уклад, который ежедневно и ежечасно порождал капитализм, В. И. Ленин считал важнее всего. Он так и говорил: «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа, ... либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Ковеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие»¹¹.

Одновременно, как указывал В. И. Ленин, «Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода... к социализму»¹².

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 208.

¹² Там же, стр. 226.

Глава II

НАЧАЛО КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДАССР

В Дагестане колхозное движение началось с октября 1920 года, т. е. вскоре после окончательного утверждения Советской власти в республике.

Первое коллективное хозяйство в Дагестане, по дошедшим до нас сведениям, возникло 17 октября 1920 года в сел. Аскент Кюринского округа. Сохранился и протокол общего собрания аула по этому поводу. Вот что говорится в постановлении этого собрания:

«Заслушав доклад, а также чтение и разъяснение уставов о сельскохозяйственных коммунах и артелях и находя желания наши вполне соответственными с основными положениями прочитанного устава о сельскохозяйственных трудовых артелях, мы решили перейти к братскому и товарищескому ведению хозяйства и постановили организовать у себя сельскохозяйственную трудовую артель»¹.

В артель тут же записалось 23 двора. Они имели 7 быков, 2 коровы, 4 буйвола, одну телку и один плуг. Государство наделило артель земельным участком в 250 десятин.

27 апреля 1921 года сельскохозяйственная артель была организована в сел. Чох Гунибского округа. Чохская сельхозартель объединила 41 хозяйство бедноты, у которых было 3 лошади, 30 ослов, 8 коров, 146 овец и коз, 8 плугов и 2 арбы. Для артели был отведен 51 гектар земли.

Об общем количестве сельскохозяйственных объединений в начальный период мы не располагаем никакими данными. Лишь в 1927 году впервые Народный Комис-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 38, оп. 1, д. 3, л. 18.

сариат земледелия ДАССР обобщает накопившийся материал, согласно которому в 1925 году в республике было 15 колхозов, а в 1926 году — 29. Это первые цифры об общей численности коллективных хозяйств в Дагестане. Однако заведомо можно сказать, что они далеки от действительности и не отражают положения тех лет. Это и понятно. Систематический учет и перепись сельскохозяйственных объединений были начаты лишь в 1927 году, поэтому о начальном периоде коллективизации мы имеем лишь фрагментарные, разрозненные сообщения, которые не позволяют сколько-нибудь полно осветить место и роль первых коллективных хозяйств в экономической и политической жизни аула. Мы не располагаем почти никакими сведениями даже о таких общих вопросах колхозного строительства, как формы объединения и их социальный состав, организация, учет и оплата труда, не говоря уже о степени обобществления средств производства, производственных успехах первых колхозов, распределении доходов и т. д. и т. п.

И все же, хотя бы на примере отдельных коллективов, надо попытаться показать как общие закономерности, так и специфические черты начального периода колхозного строительства в республике. И начать, видимо, надо с выяснения условий и целей создания производственных коллективов в сельском хозяйстве. А это, в свою очередь, поможет раскрыть и их социальный состав.

Я уже останавливался на социальных сдвигах, присшедших в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Однако надо отметить, что эти сдвиги не ограничивались лишь осереднячением аула. Период гражданской войны и иностранной военной интервенции, а также хозяйственная разруха и продовольственные затруднения внесли в социальный состав аула значительные коррективы. Известно, что значительная часть бедноты, которая раньше существовала за счет работы по пайму, получив землю и опираясь на поддержку Советского государства, приобрела возможность заняться своим хозяйством. В период разрухи в сельское хозяйство пришла также часть промышленных рабочих. Особенно это касается отходников. Как было отмечено, до революции отходничество являлось «основным занятием» почти трети всего трудоспособного населения области. В годы гражданской войны и хозяйственной раз-

рухи они потеряли свои традиционные связи с промышленными районами и были вынуждены осесть, хотя бы и на время, в ауле. При распределении земли, естественно, многие из них получили и свою долю угодий как члены сельского схода. Однако если вспомним, что их подавляющее большинство не имело сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, то станет очевидным, что для независимого хозяйствования у них не было никаких возможностей. Эти условия и породили отношения найма и сдачи; беднота либо сдавала свой надел и искала себе средства к существованию в продаже своих рабочих рук, либо была вынуждена на кабальных условиях нанимать рабочий скот и необходимый инвентарь. Это был старый путь, на каждом шагу порождавший кабальные отношения. Но это был далеко не единственный путь, на который встало тогда трудовое крестьянство. Часть крестьян, правда еще очень незначительная, по инициативе большевистской партии стала строить свою жизнь на новых коллективных началах. Это был непривычный и неизведанный путь. Именно поэтому подавляющее большинство крестьян не поняло и не приняло вначале этого пути. Но наиболее передовые элементы деревни сразу увидели, что это единственное условие, которое может избавить их и от нищенского полуголодного образа жизни и от кулацкой кабалы. И имеющийся у нас материал позволяет полагать, что эти наиболее передовые элементы аула состояли в подавляющем своем большинстве из отходников, знающих крупное фабрично-заводское производство, привыкших к коллективному труду. Показателен в этом отношении пример того же аула Аскент, где возникла одна из первых сельскохозяйственных артелей в республике. Это было селение с очень скудными возможностями. Острое безземелье и исключительно неблагоприятные природные условия привели к тому, что почти все население аула жило заработками на бакинских нефтяных промыслах. В тяжелые годы хозяйственной разрухи, когда им пришлось обратиться к земледелию, они предпочли коллективный труд. Кстати, то же самое и в Чохе. И здесь застрельщиками организации знаменитой «Чохской коммуны» были бедняки-отходники и активные борцы за власть Советов — красные партизаны. Причем артель в Чохе была организована на земле, отнятой у крупных кулаков-барановодов. О со-

циальной природе первых коллективизаторов республики красноречиво свидетельствуют и цифры о собственности дворов, записавшихся в артель в этих двух селениях. Об имущественном положении первых колхозников более точно можно судить по таблице, в которой дан посемейный и имущественный список учредителей Баташюртовской сельскохозяйственной артели «Сабанчи-кыйны» («Труд крестьянина»), составленный в 1926 году и сохранившийся в архиве республики.

	Стоимость имущества (в руб.)	Валовой до- ход двора (в руб.)
1. Абдул Аджиев	1500	250
2. Мавлет Шабазов	2300	300
3. Керим Шахабов	2200	300
4. Акай Атаев	2300	400
5. Абуш Гамавов	1500	250
6. Абдурагим Казаватов	1600	200
7. Пахрудин Сотеев	1400	250
8. Эльмурза Акаев	1400	250

Согласно списку, организаторы Баташюртовской артели были бедняки и маломощные середняки.

В этот период было три формы объединения — артель, коммуна и товарищество по общей обработке земли. Правда, принятое название не всегда соответствовало уставной. Очень часто объединения носили одно и то же название, но по степени обобществления основных средств производства, по организации и учету труда, по распределению продуктов между членами коллектива эти объединения сильно отличались друг от друга. И, на мой взгляд, главную роль в этом играл социальный состав учредителей. Хотя главную их массу составляли батрацко-бедняцкие слои, однако по имущественному положению и среди этих слоев существовала определенная разница. Например, рабочие-отходники, вступая в коллективы, обобществляли и основные средства производства. И это нетрудно понять. Землю им дала Совет-

ская власть, а сельскохозяйственная техника либо была отобрана у помещика и крупного кулака, либо, как и земля, была получена от государства. Такого рода объединения по степени обобществления средств производства были наиболее последовательными. В них наиболее сильными были и тенденции к уравниловке в распределении продуктов труда.

Бывало и по-другому: один имел кое-какой инвентарь, но не имел рабочего скота, у другого, наоборот, была рабочая скотина, но не было пропадного инвентаря. Чтобы иметь возможность заниматься хозяйством, им приходилось объединять все средства производства. И в этом случае преобладала форма распределения по срокам или по работникам. Но нередко бывало и так, что объединялась более или менее обеспеченная группа дворов. Как показал опыт, такого рода объединение обычно происходило для того, чтобы получить у государства земельный участок. В этом случае дворы, вошедшие в объединение, как правило, не обобществляли ни свою землю, ни свой скот. Они трудились совместно лишь на коллективной земле. Естественно, что совсем по-другому распределялась в них и продукция, полученная с коллективного участка: сперва выделялась часть урожая, которая делилась между дворами по степени участия их рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря в процессе производства, затем остальная продукция распределялась по числу рабочих рук, принимавших участие в обработке коллективного участка, иногда эта часть делилась и по числу едоков. Понятно, что в таких коллективах объединялся лишь труд крестьянина на время полевых работ на коллективном участке. Поэтому они, как правило, носили сезонный характер. Такие точно объединения возникали также вокруг трактора и других сложных сельскохозяйственных машин. Кроме совместно приобретенной машины, которая по очереди обрабатывала землю каждого члена объединения, у них ничего не было обобществлено. И все же надо заметить, что эти объединения играли исключительно большую роль в ликвидации традиционной межи, в выработке навыков коллективизма. Возникая в период полевых работ, они тут же распадалась по выполнению того или иного цикла работ. Но за короткий период крестьяне воочию могли убедиться в силе коллектива, в производительности коллективного

труда. Мы имеем сведения, что такого рода объединения возникали десятками. Например, на IV Дагестанской конференции ВКП(б) отмечалось, что в течение 1924 года было зафиксировано 20 объединений такого рода². Аналогичные примеры приводились и в отчете IV съезду Советов ДАССР³. Выборочная перепись, осуществленная весной 1926 года, также зафиксировала хозяйства, состоящие в тракторных артелях. Они составляли всего 0,6 процента всех обследованных дворов, но экономическое и политическое значение этого факта было куда более значительным.

Этот материал ценен еще и тем, что позволяет точно судить о социальном составе этих тракторных артелей. Беспосевные среди них составляли всего 2,4 процента, с посевом до 3 дес. — 83,2 процента, имеющие от 3 до 8 десятин посева на двор — 9,6 процента и сеющие свыше 8 десятин посева на двор — 4,8 процента. Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что названные простейшие объединения, возникающие вокруг сложных сельскохозяйственных машин, состояли в основном из малопосевных бедняков. Вместе с тем бесспорно и то, что иногда сложная техника, посылаемая Советским государством в деревню для подъема бедняцко-среднезажиточных слоев, попадала и в руки кулака. В таком случае, по имеющимся у нас сведениям, трактор превращался из орудия подъема благосостояния бедноты в орудие ее закабаления. Поэтому местные органы власти тщательно изучали социальный состав этих объединений, решительно пресекая попытки кулака использовать коллективы в своих интересах.

Данная характеристика касается в основном наиболее распространенных форм организации крупного коллективного хозяйства. Причем надо заметить, что эти формы объединений складывались, как правило, в земледельческих зерновых районах. Поэтому, естественно, они не исчерпывали всех разновидностей, всего многообразия форм становления общественного хозяйства. Очень часто хозяйственная специализация того или иного района или его исторический опыт порождали самые

---

² Седьмая Дагестанская конференция ВКП(б), Махачкала, 1925 г., стр. 76.

³ Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1925 г., стр. 27.

неожиданные формы объединения. На этой же почве наблюдалось приспособление старой испытанной формы ведения хозяйства к новым отношениям на совершенно новой основе. Яркой иллюстрацией этому может служить опыт становления общественного хозяйства в Дагестане.

Уже было отмечено, что в силу различий естественно-географических условий в сельском хозяйстве Дагестана давно произошла специализация. Главной отраслью сельского хозяйства на равнине было полеводство, а в горных районах — животноводство. Однако в горах не было достаточно кормов и поэтому значительно большую часть скота приходилось перегонять на зимние пастбища. Так сложилась отгонная система овцеводства.

В зерновых земледельческих районах история становления крупного коллективного хозяйства мало чем отличалась от общего хода развития. Зато в горах она дала нам новые формы, продиктованные историческим опытом и местными специфическими условиями развития.

Так, выше мы уже упоминали о том, что отгонная система овцеводства выгодна только крупным хозяйствам. На этой почве сложилась так называемая система серкерства — своеобразная патриархальная система овцеводства, которая в условиях дореволюционного аула стала на службу крупному скотоводу и способствовала завуалированию эксплуатации бедноты. Эта система с некоторыми изменениями сохранилась и после революции. Советское государство сделало все, чтобы создать максимум благоприятных условий для мелкого овцевода в отношении пастбищ. Однако, как показал опыт первых лет, в условиях преобразования мелкого производства и сохранения частной собственности отгонное скотоводство по-прежнему было выгодным только для крупного хозяйства. Между тем мы тогда не располагали никаким опытом ведения крупного скотоводческого хозяйства, а крестьяне-животноводы не имели даже определенных рекомендаций в этом направлении. Выход нашли сами крестьяне. Например, в условиях Дагестана, наряду с кошом—объединением, где хозяйственную жизнь возглавлял серкер, стали возникать коши на товарищеских началах. В записке Наркомзема «Организационные типы кочевого овцеводства», составленной в 1924/25 г., указывается, что «в горных районах наблюдается несколько организационных форм:

а) крупный барановод непосредственно принимает к себе овец мелких и средних собственников, однако в напряженные моменты (период перегона овец, скота и т. д.) все хозяйства обязаны присутствовать лично или оплачивать дополнительно расходы по найму пастухов на этот период;

б) крупный барановод непосредственно не принимает овец, а мелкие овцеводы, составив стадо овец примерно в 200—300 голов, сами нанимают пастуха и тогда уже вливаются в стадо крупного барановода;

в) мелкие и средние овцеводы объединяются в кош на товарищеских началах, выбирают из своей среды старшего и все расходы за известный период раскладывают между собой пропорционально количеству овец. Выпас овец производится, как правило, самими хозяевами по очереди, реже прибегают к найму одного-двух подростков»⁴.

Записка отмечает, что «в тех случаях, когда крупный барановод непосредственно принимает в свое стадо овец мелких барановодов, неизбежна эксплуатация мелких овцеводов»⁵. А это происходило в первых двух случаях. «Наиболее совершенной формой, по мнению авторов записки, является последняя, когда овцеводы объединяются в кош на товарищеских началах»⁶. Но не только в товарищеских началах создания коша заключалось преимущество этой формы перед другими. По сведениям, имеющимся в записке, она была выгоднее и экономически. Так, в первом и втором случаях на содержание овцы мелкий собственник расходовал 1 руб. 75 коп. — 2 руб., а в третьем случае — 1 руб. 50 коп. — 1 руб. 70 коп., т. е. меньше примерно на 20%. Эти цифры — яркое свидетельство того, что уже простое товарищеское объединение не только освобождало мелкого производителя от кулацкой кабалы, к чему он так страстно стремился, но в одинаковых условиях хозяйствования давало и неоспоримый экономический эффект.

Этот пример лишний раз показывает, как трудящиеся слои деревни поддерживали инициативу Коммунистической партии и Советского государства, как творчески отнеслись они к организации общественного хозяйства и не-

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 62, л. 201

⁵ Там же.

⁶ Там же.

редко использовали опыт прошлого для перехода к новым отношениям, к новому способу производства. В частности, в коше на товарищеских началах дело не дошло до обобществления скота, но объединение на время перегона показало мелким скотоводам экономическую выгоду коллективного труда перед индивидуальным, и в этом смысле эта форма объединения играла в высшей степени революционизирующую роль как в подрыве старых патриархальных устоев, так и в ломке индивидуалистской психологии трудящегося горца.

Из всего сказанного можно сделать заключение, что в исследуемое время наиболее распространенной формой коллективного хозяйства в конкретных условиях Дагестана были простейшие производственные объединения — всевозможные товарищества по совместному выпасу скота, по совместной обработке земли, по совместному использованию сложной сельскохозяйственной техники. В этих объединениях имелось небольшое общественное хозяйство, но главным образом они строились на обобществлении труда и поэтому большей частью были сезонными. Однако в подъеме экономики бедняцко-середняцких масс, в выработке у них навыков коллективизма и особенно в разрушении старых патриархальных форм хозяйствования и освобождении от кулацкой кабалы они сыграли исключительно большую роль.

В тот период перед партией стояла задача развития производительных сил крестьянства. Эту задачу В. И. Ленин считал самой экстренной и самой неотложной. Почему именно крестьянства, а не рабочих? Отвечая на этот вопрос, В. И. Ленин говорил:

«Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая — с точки зрения всего государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства»⁷. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что без этого невозможно восстановить и развивать также и крупную промышленность, материальную основу социализма. Между тем в сельском хозяйстве преобладало мелкото-

---

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 218–219.

варное хозяйство, основанное на принципе частной собственности на орудия и средства производства. Эта мелкобуржуазная стихия являлась тормозом в развитии производительных сил и врагом социализма. И борьбу с этим врагом наша партия начала с самого понятного и доступного для крестьянина — с обобществления рыночных отношений, т. е. с всемерного развития снабженческо-сбытовой кооперации.

Развитие снабженческо-сбытовой кооперации в Дагестане связано с восстановлением Советской власти в республике в марте 1920 года. В конце 1923 года в республике было уже тридцать потребительских обществ, которые объединяли до пяти тысяч членов⁸. Однако кооперативные объединения этого периода были крайне слабыми. Общая хозяйственная разруха, отсутствие твердой валюты и, вдобавок ко всему, стихийные бедствия, обрушившиеся на Дагестан в 1921—1923 годах и довершившие тяжелую картину экономического упадка, остро сказались на деятельности и экономическом состоянии объединений тех лет. Журнал «Плановое хозяйство Дагестана» справедливо отмечает, что в то время на паевые взносы членов кооперации «едва можно было купить коробку спичек»⁹.

Советское государство тогда не располагало достаточными средствами и потому не могло кардинально изменить положение дел кооперации. В результате частнику удалось захватить инициативу в свои руки. В 1923/24 г. на его долю приходилось 59,5% всего товарооборота в дагестанском ауле¹⁰. В предыдущие годы удельный вес частника в деревенском товарообороте был еще значительнее.

Перелом в работе кооперации в республике наступил в 1924 г. Оживление сельскохозяйственного производства и восстановление регулярных связей с промышленным центром, денежная реформа и стабилизация валюты быстро сделали свое дело. Уже через два года потребительская кооперация объединяла 34 179 чел., или

---

⁸ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928 г., № 1—2, стр. 102.

⁹ Там же.

¹⁰ Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1925 г., стр. 36.

21,3% всего сельского населения. Это почти в четыре раза больше, чем на 1 октября 1925 г.¹¹

Частник в торговле был основательно потеснен. По тем же данным правительственного доклада IV Вседагестанскому съезду Советов, его удельный вес уже составлял в 1924/25 г. 33,4%, а в 1925/26 г. — 30,2%¹².

О резком потеснении частника в торговле свидетельствуют и материалы по округам. Так, например, в отчетном докладе Гунибского окружного исполкома за 1925 год сообщается, что «в снабжении населения главную роль играет торговля кооперативная. Частная торговля работает нерегулярно»¹³. Нерегулярная деятельность частных торговцев объяснялась усиленной конкуренцией со стороны кооперации.

Улучшилась и торгово-финансовая деятельность потребительской кооперации. Сумма товарооборота в сельской местности через сельские ПО только за один год — с 1924/25 г. по 1925/26 г. — с 1875 тыс. руб. выросла до 3440 тыс. руб.¹³. Огромную роль в этом сыграл общий экономический подъем страны. К концу 1926 года промышленность СССР достигла довоенного уровня производства, а промышленность Дагестана, как уже отмечалось, превысила этот уровень на 73,9%. Okрепло и сельское хозяйство. Это неизбежно сказалось и на укреплении рыночных отношений между городом и деревней, проводником которых являлась кооперация. Достаточно сказать, что если в 1924/25 г. потребительская кооперация сбывала горскому крестьянину промышленных товаров на 1378 тыс. руб., то через два года эта сумма достигла 6741,4 тыс. руб., т. е. выросла более чем в пять раз¹⁴.

Деятельность кооперации в республике, как и в целом по стране, в этот период развевывалась в основном в двух направлениях: по линии снабжения населения промышленными товарами и по линии содействия ему в реализации излишков сельскохозяйственной продукции. Кооперация целиком была подчинена задаче объединения крестьян в области снабжения и сбыта, выработки у них навыков коллективизма, она способствовала

¹¹ Там же, стр. 34.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 572, оп. 1, д. 33, л. 116.

¹³ Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1925 г., стр. 36.

¹⁴ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928 г., № 1—2, стр. 103.

подрыву позиций частного торговца, спекулянта и освобождению бедноты от кулацкой кабалы. Чтобы показать, какую выгоду давала крестьянину кооперативная торговля в сравнении с частной, достаточно обратиться к следующим данным: в 1926/27 г. за центнер пшеницы, проданной по рыночной цене, крестьянин мог купить в кооперации 19 метров ситца, а у частного лишь 14 метров¹⁵. По данным тех лет, цены в кооперативной торговле были на 10—15% ниже, чем в частной. Если цены частной торговли на все товары взять за 100, то цены кооперативной торговли в 1924/25 г. составляли 89,5%, в 1925/26 г. — 89,2%, а в 1926/27 г. — 86,2%¹⁶. Это происходило потому, что у частного наценка к себестоимости товара в два с лишним раза была выше, чем в кооперации.

Вытеснение частной торговли имело огромное значение не только в смысле избавления крестьян от кабальной зависимости, но и для улучшения его материального положения. Например, за три года — 1924—1926 гг. благодаря вытеснению спекулянта и частного торговца кооперацией экономия крестьянства в целом по всей стране составила солидную сумму в 305 млн. рублей¹⁷.

В Дагестане же роль кооперации в избавлении крестьян от кабалы и улучшении условий жизни горца была куда более значительней. Вот пример. До середины 1924 года торговля такими остро необходимыми в быту товарами, как керосин и сахар, в основном находилась в руках частного. Затем кооперация решительно вытеснила его и взяла дело снабжения аула в свои руки. Что это дало горцу? Ответ на этот вопрос дает отчет ЦИК и СНК ДАССР IV съезду Советов республики: «Махачкалинское отделение Нефтесиндиката,— читаем мы в отчете, — отпускает кооперации керосин на льготных условиях и благодаря этому крестьянин может получить керосин на местах по цене от 4 до 8 коп. за фунт. Это большое достижение, так как всего три месяца назад крестьянин должен был ездить за керосином за 100 и более

---

¹⁵ Основные показатели потребительской кооперации СССР, М., 1929 г., стр. 166.

¹⁶ Вся кооперация СССР, М., 1928 г., стр. 126.

¹⁷ Там же.

верст в город или платить спекулянту по 20 и более копеек за фунт...»¹⁸. Так же было и с продажей сахара.

Но деятельность потребительской кооперации не ограничивалась только снабжением аула необходимыми промышленными товарами. В первое время она производила также заготовку и сбыт сельскохозяйственной продукции и тем самым играла исключительно большую роль в борьбе против городского спекулянта-скупщика. Например, в 1924/25 г. было заготовлено сельхозпродукции на 1 294 532 руб.¹⁹. О результатах деятельности кооперации в этом направлении можно судить по следующим цифрам. В начале июля 1924 года на махачкалинском рынке фунт мяса стоил 32 коп. Но затем кооперация заготовила и выбросила на рынок мясо по гораздо более низкой цене. В итоге цены упали до 18 коп. за фунт²⁰.

Таким образом, вытесняя частного из товарооборота, потребительская кооперация, с одной стороны, освобождала деревенского труженика от эксплуатации торговцев и спекулянтов, с другой,—непосредственно осуществляла экономическую смычку между городом и деревней, между социалистической промышленностью и сельским хозяйством. Именно в этом и заключалось ее важнейшее значение в деле укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства, в приобщении миллионных масс крестьян к социализму.

Если потребительская кооперация сыграла главную роль в обобществлении рыночных связей крестьян, в вытеснении частного из сферы обмена, то в обобществлении крестьянского производства такую роль сыграла сельскохозяйственная кооперация. Впервые сельскохозяйственные производственные объединения в Дагестане после восстановления Советской власти возникли в 1922 году. В конце 1923 года было уже 20 такого рода объединений с 1848 членами. Через год сельскохозяйственная кооперация охватывала уже 5062 хозяйства²¹. Конечно, со времени своего появления она обслуживала не только своих членов. И все же о сколько-нибудь заметной роли

---

¹⁸ Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1925 г., стр. 80.

¹⁹ Там же, стр. 84.

²⁰ Там же, стр. 74.

²¹ Там же, стр. 45.

сельхозкооперации в дагестанском ауле в этот период говорить не приходится.

В первые годы после своего возникновения в условиях разрухи и слабого развития рыночных отношений сельскохозяйственная кооперация носила универсальный характер. Но по мере того, как сельское хозяйство республики восстанавливалось, росла товарность и укреплялись рыночные связи, универсальная система стала тормозом на пути обслуживания самых разнообразных потребностей крестьянства. Возникла необходимость специализации сельскохозяйственной кооперации. От универсального союза Дагселькредитсоюз сперва отделяется Дагплодвинсоюз, затем Дагживотноводсоюз и т. д. Эти союзы объединяли в основном четыре вида сельскохозяйственных кооперативов: кредитные товарищества, общие универсальные товарищества, специальные товарищества и колхозы. Первоначально, когда перед всей кооперацией стояла задача овладеть рыночными отношениями, преобладали кредитные товарищества. Они вели кредитную деятельность на посреднических началах: сбывали продукцию своих членов, создавали предприятия для обработки (фруктово-консервные, сыроваренные и маслозаводы, шерстомойки и т. д.), снабжали членов товариществ сельскохозяйственным инвентарем.

Развитие сельскохозяйственной кооперации в этот период происходило главным образом в результате растущей из года в год значительной материальной и технической помощи Советского государства. Это и понятно, Советское государство в тот период рассматривало сельскохозяйственную кооперацию как основное средство в социалистическом переустройстве мелкого индивидуального крестьянского хозяйства. В связи с этим на льготных условиях отпускались тракторы и другие сельскохозяйственные машины и орудия, значительные льготы предоставлялись ей и при налоговом обложении. На льготных условиях, наконец, производились заготовка и сбыт продукции членов кооперации. Для последних, в частности, были установлены твердые закупочные цены. Государственные организации, кроме того, вели торговые операции в первую очередь с кооперативными объединениями. Приведем несколько примеров. В 1925 г. кооперативным объединениям Дагестана было выделено

16 тракторов и много другой техники: плуги, железные бороны, косилки, опрыскиватели и пр. Причем в момент их приобретения надо было внести лишь 25% стоимости отпущенных машин и орудий производства. Для погашения остальной суммы давалась отсрочка на два урожая²². Не меньшие льготы предоставлялись при налоговом обложении. Первичная кооперация с оборотом до 10 тыс. рублей была совершенно освобождена от обложения. С остальных налог был понижен на 25—50%, при этом от обложения освобождался весь внутренний оборот между всеми видами кооперации²³.

Благодаря материальной и технической помощи Советского государства в этот период возникают и простейшие формы производственной кооперации, которые объединяли труд крестьян на время полевых работ. Тяга бедняцких и маломощных середняцких дворов к этим простейшим формам производственной кооперации объясняется еще и тем, что в них они видели единственную возможность для хозяйственного роста и борьбы против кулацкого наступления.

Перелом в развитии производственного кооперирования произошел в связи с завершением восстановления народного хозяйства и первыми успехами индустриализации. Успешное развертывание индустриализации страны позволило значительно усилить снабжение деревни сельскохозяйственными машинами и орудиями. Снабжение машинами Дагестана в 1926/27 г., например, по сравнению с 1925/26 г. выросло в 2,5 раза²⁴. За один этот год удвоилась численность тракторов, находящихся в распоряжении кооперативных объединений всех видов²⁵. Результаты не замедлили сказаться. В течение 1926/27 г. число членов сельскохозяйственной кооперации увеличилось почти в 4,5 раза²⁶. На 1 октября 1927 года всеми видами сельскохозяйственной кооперации было

---

²² Седьмая Дагестанская конференция ВКП(б). Махачкала, 1925 г., стр. 76.

²³ Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1925 г., стр. 27.

²⁴ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов, стр. 46.

²⁵ Итоги X Дагпартконференции, Махачкала, 1929 г., стр. 32.

²⁶ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов, стр. 44.

охвачено уже 12,7% дворов. Однако сельскохозяйственная кооперация обслуживала не только своих членов.

Если потребительская кооперация все свое внимание сосредоточила на снабжении деревни промышленными товарами, то сельскохозяйственная кооперация была занята производством сельскохозяйственной продукции для города. Через нее проходила почти вся заготовительная деятельность Советского государства.

В отчете ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов в 1927 году отмечалось, что «основные объекты заготовок в ДАССР (шерсть, кожсырье, пушнина) почти полностью охвачены государственной и кооперативной торговлей»²⁷. В течение 1927/28 г., например, в Дагестане она заготовила сельскохозяйственной продукции на 3947 тыс. руб., а реализовала на сумму в 2799 тыс. руб.²⁸. В основном это была продукция животноводства и садоводства. На долю этих двух отраслей сельского хозяйства приходилось 91,5% всей заготавливаемой и реализуемой продукции²⁹. Деятельность сельскохозяйственной кооперации по заготовке и сбыту продукции сельского хозяйства в условиях Дагестана имела исключительно большое значение. Труднодоступная горная местность, отсутствие надежного дорожного сообщения и транспорта приводили к тому, что в горах погибала продукция на миллионы рублей, а те дворы, которые пытались реализовать ее, терпели огромные убытки. В первую очередь это относится к тем районам, где выращивались такие быстропортящиеся плоды, как персики и абрикосы. Жители этих районов неоднократно обращались за помощью в организации сбыта фруктов. Из-за отсутствия налаженного сбыта очень часто горская беднота была вынуждена отдавать свою продукцию за бесценок скупщику, частному торговцу и спекулянту. Поэтому легко себе представить, какие огромные выгоды получило горское крестьянство, когда дело заготовки и сбыта взяла в свои руки сельскохозяйственная кооперация. Горский труженик, сдав свою продукцию на приемный пункт по твердым льготным ценам, снимал с себя все остальные заботы о ее дальнейшей судьбе и получал

---

²⁷ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1927 г., стр. 35.

²⁸ Там же, стр. 45.

²⁹ Там же.

возможность более производительно использовать свое время и силы. Одновременно с заготовкой и сбытом кооперация занималась и переработкой сельскохозяйственного сырья, особенно продуктов садоводства. В районах садоводства и виноградарства были созданы предприятия по консервированию и переработке фруктов. Эти предприятия заключали с окружающим населением договоры, согласно которым завод брал на себя обязательство по твердой, заранее определенной цене купить у крестьян фрукты, а те, в свою очередь, обязывались вырастить и сдать определенного количества и качества урожаи. Причем договор предусматривал обязательный комплекс профилактических мероприятий в садах.

В этом отношении особенно показателен пример Гоцатлинского сельскохозяйственного товарищества. Как свидетельствуют документы, товарищество в сел. Гоцатль возникло в 1926 году «по инициативе отдельных партийцев... Оно выбило из рук кулачества преимущества, представляемые неорганизованностью сбыта крестьянских фруктов»³⁰. И дальше в документе рассказывается, как это было сделано. Если раньше фрукты скупал частник, то после организации товарищества крестьянство в подавляющем большинстве (82,1%) стало сбывать фрукты последнему. Товарищество закупало 72,8% всех фруктов, а частник — лишь 27,2%.

В 1928 году оно охватило 91,8% всех дворов в самом Гоцатле и распространило свою деятельность на 17 других аулов. Товарищество, кроме того, на месте организовало переработку фруктов и тем самым обеспечило работой 130 бедняков. Одновременно были приняты меры для повышения культуры садоводства и урожайности фруктов. Товарищество пригласило агронома и организовало для крестьян семидневные курсы, открыло прокатный пункт, где трудящиеся крестьяне могли взять опрыскиватели, протравочные орудия, плуги и т. д.

Можно еще сослаться на опыт Чохского товарищества «Нур» («Луч»). Товарищество это возникло в 1923/24 г. и к концу 1927 года объединяло 666 членов. Однако это товарищество охватывало не только своих членов. В 1927 году, например, «Нур» обслуживал 25 селений с 5031 двором. Товарищество выдавало кредит своим

³⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 209, л. 141.

членам на приобретение рабочего скота, посевного материала и необходимого инвентаря, через прокатный пункт получило сепараторы, маслобойки, построило в Чохе сыроваренный завод. Продукция членов товарищества перерабатывалась бесплатно. И, наконец, «Нур» организовал на двух пюреваренных заводах в сел. Хиндах и Гергемиль переработку фруктов (персиков и абрикосов). При этом, надо заметить, что вся деятельность товарищества носила строго классовый характер и прежде всего была направлена на подъем бедняцкого и маломощного середняцкого хозяйства. Об этом свидетельствует тот факт, что бедняки получили 95,1% всех кредитов, выданных товариществом. Да и само товарищество объединяло в основном бедняцко-середняцкие массы (97%), зажиточных в его составе было всего 3%.

Сельскохозяйственная кооперация в значительной степени удовлетворяла и производственные нужды крестьян. В 1926 году, например, ей принадлежало 40% всех зерноочистительных пунктов и 56,5% всех тракторов³¹. И они в первую очередь использовались для оказания помощи маломощным слоям аула. Через нее осуществлялось также снабжение крестьян сельскохозяйственным инвентарем. Как свидетельствуют документы, к 1927 году в ряде земледельческих округов посредничество частного прекратилось окончательно. Вот что сообщается, например, в докладе о деятельности Хасавюртовского окружного исполкома за 1926 год. В разделе «Организация средств производства» записано: «Снабжение сельскохозяйственным инвентарем производилось исключительно через сельхозкооперацию»³². Это, конечно, не означает, что частник не играл никакой роли в снабжении аула орудиями производства. В Дагестане, где ремесло всегда было очень широко развито, кузнечное дело являлось источником доходов не только для отдельных дворов, но и для целых кварталов и даже аулов. Однако машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия поставляло в аул исключительно Советское государство через кооперацию. При этом не следует забывать, что снабжение крестьян машинами и орудиями

³¹ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1927 г., стр. 38.

³² ЦГА ДАССР, ф. 262, оп. 8, д. 2-а.

производства, как отмечалось выше, осуществлялось на льготных условиях.

Роль частного в снабжении аула орудиями производства оставалась ощутимой только в горных районах республики, где сложная техника, поставляемая государством, не находила почти никакого применения. Прimitивная соха, серп и рабочий скот в этих районах обычно приобретались у частного. При проверке выяснилось, что «удовлетворение производственных нужд... кооперативной сетью нельзя считать достаточным. Так, производственные покупки крестьян у частного (в том же Гочатле. — О. Г.) равны 95,5% всех покупок, а у госкооперативных организаций — 4,5%»³³.

Велика роль Советского государства и в деле повышения культуры земледелия и животноводства. В этих целях через сельскохозяйственную кооперацию создавались плодовые питомники, опытные и показательные участки, племенные рассадники. В условиях Дагестана особое внимание обращалось на улучшение породности и продуктивности скота, для чего были открыты десятки случных пунктов и племрассадников. Скрещивание крупного рогатого скота, овец бедноты и маломощных середняков производилось бесплатно.

Из всего сказанного можно сделать заключение, что сельскохозяйственная кооперация в руках Советского государства являлась мощным орудием воздействия на широкие слои деревенского населения. Она способствовала хозяйственному росту неимущих слоев деревни, подготовке крестьян к более совершенным формам производственного кооперирования, повышению культуры сельского хозяйства.

Исключительно большую роль играла кооперация в борьбе против кулака. Осуществляя политику преимущественного кооперирования бедноты и середняков, преимущественного их обслуживания, Советское государство использовало кооперацию в качестве одного из основных рычагов ограничения эксплуататорских тенденций кулачества и освобождения бедноты от кулацкой кабалы. Чтобы показать итоги деятельности Коммунистической партии и Советского государства в этом направлении, приведем данные об изменении социального

³³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 142.

состава сельскохозяйственной кооперации на различных этапах развития (в % %) ³⁴.

Социальные группы:	годы:		
	1925	1926	1927
Бедняки	21,0	43,1	54,5
Середняки	66,8	46,1	40,5
Кулаки	12,2	10,8	5,0

Очевидно, что на всех этапах развития сельскохозяйственной кооперации бедняки и середняки составляли основную массу ее членов. Вместе с тем надо отметить, что соотношение социальных групп в кооперации на различных этапах претерпевало серьезные изменения. Так, в начальный период развития кооперации, когда главное внимание было сосредоточено на оживлении, подъеме крестьянского хозяйства, в кооперации преобладал середняк. Значительную роль в это время играл и кулак. Если в составе всего населения республики его удельный вес в тот период достигал 4—5%, то в кооперации — 12,2%. Постепенно, по мере хозяйственного роста аула, удельный вес бедноты в кооперации возрастал с каждым годом. В 1925 году был создан специальный фонд кооперирования бедноты, благодаря которому маломощные дворы освободились от вступительных взносов и платежей. В 1927 году благодаря классовой политике Советского государства, направленной на подъем маломощных хозяйств аула, в кооперации преобладали уже бедняки. По сравнению с 1925 годом их удельный вес вырос более чем в два раза. Вместе с середняками они составляли 95% всех членов сельхозкооперации. Удельный вес представителей имущих слоев соответственно уменьшился почти в два раза.

И в этой всемерной поддержке бедняцко-середняцких слоев, в выработке у них навыков коллективизма заключалась историческая роль всех видов кооперации в тот период.

---

³⁴ Седьмая Дагестанская конференция ВКП(б). Стенографический отчет, Махачкала, 1925 г.

Глава III

КУРС НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Подъем производительных сил и осереднячение крестьянства, появление первых ростков социализма в деревне безусловно было огромным завоеванием Советского государства. Но партия всегда помнила, что средние слои — это мелкие товаропроизводители. По этому поводу В. И. Ленин говорил: «... в мелкокрестьянской стране преобладает „уклад“ мелкокрестьянский, т. е. частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое»¹ и предупреждал, что в мелкокрестьянской стране капитализм имеет более прочную базу, чем коммунизм. Преобладание мелкокрестьянского хозяйства ставило под угрозу завоевания Октября и порождало опасность реставрации капитализма. Чтобы избежать это, необходимо было мелкое индивидуальное хозяйство заменить коллективным. Тем более, что мы располагали уже основными необходимыми для этого политическими и материальными условиями.

Благодаря осуществлению политики социалистической индустриализации больших успехов добилась промышленность. По выпуску валовой продукции уровень довоенного 1913 года был превзойден на 17%. Только в одном 1926/27 году прирост промышленной продукции в стране составил 18%. Значительно вырос в народном хозяйстве страны и социалистический сектор. Его доля в промышленности к концу 1927 г. составила 86%, а частного сектора упала до 14%. Неуклонный рост социалистического сектора в промышленности сопровождался

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 221.

быстрым вытеснением частника из торговли. С 53% в 1924/25 г. его доля в розничном товарообороте уменьшилась к концу 1927 г. до 35%, а в оптовой торговле — с 9 до 5% ².

Иное положение сложилось в сельском хозяйстве. В то время как, достигнув уровня 1913 года, промышленность быстро набирала темпы, сельское хозяйство, по существу, топталось на месте, а его основная отрасль — зерновая — не достигла даже и довоенного уровня. Еще хуже обстояло дело с товарной продукцией. В 1927 г. она составляла всего 37% уровня 1913 ³.

Точно такую же картину мы наблюдаем и в Дагестане того периода. В 1926/27 г. дагестанская промышленность выпустила почти вдвое больше продукции, чем в 1913 г. Причем 98,8% этой продукции приходилось на долю социалистического сектора. Ведущее место занял социалистический сектор в товарообороте. В розничном товарообороте доля частника с 45% в 1924/25 г. уменьшилась до 28%, а в оптовом — с 35 до 6% ⁴.

Темпы развития сельского хозяйства были значительно ниже. В 1927 г. по сравнению с дореволюционным 1913 г. поголовье лошадей составляло 80%, крупного рогатого скота — 117%, овец и коз — 87,1%. Особенно тяжелым было положение зернового хозяйства. К 1927 г. производство зерна было восстановлено лишь на 46,7% ⁵. Понятно, что при таких обстоятельствах значительно сократилось и производство на рынок. Сошлемся на такой пример. До революции один из наиболее развитых зерновых районов — Хасавюртовский округ, который тогда входил в состав Терской области, вывозил на рынок до 2 млн. пудов хлебных излишков, а в 1927 г. округ дал всего 50 тыс. пудов товарного зерна ⁶.

Положение, сложившееся в это время в сельском хозяйстве СССР, обычно объясняют структурными изменениями, происшедшими в деревне в результате победы Октябрьской революции, т. е. переходом от крупного производства, дающего максимум товарной продукции, к мелкому, дающему минимум товарной продукции.

² История КПСС, М., 1970 г., стр. 376.

³ Там же.

⁴ «Красный Дагестан», 11 июня 1928 г.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 84.

⁶ «Звезда», № 9 (23), 1929 г., стр. 14—15.

В результате передачи помещицкой и кулацкой земли и благодаря огромной помощи Коммунистической партии и Советского государства резко улучшились материальные условия жизни мелких крестьян, выросла их производительная база. Но, несмотря на это, мелкое производство по самой своей природе является полупотребительским, полунатуральным. Оно далеко не всегда способно даже на простое воспроизводство и поэтому его связи с рынком, в смысле выделения части продукции для обмена, чрезвычайно ограничены. Несмотря на усилия Советского государства по оказанию материально-технической, финансовой и организационной помощи, мелкое крестьянское хозяйство все меньше и меньше проявляло способность к подъему производительности труда и увеличению товарной продукции в необходимом объеме. Сложная сельскохозяйственная техника и расширенное воспроизводство ему было недоступным. Больше того, в ряде районов, в том числе и в Дагестане, появились симптомы того, что оно стало топтаться на месте. Это хорошо прослеживается на развитии восстановительного процесса. В 1921—1925 гг. на базе аграрных преобразований процесс восстановления развивался довольно бурными темпами. Однако в последующие годы темпы роста стали падать.

В условиях Дагестана к этому времени процесс восстановления замедлился, несмотря на то, что сельское хозяйство республики не достигло даже дореволюционного уровня. Достаточно указать на то, что до 1926 года среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции в республике в целом составлял 10%, а в 1926—1927 гг. всего 1—2%. К этому времени стала отчетливо проявляться неизбежная и все большая зависимость мелкого крестьянского хозяйства от случайностей природы. Не совсем благоприятные природные условия 1927/28 г. привели к тому, что в 1928 году в Дагестане валовое производство сельского хозяйства вновь упало до уровня 1925 г. Причем надо отметить, что это падение произошло главным образом за счет равнинных земледельческих районов, где помещику и кулаку был нанесен наиболее чувствительный удар и центральной фигурой земледелия являлся середняк, т. е. мелкий товаропроизводитель.

Поголовье скота в это время, хотя и незначительно, но все же выросло. И в этом следует видеть проявление

того, что в животноводстве, особенно в ее основной отрасли — овцеводстве, главным лицом по-прежнему оставался крупный собственник. Между прочим, это безусловно сказалось и на развитии всего восстановительного процесса. Так, в 1926 году по сравнению с 1916 годом полеводство было восстановлено лишь на 59%, а животноводство — на 87,9% ⁷.

Хотя на животноводство приходилось 40,2% всей валовой продукции сельского хозяйства, в 1927 году оно давало 56,4% всей товарной продукции. Это тоже можно отнести за счет того, что в животноводстве еще сильны были позиции крупного производства, дающего максимум товарной продукции.

Все это свидетельствует о том, что причины отставания сельского хозяйства от общих темпов развития, указанные в Истории КПСС, в известной мере имеют отношение и к Дагестану. Однако главные причины медленного развития процесса восстановления сельского хозяйства республики заключались в другом.

Прежде всего надо отметить, что до революции, наряду с местными помещиками и кулаками, видное место в экономике занимали и крупные хозяйства колонистов. В ходе гражданской войны большинство колонистов покинуло пределы республики. Напомним, что в Хасавюртовском округе до революции было 249 населенных пунктов с 60 тыс. человек, а после революции в округе насчитывалось уже 178 населенных пунктов, в которых проживало 32 тыс. человек.

Далее, основные боевые действия в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции развертывались на равнине. В этот период ирригационная система частью была заброшена, частью разрушена. Для ее восстановления нужны были значительные средства, которыми в тот период мы не располагали. А без этого огромные массивы земли невозможно было вовлечь в хозяйственный оборот. По этим причинам восстановительный процесс на равнине развертывался чрезвычайно медленно. Достаточно указать на то, что если горные районы к этому времени по посевным площадям в основном достигли дореволюционного уровня, то в зерновых равнинных районах посевная площадь составляла

---

⁷ «Красный Дагестан», 12 апреля 1927 г.

55,4% дореволюционного, а в Хасавюртовском округе и того меньше — всего 25%.

И наконец, темпы роста сельскохозяйственного производства в Дагестане в значительной степени тормозились вследствие незавершенности аграрной революции. В материалах по аграрному вопросу и о состоянии сельского хозяйства республики, подготовленных Наркомземом в тот период, прямо указывается, что феодально-клерикальные элементы оказывали всяческое сопротивление реконструкции, смене форм и системы хозяйства, чтобы иметь дешевую рабочую силу, и тем самым препятствовали развитию сельскохозяйственного производства.

Все это свидетельствует о том, что сельское хозяйство переживало серьезные трудности. В связи с развертыванием индустриализации бурно росла социалистическая промышленность. Появились сотни и тысячи новых фабрик и заводов, быстро увеличивалось городское население. В связи с этим из года в год росла потребность страны в хлебе. А мелкое крестьянское хозяйство было неспособно обеспечить необходимый рост производительных сил и удовлетворить потребности страны.

Вопрос о хлебе вновь, как и в 1918 году, стал превращаться в вопрос о социализме. Необходимо было раз и навсегда решить хлебную проблему и одновременно избавить трудящихся деревни от нищеты и эксплуатации. Выход был один — объединить мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективы, способные на базе современной техники поднять производительность труда и обеспечить страну необходимой сельскохозяйственной продукцией.

Постепенно к этому стали склоняться и наиболее передовые трудовые слои деревни. Известно, что до революции крестьянин считал, что для коренного улучшения его жизни необходимо конфисковать помещичьи имения и провести уравнильное распределение всей земли. Этим, как ему казалось, обеспечивались равные условия для хозяйственного роста и максимум свободы в отношении землепользования. Большевики были против уравнильного передела, понимая, что на деле, в условиях неравного распределения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, никакого равенства быть не может. Тем не менее они полностью удовлетворили требо-

вания крестьян. Это способствовало сплочению деревенской бедноты вокруг рабочего класса и повороту всего трудящегося крестьянства на сторону Советской власти. Опыт подтвердил правоту Коммунистической партии. Как предвидел В. И. Ленин, трудящиеся крестьяне на собственном опыте убедились, «что уравнительная дележка — вздор»⁸. Не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, беднота, хотя после революции численно стала значительно меньше, по-прежнему вынуждена была обращаться к кулаку. Нередко, сдав свою землю в аренду, бедняк, как и раньше, либо отправлялся в город, либо нанимался к кулаку.

В этих условиях переход к коллективному хозяйству, основанному на общественном труде, стал исторической необходимостью.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства был определен XV съездом партии в декабре 1927 г. Съезд указал, что объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы является основной задачей партии в деревне.

XV съезд положил начало новому этапу колхозного движения в Дагестане. Даже простое сравнение цифр красноречиво свидетельствует об этом. На 1 октября 1927 года в Дагестане было 39 колхозов, а ровно через год их уже насчитывалось 232, почти в шесть раз больше. Число дворов в них увеличилось соответственно с 542 до 4938, т. е. в 9 с лишним раз. Если в 1927 году удельный вес коллективизированных дворов составлял всего 0,3 процента всех хозяйств, то в 1928 году он достиг уже 2,9%. Сами по себе цифры незначительные, но если их сравнить с теми, что были всего годом раньше, мы увидим огромные изменения. Даже в организационном вопросе коренной перелом наступил лишь после XV съезда партии. Раньше было отмечено, что в республике до XV съезда, по существу, не было конкретного руководства колхозным движением. Партийные и советские организации республики имели довольно смутное представление о ходе коллективизации, о формах объединения крестьян и их социальном составе, об организации общественного производства и т. д. Коллективизация в Дагестане первоначально развертывалась стихийно, без конкретного

---

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 179—180.

руководства, главным образом благодаря объективному воздействию целенаправленной экономической политики КПСС и Советского государства. После XV съезда партии объединение крестьян в коллективы стало первоочередной задачей партийной организации республики. Этой же задаче была подчинена и вся экономическая политика. Однако надо отметить, что в таких ранее отсталых колониальных окраинах, каким был Дагестан, решающую роль в создании этого перелома сыграла постоянно растущая и бескорыстная помощь более развитых и передовых народов нашей страны и прежде всего великого русского народа. Только благодаря этой помощи удалось обеспечить определенные технические и материальные предпосылки такого перелома.

При этом надо заметить, что в связи с решениями XV съезда эта помощь возросла в несколько раз. Для иллюстрации достаточно привести следующие данные. В 1927 году в Дагестан было завезено сельскохозяйственных машин и орудий на 286,8 тыс. руб., в 1928 году эта сумма выросла почти в три раза и составила 785 тыс. руб., а в 1929 году она достигла 1137 тыс. руб.⁹ Только за один 1928 год в республику было завезено инвентаря больше, чем за все предыдущие годы. Было организовано 22 прокатных и 30 зерноочистительных пунктов. В 1929 году советское правительство выделило Дагестану 9850 плугов, 2350 борон, 3300 уборочных машин, 400 культиваторов, 560 сеялок и много другого инвентаря¹⁰.

Машиноснабжение по-прежнему производилось строго по классовому принципу. Однако в связи с курсом на коллективизацию и в этом деле произошли изменения: теперь главное внимание было обращено на то, чтобы в первую очередь и на льготных условиях сложным сельскохозяйственным инвентарем, машинами и тракторами обеспечить коллективные хозяйства. Вот несколько примеров, свидетельствующих об этом: в 1928/29 году в республике каждый колхоз имел в среднем сельскохозяйственного инвентаря на сумму в 1268 руб., а в 1929/30 году эта сумма выросла более чем в семь раз и составила 9688 рублей — это 322,9 рубля в среднем на один двор колхозника. В пересчете на гектар посева техническая

⁹ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 56.

¹⁰ «Красный Дагестан», 9 октября 1929 г.

оснащенность колхозов за это время выросла с 17,6 рубля до 30,5 рубля¹¹. Из 114 тракторов¹², имевшихся в республике в 1928 году, 66 принадлежали колхозам¹³.

То же самое и с кредитованием. После XV съезда партии кредитование сельского хозяйства республики возросло в несколько раз. В 1928/29 году Советское государство отпустило сельскому хозяйству 2059 тыс. рублей, т. е. в два с лишним раза больше, чем в 1927 году, а в 1929/30 году сумма кредита составила уже 2746 тыс. рублей, т. е. на 33% больше, чем в 1928/29 году. Изменилось и направление кредита. В 1928/29 году, например, социалистический сектор сельского хозяйства (колхозы и совхозы) получили 19,5% всех кредитов, а единоличники — 80,5%, а в 1929/30 году социалистический сектор получил 81% кредитов (колхозы — 65%, совхозы — 16%), а единоличники — лишь 19%¹⁴. Эти данные лишней раз свидетельствуют о том, что вся экономическая политика Советского государства была подчинена подъему бедняцко-средняцких хозяйств и развертыванию коллективизации.

Всесторонняя помощь партии и Советского государства, применение сложного сельскохозяйственного инвентаря и достижений агрономической науки дали возможность коллективным хозяйствам значительно превзойти индивидуальные почти по всем производственным показателям. Использование машин и тракторов значительно повысило производительность труда, облегчило труд и убедило крестьян в преимуществах коллективного производства. В результате наблюдалась большая тяга бедняцко-средняцких масс аула к обобществлению труда, к коллективному ведению хозяйства. Об этом красноречиво говорят итоги бедняцких конференций, проходивших по всему Дагестану летом и в начале осени 1929 года.

В августе 1929 года, подводя итоги этих конференций, газета «Красный Дагестан» отмечала, что они «выступили

---

¹¹ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 56.

¹² Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов, стр. 46.

¹³ «Плановое хозяйство Дагестана», № 2—3, 1929 г., стр. 91.

¹⁴ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 126.

ли за объединение батрацких, бедняцких и середняцких хозяйств в коллективные хозяйства»¹⁵.

В результате колхозное движение в Дагестане, как и по всей стране, вступило в новую фазу своего развития. В 1929 году, особенно во второй половине года, начался быстрый рост колхозов. Если на 1/X-1928 года было 232 колхоза, которые объединяли 4938 хозяйств, то на 1/X-1929 г. уже насчитывалось 363 колхоза, которые объединяли 5606 хозяйств. Удельный вес коллективизированных дворов с 2,9 вырос до 3,3%. Значительно увеличились посевные площади колхозного сектора. По сравнению с 1928 годом на 1/X-1929 г. их площадь увеличилась более чем в 3,5 раза и превысила 15 тыс. га. На одно хозяйство в 1928 г. в среднем приходилось 0,85 га посева, а в 1929 г. — 2,2 га.

В усилении тяги крестьянских масс к общественному хозяйству огромную роль сыграла также и кооперация.

До XV съезда, как уже было отмечено, перед кооперацией стояла задача объединить крестьян в области сбыта и снабжения. Теперь же, после XV съезда партии, нужно было из области сбыта и снабжения проникнуть в область производства. Съезд прямо указал на необходимость совершить переход «от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств»¹⁶.

Исходя из решений XV съезда, партийная организация республики также выдвинула на первый план задачу производственного кооперирования крестьян. IX областная партийная конференция указала «на необходимость углубления работы в сторону производственного кооперирования крестьян, развертывая создание коллективов, товариществ», и призвала местные партийные организации всемерно содействовать кооперированию бедноты¹⁷.

В новых условиях, в связи с перенесением центра тяжести на производственное кооперирование, особенно сильно возросла роль сельскохозяйственной кооперации. После XV съезда партии в Дагестане, как и по всей стране, наблюдается быстрый рост ее сети. К концу 1928 года

---

¹⁵ «Красный Дагестан», 17 августа 1929 г.

¹⁶ КПСС в резолюциях... часть II, 1953 г., стр. 356, 363.

¹⁷ «Красный Дагестан», 21 ноября 1928 г.

она объединила уже 18,7% всех дворов. Это в 2,2 раза больше, чем в 1926 году, и на 6% больше, чем в 1927 г.¹⁸.

Особенно большими были успехи сельскохозяйственной кооперации в районах технических и специальных культур. В них кооперация нередко объединяла более половины всех хозяйств. Например, в Дербентском районе было кооперировано к сентябрю 1928 года 53% всех хозяйств, в Ачикулакском — 55%, в Кизлярском — 41,5%¹⁹.

Наряду с количественным ростом, происходил также процесс качественного укрепления сельскохозяйственной кооперации. Если в 1926/27 г. сельскохозяйственная кооперация имела убыток в 50 тыс. рублей, то на 1 июля 1928 года она уже дала прибыль в 95 тыс. руб. Сельскохозяйственная кооперация значительно окрепла в финансовом отношении. На 1 октября 1927 г. ее валовой доход равнялся 2343 тыс. руб., а на 1 июля 1928 г. он составил уже 7035 тыс. руб., т. е. вырос на 205%²⁰.

Однако, наряду с успехами, в деятельности кооперации были и серьезные недостатки. XV съезд, в частности, отмечал «непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки деревни»²¹. И в самом деле, как мы уже отметили, удельный вес зажиточных в кооперации был намного выше их удельного веса среди населения. Эта означало, что эксплуататорские элементы пользовались правами и привилегиями, которые давала кооперация. Еще больше было их в органах управления кооперацией. Так, при проверке руководящих органов 10 кооперативных организаций всех видов летом 1928 года оказалось, что нетрудовые элементы составляют 27% всех работников. В сельскохозяйственной кооперации их число достигло 50%. Среди них оказались помещики, кулаки, белогвардейцы, торговцы и т. д.²².

Естественно, что эти элементы, проникшие в руководящие органы кооперативной сети, пытались использовать сельскохозяйственную кооперацию в своих целях.

Коммунисты республики вели решительную борьбу за очищение рядов кооперации от такого рода элементов.

¹⁸ «Красный Дагестан», 9 мая 1929 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Красный Дагестан», 4 сентября 1928 г.

²¹ КПСС в резолюциях... часть II, 1953 г., стр. 359.

²² «Звезда», 5 (13), 1928 г., стр. 42.

По итогам весенней проверки июльский пленум областного комитета партии 1928 г. отметил слабые стороны организационного, хозяйственного и особенно финансового состояния сельскохозяйственной кооперации и постановил:

1) Принять меры к организационному укреплению низовой сети сельскохозяйственной кооперации путем усиления руководства со стороны Дагкентбирлиги и местных партийных и советских организаций.

2) Отмечая наличие кулацкого засилья в части руководящих органов низовой сети сельскохозяйственной кооперации, в ближайшую перевыборную кампанию поставить задачу усиления бедняцко-средняцкого влияния и руководства²³.

На основании этого постановления партийная организация республики летом 1928 года провела досрочные перевыборы руководящих органов сельскохозяйственной кооперации. Перевыборы являлись ярким свидетельством влияния партии на трудящиеся массы Дагестана. Они способствовали еще большему укреплению партийного ядра в сельскохозяйственной кооперации. Количество членов партии в правлениях с 42,3% выросло до 61,9%, в ревизионных комиссиях — с 33,1% до 39,1%, в Советах — с 28,1% до 34,9%²⁴.

Значительно вырос также удельный вес бедноты в руководящих органах сельскохозяйственной кооперации: в правлениях в результате перевыборов их удельный вес с 49,1% вырос до 68,2%, в ревизионных комиссиях — с 48,4% до 67,5%, в Советах — с 61,1% до 72,1%²⁵.

Однако, несмотря на эти очевидные успехи, система сельскохозяйственной кооперации и ее организационные формы не соответствовали тем новым задачам, которые были поставлены перед ней XV съездом партии. В ней преобладали кредитные товарищества, которые непосредственно не занимались производственным кооперированием бедноты и середняков. Из 69 товариществ кредитных было 59. Такое же положение было характерно для кооперативной сети всей страны.

Учитывая это обстоятельство, Центральный Комитет

---

²³ «Звезда», № 3 (11), 1928 г., стр. 48.

²⁴ Там же, стр. 13.

²⁵ «Звезда», № 1 (15), 1927 г., стр. 13.

партии принял ряд мер по реорганизации структуры и методов работы сельскохозяйственной кооперации. Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» она была приспособлена к задачам производственного кооперирования и коллективизации крестьянских хозяйств. Был осуществлен переход от кредитного товарищества к поселковому производственному товариществу — наиболее простой и доступной для крестьян форме коллективного хозяйства.

Реорганизация сельскохозяйственной кооперации и подчинение ее структуры и работы задачам производственного кооперирования явились шагом вперед по пути осуществления ленинского указания — кооперировать основные массы крестьянства сначала в области сбыта и снабжения, а затем в области производства.

Исходя из постановления Центрального Комитета, Дагестанский областной комитет партии провел мероприятия по завершению специализации сельскохозяйственной кооперации и подчинению ее задачам коллективизации сельского хозяйства. Из существовавшего до того универсального союза кооперации Дагкентбирлиги последовательно были выделены, в дополнение к образованному в ноябре 1928 г. Дагживотноводсоюзу, — Садогородсоюз в октябре 1929 г. и Дагполеводсоюз — в конце декабря.

Эти три союза объединяли 135 поселковых товариществ с 30 722 членами²⁶.

Перестройка сети сельскохозяйственной кооперации способствовала значительному улучшению производственного обслуживания крестьян. На это указывается, в частности, в материалах к отчету правительства ДАССР о состоянии советского, хозяйственного и культурного строительства к десятилетию автономии Дагестана. В них приводятся следующие данные, свидетельствующие об этом. Накануне реорганизации на кредитование производственных процессов в сельском хозяйстве было выделено 39% всех средств, а после реорганизации — 81%²⁷. Об этом же свидетельствует и деятельность вновь организованных союзов кооперации.

---

²⁶ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 73.

²⁷ Там же, стр. 125.

Это означало, что реорганизация сети сельскохозяйственной кооперации позволила ей перейти от ссудно-кредитного и снабженческого к производственному обслуживанию крестьян.

Переход к производственному обслуживанию крестьян и решительная борьба против кулачества совершенно изменили социальное лицо сельскохозяйственной кооперации. Накануне коллективизации 99,8% дворов, объединенных в ней, являлись бедняцкими и середняцкими.

Одновременно с ростом производственного кооперирования продолжала быстро развиваться и потребительская кооперация. В течение двух лет после XV съезда партии в ее деятельности произошли большие изменения. За это время число пайщиков увеличилось в 2,5 раза, а товарооборот — почти в два раза²⁸. В 1929 г. пайщиками потребительской кооперации были 55,3% всех хозяйств республики²⁹.

Особенно резкие изменения произошли в удельном весе различных секторов в товарообороте. Так, в 1925/26 г. на государственный и кооперативный сектор падало 69,8 проц. всех оборотов, а в 1928/29 г. их доля в товарообороте выросла до 86 проц., а удельный вес частного за это же время с 30,2% упал до 14%³⁰. Это означает, что частник в товарообороте накануне массовой коллективизации по существу не играл уже сколько-нибудь видной роли.

До сих пор речь шла о росте колхозного движения в Дагестане и о факторах, способствующих его развитию. Этот вопрос безусловно представляет для нас большой интерес. Но гораздо важнее раскрыть социальные отношения, складывавшиеся внутри колхозов. Это пока что слабо разработанная проблема, вполне достойная специального исследования. Мы же в данном случае в общих чертах рассмотрим три основных вопроса этой обширной проблемы: организационные формы колхозного строительства, степень обобществления основных средств производства и распределение продуктов труда в колхозах.

---

²⁸ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов, стр. 59.

²⁹ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 110.

³⁰ Там же, стр. 101.

Как уже было отмечено, практика колхозного строительства в республике выдвинула и закрепила три основные организационно-хозяйственные формы построения общественного хозяйства — товарищество по совместной обработке земли и выпасу скота, сельскохозяйственная артель и коммуна. Соотношение этих форм на различных этапах развития до XV съезда партии, к сожалению, мы не можем установить из-за отсутствия данных. Зато, начиная с 1928 года, в распоряжении исследователя имеется обильный, хотя зачастую и противоречивый материал, восполняющий этот пробел. Противоречивость его заключается в следующем. Все местные и центральные архивные материалы и статистические издания свидетельствуют о том, что вплоть до XV съезда партии в Дагестане преобладала артельная форма организации общественного хозяйства³¹, а в материалах к отчету правительства ДАССР к десятилетию автономии Дагестана публикуются данные, опровергающие все эти архивные и официальные материалы³². В отчете к десятилетию приводятся данные на конец 1930 года, которые говорят о том, что в это время преобладали товарищества по совместной обработке земли (55%)³³. Отчет следующим образом объясняет этот факт: «Снижение количества с.-х. артелей в 1929/30 г. сравнительно с 1928/29 г. объясняется тем, что колхозы, числившиеся в 1928/29 г. артелями, имели только устав артелей, а фактически были СОЗ-ами... В силу этого колхозы, формально числившиеся артелями, были переведены на устав СОЗ-ов»³⁴. В какой-то мере оно так и было. Однако объяснить уменьшение удельного веса артелей с 84% в 1928/29 г. до 44% в 1929/30 г. и их численности — с 305 до 178, при общем значительном росте колхозов, только этим никак нельзя³⁵. Следуя указанию XVI съезда партии о том, что в некоторых районах незернового характера, а также в наци-

---

³¹ Колхозы в 1928 г. Итоги обследования колхозов, М., 1932 г., стр. 2—3; Колхозы в 1929 г. Итоги сплошного обследования колхозов, М., 1931 г., стр. 2; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. М.—Л., 1931 г., стр. 31. ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 36.

³² 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 74.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

ональных районах Востока, в первое время могут получить массовое распространение товарищества по совместной обработке земли, как переходная форма к артели, во второй половине 1930 года многие даже хорошо организованные артели были переведены в связи с исправлением левацких перегибов в колхозном строительстве на Устав товарищества. Поэтому при рассмотрении поставленных вопросов надо отдать предпочтение итогам обследования колхозов в 1928 и 1929 гг., а также материалам сборника «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», тем более, что мы не располагаем другим подобным материалом. К тому же, если в названных материалах и есть неточность, то она не может изменить нашего общего представления о процессе, так как касается лишь внутренних его частей.

Как показывают итоги этих обследований, в 1928—1930 гг. в Дагестане преобладала артельная форма организации коллективного хозяйства. Вот данные, свидетельствующие об этом: в 1928 году на 137 обследованных колхозов товариществ по совместной обработке земли было 15,3%, артелей — 82,5%, а коммун — 2,2%³⁶. В 1929 году из 311 обследованных колхозов ТОЗ-ов было 17,7%, артелей — 80%, а коммун — 2,3%³⁷. Как видно, в динамике соотношения уставных форм колхозов особых изменений не произошло: и в 1928 году и в 1929 году преобладающей формой остается артель.

Почему мы так подробно говорим об организационно-хозяйственных формах колхозного строительства? Потому, во-первых, что именно от организационной формы в значительной мере зависит степень обобществления основных средств производства и место общественного и личного хозяйства среди источников существования крестьян, и, во-вторых, опыт коллективизации учит, что изыскание правильной формы общественного хозяйства и его внутреннее организационно-хозяйственное устройство были наиболее трудной задачей социалистического преобразования сельского хозяйства. М. И. Калинин отмечал в 1928 г.: «Главным тормозом в колхозном движении является не материальная часть. Как мы ни бедны

---

³⁶ Там же.

³⁷ Колхозы в 1929 г., стр. 2.

и как правительство ни мало дает средств для колхозов сравнительно с их нуждами, не в этом гвоздь. Гвоздь в том, что мы еще не нашли ту наилучшую форму колхоза, которая бы дала возможность объединить производство, кооперировать его и вместе с тем не подчинила бы личность казарменному быту»³⁸. Впоследствии постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. признало, что такой «наилучшей» формой является сельскохозяйственная артель. В артели обобществлялись все основные средства производства: мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот и т. д. Вместе с тем поддерживались и личные интересы колхозника: в его пользовании оставлялись приусадебные земли, простой инвентарь, часть молочного скота, мелкий скот, птица и жилые строения. Тем самым в артели достигалось наиболее гармоническое сочетание общественных и личных интересов, наиболее полное и рациональное использование производительных сил и наибольшая производительность труда. Однако пока не был накоплен опыт, не была выработана и проверена на практике наиболее рациональная форма общественного хозяйства; наряду с артелью, как мы уже отмечали, развивались также товарищество по совместной обработке земли и коммуна.

Товарищества являлись простейшими видами коллективного хозяйства. В условиях Дагестана наибольшее развитие получили два типа товариществ: в зерновых, земледельческих районах — товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ); в животноводческих — товарищество по совместному выпасу скота.

По Уставу ТОЗа, вступающий в него крестьянин обязательно обобществлял только землю и семена. Обобществление рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря было делом добровольным и за их использование ТОЗ выдавал владельцу дополнительную плату.

Товарищества по совместному выпасу скота организовывались для совместного использования отведенных им пастбищных и сенокосных угодий. При вступлении в такое товарищество крестьянин делал установленный взнос деньгами или натурой. Из этих взносов и склады-

---

³⁸ М. И. Калинин. Международное и внутреннее положение Советского Союза. «Правда», 7 июня 1928 г.

валось общественное хозяйство. За бедняков и мало-мощных середняков эти взносы, как правило, делали кооперативные объединения и кресткомы, которые имели на эти цели специальные фонды. Товарищество по совместному выпасу скота приобретало и заготавливало необходимые членам товарищества сельскохозяйственные орудия, машины, скот, фураж, топливо, строительные материалы и другие предметы, на закрепленном за ним участке строило общий скотный двор и жилые постройки, оказывало денежную и натуральную помощь своим членам; принимало меры по качественному улучшению своего стада и с этой целью устраивало племенные рассадники и случные пункты, принимало меры по улучшению пастбищных и сенокосных угодий и т. д. Таким образом, в этих двух типах товариществ обобществлялась в основном земля — в первом пахотная, во втором—пастбищно-сенокосная. Вся остальная масса средств производства — рабочий и продуктивный скот, инвентарь, хозяйственные постройки—оставалась в частной собственности крестьян.

Высшей формой общественного хозяйства являлась коммуна, в которой обобществлялись все средства производства, весь скот и все отрасли хозяйства. По инициативе промышленных рабочих в центральных районах страны коммуны появились в эпоху военного коммунизма в 1918—1919 гг. на базе бывших помещичьих имений, на монастырских землях, на готовой материально-технической базе. Они объединяли пролетарские слои деревни и скорее являлись коммунами-общезитиями, нежели хозяйственными предприятиями. На самом раннем этапе колхозного строительства коммуна являлась преобладающей формой организации общественного хозяйства. Однако в дальнейшем, особенно в период новой экономической политики, рост коммун стал ослабевать. В этот период крестьянство больше тяготело к простейшим формам объединения, так как, вступив в него, оно в то же время сохраняло в своем распоряжении основные средства производства и получало возможность хозяйственного роста.

В Дагестане, где первые коллективные хозяйства появились уже в период нэпа, коммуны не имели почти никакого распространения. В 1928 году в республике было всего 2 коммуны. В следующем году их число увеличи-

лось еще на 5. Однако в 1930 году коммун опять стало меньше, затем в годы развертывания массового колхозного движения оставшиеся коммуны были переведены на артельный Устав и вовсе прекратили свое существование. Объясняется это тем, что такая форма общественного хозяйства, как коммуна, в которой обобществлены все средства производства, может существовать только при высокой степени развития производительных сил сельского хозяйства, когда за счет общественного хозяйства удовлетворяются все потребности трудящихся. Тогда такого уровня развития производительных сил мы не имели, для этого у нас не было необходимых материальных возможностей. Поэтому коммуна как организационно-хозяйственная форма коллективного хозяйства не получила дальнейшего развития. Но характерно, что в самом начале колхозного строительства именно коммуна была первоначальной и наиболее распространенной формой общественного хозяйства и что возникла она в самую тяжелую для страны эпоху. Значит, не только уровень производительных сил решает вопрос. Многое зависит еще и от того, какие социальные слои организуются в коллектив. Как показывает опыт нашей страны, объединение пролетарских слоев неизбежно сопровождается появлением наиболее развитых форм коллективного хозяйства с высокой степенью обобществления производства. Это происходит потому, что пролетарские слои не имеют своих средств производства и объединяются либо на готовой производственной базе, либо создают ее уже в процессе коллективного труда. По мере вовлечения в это движение пролетарских и бедняцко-средняцких слоев уровень обобществления и форма объединения начинают меняться. Мелкий собственник еще не был готов к тому, чтобы полностью перейти к общественному хозяйству, и цеплялся за свое единоличное индивидуальное хозяйство. Так появляются другие формы, более соответствующие и экономическому укладу страны, и уровню развития колхозного строительства. Об этом красноречиво свидетельствуют и данные о социальном составе колхозов республики по уставным формам. Из всех членов ТОЗа не имели средств производства 8,2% дворов, в составе артелей таких дворов было уже 32%, а в коммунах — 67,9%. Зато дворов со средствами производства на сумму от 200 до 800 руб., т. е. в основном средних дво-

ров, в ТОЗах было 51,6%, в артелях — 21,3%. В коммунах же лишь 3,8% дворов имели средства производства на сумму от 200 до 400 руб. Хозяйств без всякого скота в ТОЗах было 18%, артелях — 55,6%, в коммунах — 92,5%, а без рабочего скота соответственно — 39,5%; 78,1%; 98,1%³⁹. Как свидетельствуют данные, форма объединения и ее социальный состав тесно связаны между собой и обуславливают друг друга.

Посмотрим теперь, как форма организации общественного хозяйства влияла на степень обобществления основных средств производства. В 1929 году обобществленный посев в ТОЗах составлял 80,3%, в артелях — 86,4 проц., рабочий скот соответственно — 30,4% и 41%. В следующем году соотношение общественного и частного производства внутри коллективного хозяйства претерпело дальнейшие изменения. В ТОЗах удельный вес обобществленного посева с 80,3% вырос до 84,4%, а в артелях — с 86,4% до 91,2%, рабочего скота соответственно — с 30,4% до 36,2% и с 41% до 78,5%⁴⁰. Эти цифры говорят о том, что во всех видах колхозов происходил неуклонный рост удельного веса общественного производства. Однако уровень обобществления в ТОЗах значительно отставал от артелей. Вследствие этого уже в исследуемое время в артелях труд в общественном хозяйстве являлся главным источником средств существования, тогда как и в товариществе личное хозяйство еще преобладало над общественным. Так, в 1929 году члену артели 61,7% всех средств существования приносило коллективное хозяйство, а доходы от личного хозяйства составляли всего 27,2%. В товариществе, наоборот, общественное производство давало члену 42% всех средств, остальные он извлекал из личного хозяйства (46,3%), а также работой по найму (11,7%)⁴¹. Но приведенные данные говорят не только о взаимозависимости организационно-хозяйственной формы и степени обобществления основных средств производства. Они свидетельствуют также и о том, что в обобществлении различных видов средств производства существовала огромная разница. Судя по материалам сплошного обследования колхозов

³⁹ Колхозы в 1928 г., стр. 146—147.

⁴⁰ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, стр. 35.

⁴¹ Колхозы в 1929 г., стр. 158.

за 1928 и 1929 г., в наибольшей степени были обобществлены сельскохозяйственный инвентарь и пахотная земля, в наименьшей — продуктивный скот и хозяйственные постройки. В 1928 году удельный вес обобществленных основных средств производства составлял 37,9%. В то же время сельскохозяйственный инвентарь был обобществлен на 91,7%, пашня — на 73,5%, а весь скот — лишь на 13,6%⁴². Процесс обобществления еще менее коснулся хозяйственных построек и продуктивного скота. Например, общественное стадо овец составляло 2,4% ко всему поголовью, имеющемуся у членов колхозов, коровы — 6%⁴³, а хозяйственные постройки — 3,7%⁴⁴. Обычно это принято объяснять тем, что скот — основа благосостояния хозяйства и поэтому крестьянин был особенно осторожным с его обобществлением. Это бесспорно. Однако не меньшую роль играло в этом и другое обстоятельство. Известно, что социальный состав колхозов в этот период был батрацко-бедняцким. В подавляющем большинстве (82%) это были представители пролетарских и полупролетарских слоев, как правило, не имевшие сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, овец и т. д.⁴⁵. Все основные средства приобретались ими с помощью государства уже в процессе становления и развития общественного хозяйства и поэтому находились в коллективной собственности. Для иллюстрации можно привести данные о составе обобществленного сельскохозяйственного инвентаря. По итогам обследования колхозов в 1928 году в Дагестане 61,8 проц. этого инвентаря составляли тракторы и прицепные орудия, 19,3% — молотилки, 10,4% — уборочные машины, 4% — орудия по обработке и подготовке почвы, 3,2% — сеялки и 0,9% — зерноочистительные машины⁴⁶. Как видим, сельскохозяйственный инвентарь колхозов состоял в основном из сложных машин.

О рациональном использовании такого рода инвентаря маломощными индивидуальными дворами и речи не могло быть. Да его у них и не было. Вся техника либо бы-

---

⁴² Колхозы в 1928 г., стр. 50—51.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 17.

⁴⁵ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 75.

⁴⁶ Колхозы в 1928 г., стр. 43.

ла приобретена на общественные средства, либо сами коллективы были созданы на ее базе.

То же самое и с посевной площадью. По тем же данным, 72,7% всех земель колхозы получили у государства. Крестьянская надельная земля среди обобществленных площадей составляла лишь 27,3%⁴⁷.

Продуктивный же скот в этих хозяйствах находился в индивидуальной собственности, имел чисто потребительское значение и поэтому процесс обобществления затрагивал его в меньшей степени. К тому же не надо упускать из виду, что две трети всех колхозников вовсе не имели скота, так что зачастую им и обобществлять было нечего.

В значительной степени это объясняется тем, что в этот период у крестьян еще не было навыков создания общественного животноводства. Эти причины и обусловили отставание в развитии процесса обобществления скота по сравнению с обобществлением посевов и сельскохозяйственного инвентаря.

Мы отметили, что степень развития в колхозах общественной собственности на основные средства производства зависела от многих обстоятельств. Еще более сложным был вопрос о принципах распределения продуктов труда. Как было отмечено во втором разделе работы, этот вопрос в республике решался в основном двумя путями — путем уравнительного распределения продуктов и путем учета меры участия основных средств производства каждого члена коллектива в общественном производстве. Однако формы оплаты были куда многообразней. Так, уравнительный принцип включал в себя распределение продуктов труда по потребности, по едокам и по рабочей силе. В другом случае распределение доходов происходило с учетом использования в коллективном хозяйстве скота, инвентаря или по взносам в коллективный капитал. Однако за неимением данных показать соотношение и движение форм оплаты труда до 1928 года мы не можем. Такого рода учет в республике впервые был произведен в 1928 году во время сплошного обследования колхозов. Согласно итогам этого обследования, 2,8% всех колхозов распределяли продукты труда по потребности, 8,3% колхозов — по едокам, 84,7% — по рабочей

---

⁴⁷ Там же, стр. 53.

силе, 5,6% колхозов — по взносам в коллективный капитал и 2,8% — по участию в колхозе средств производства. Распределение по земле и по скоту обследованное не зафиксировало⁴⁸. Однако это не значит, что таких форм распределения продуктов труда в республике не было. Судя по материалам проверки организационно-хозяйственного состояния колхозов, и они были довольно широко распространены в Дагестане.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в тот период в распределении продуктов труда наиболее распространенным был уравнительный принцип. Вместе с тем, абсолютное преобладание формы распределения по числу работников говорит о том, что в подавляющем большинстве колхозов доходы распределялись по труду. Правда, о количестве и качестве труда еще речь не идет. Но уже тогда многие колхозы находились в поисках более совершенных методов организации, учета и оплаты труда.

Принцип распределения доходов по размерам внесенных средств производства отражал попытку более обеспеченных коллективизаторов приспособить старые отношения к новой форме организации производства и несомненно способствовал их обогащению. Однако он не получил в той социальной среде сколько-нибудь широкого развития и по существу выглядел анахронизмом, был вылазкой отмирающих отношений. Безусловно, господствующим принципом распределения доходов в колхозах уже тогда был принцип по труду. Речь шла лишь о совершенстве этого принципа.

---

⁴⁸ Колхозы в 1928 г., стр. 56—57.

Глава IV

НАЧАЛО МАССОВОГО КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Вторая половина 1929 года ознаменовалась тем, что колхозное движение в Дагестане вступило в новую, высшую фазу своего развития.

Особенно бурный рост колхозного строительства наблюдался в последние три месяца 1929 г. С 1 октября по 31 декабря 1929 г. число колхозов выросло с 363 до 425, а хозяйств в них — с 5606 до 16 224. Удельный вес коллективизированных дворов за это время с 3,3 проц. увеличился до 9,1 проц. Задание пятилетнего плана на конец 1930 года было превышено в 3 раза. Если к 1 октября на колхоз в среднем приходилось 15 хозяйств, то на 31 декабря 1929 г. это число достигло уже 39, т. е. увеличилось в 2,6 раза. Число колхозов за три месяца увеличилось на 18%, а число хозяйств в них почти утроилось. Следовательно, росли и укреплялись главным образом старые колхозы, которые стали центрами объединения широких беднячко-среднеяцких масс аула.

Причем надо отметить, что развертывание массового колхозного движения в этот период в основном происходило в зерновых земледельческих районах. Особенно успешно развивалось колхозное строительство в тех районах, где партийные организации сумели с самого начала возглавить и организовать движение широких народных масс.

Так, 14 октября 1929 года в «день урожая и коллективизации» в Буйнакском районе было организовано 13 колхозов. К 12 годовщине Великого Октября на путь сплошной коллективизации стали еще 9 аулов — Муслимаул, Халимбекаул, Кафыр-Кумух, Буглен, Верхнее

Казанище, Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай и Кумторкала¹.

В Махачкалинском районе колхозы были организованы в Альбурикенте, Чирюрте, Богатыревке и в ряде других аулов², а Карабудахкент и Кумторкала были объявлены аулами сплошной коллективизации³. Сплошной коллективизацией был охвачен также ряд станций Кизлярского округа⁴.

Коллективизация по всей стране к концу 1929 года развивалась невиданными доселе темпами. Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., который подвел итоги колхозного движения со времени XV съезда партии, подчеркнул, что «СССР вступил в полосу развернутого социалистического переустройства деревни и строительства крупного социалистического земледелия»⁵ и отметил, что это прямой результат правильной политики рабочего класса и партии в деревне.

К концу 1929 года колхозы и совхозы страны производили уже около 400 млн. пудов хлеба, из них 130 млн. пудов товарного, т. е. больше, чем кулаки в 1927 году. Это свидетельствовало о наличии материальной базы, необходимой для замены кулацкого хлебного производства.

К тому же в районах сплошной коллективизации бедняцко-средняцкие массы по собственной инициативе приступили к ликвидации кулацких хозяйств: отнимали у них лучшие земли, конфисковывали сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот.

Опираясь на успехи социалистического сектора, партия взяла курс на коллективизацию сельского хозяйства страны. Переход на путь сплошной коллективизации был осуществлен постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

Учитывая степень готовности каждого района к сплошной коллективизации, постановление наметило

---

¹ «Красный Дагестан», 10 ноября 1929 г.

² «Красный Дагестан», 18 октября 1929 г.

³ «Красный Дагестан», 20 января 1930 г.

⁴ «Красный Дагестан», 29 декабря 1929 г.

⁵ КПСС в резолюциях, т. II, изд. 7, стр. 643.

для них и различные сроки завершения коллективизации⁶.

Первая группа, куда были отнесены важнейшие зерновые районы (Северный Кавказ, Нижняя Волга, Средняя Волга), должна была завершить коллективизацию весной 1931 года.

Вторая группа районов, в которую были включены остальные зерновые районы (Украина, Центрально-Черноземная область, Сибирь, Урал, Казахстан и др.), могла завершить коллективизацию весной 1932 года. Для остальных районов постановление не давало никаких конкретных рекомендаций. Однако это не значит, что они могли затянуть коллективизацию на неопределенный срок. Постановление отмечало: «... Можно с несомненностью установить, что в пределах пятилетия вместо коллективизации 20% посевной площади, намеченной пятилетним планом, мы сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств»⁷. Следовательно, третья группа районов должна была завершить коллективизацию в основном к концу пятилетки, т. е. в 1933 году.

При этом постановление серьезно предостерегало партийные организации «против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения, могущего создать опасность подмены действительно социалистического соревнования по организации колхозов игрою в коллективизацию»⁸.

Постановление от 5 января стало программой деятельности Коммунистической партии и Советского государства по социалистическому переустройству сельского хозяйства и сыграло исключительно большую роль в развертывании колхозного строительства и в утверждении новых общественных отношений в деревне.

Вскоре, 1 февраля 1930 г., ЦИК и СНК СССР утвердили постановление «О мероприятиях по укреплению со-

---

⁶ Подробно об этом см. статью М. Л. Богденко «К истории начального этапа сплошной коллективизации». «Вопросы истории», № 5, 1963 г., стр. 19—36.

⁷ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и советского правительства. М., 1957 г., стр. 258.

⁸ Там же, стр. 260.

циалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации».

В связи с началом массовой коллективизации и переходом к политике ликвидации кулачества как класса постановление прежде всего прекращало арендные отношения и налагало запрет на наем и продажу рабочей силы, т. е. ликвидировало источники развития кабальных отношений в деревне. Местные власти получали право принимать необходимые меры для борьбы с кулачеством вплоть до конфискации имущества и выселения их за пределы места жительства.

Исходя из постановления ЦК, 4 пленум Дагестанского областного комитета партии, состоявшийся в январе 1930 г., вынес решение «немедленно приступить к полной ликвидации кулацких, помещичьих и феодально-крепостнических хозяйств в районах сплошной коллективизации»⁹. Отмечая бурный рост коллективизации, пленум одновременно обратил внимание партийной организации на ряд трудностей, с которыми столкнулось колхозное строительство в республике: «низкий уровень технической базы колхозов, недостаточная организованность и низкая производительность труда в колхозах, острый недостаток колхозных кадров, отсутствие необходимых специалистов, неземлеустроенность колхозов и засоренность их кулацко-зажиточными элементами»¹⁰.

Без преодоления этих трудностей и недостатков невозможно было дальнейшее развертывание коллективизации сельского хозяйства республики. Поэтому с помощью партии и Советского государства партийная организация Дагестана повела борьбу за укрепление материально-технической базы и за организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

О том, каковы были реальные результаты этой борьбы, можно судить по следующим данным. В 1928/1929 г. на колхоз в среднем приходилось сельскохозяйственного инвентаря на сумму 1268 руб., а в 1929/30 г. она выросла до 9688 руб., или более чем в 7 раз. В результате на 1 га земли в 1928/29 г. приходилось сельхоз-

---

⁹ Резолюции 4 пленума ДК ВКП(б). Даггосиздат, 1931 г., стр. 14.

¹⁰ Там же, стр. 64.

инвентаря на 17,6 руб., а в 1929/30 г. эта цифра была доведена до 30,5 руб.¹¹.

Значительно было усилено и кредитование колхозного производства.

Январский пленум Дагестанского областного комитета партии поставил перед партийной организацией республики задачу в кратчайший срок добиться изменения направления кредитов в сторону наибольшего содействия коллективизации и кооперированию батрачества, бедноты и маломощного середнячества¹². Исходя из этого постановления, партийные и советские организации республики пересмотрели систему кредитования. В основном кредит стал направляться в колхозы. Если в 1928/29 г. колхозы получили 16 проц. всех кредитов, отпущенных на сельское хозяйство Дагестана, то в 1929/30 г. колхозы получили уже 65 проц. всех кредитов. Доля совхозов соответственно выросла с 3,5 проц. до 16 проц. всех кредитов, а доля единоличных хозяйств за этот период, наоборот, упала с 80,5 проц. до 19 проц.¹³.

Эти данные свидетельствуют о том, что в связи с началом массового колхозного движения партия и Советское государство пересмотрели вопрос о снабжении машинами и кредитовании сельского хозяйства и максимально усилили помощь социалистическим формам хозяйства.

Партийная организация республики уделяла также большое внимание делу воспитания кадров руководителей колхозного строительства. Острый недостаток в колхозных кадрах стал обнаруживаться со второй половины 1929 г., когда колхозное движение в республике развивалось особенно бурно. Партийные и советские организации испытывали много трудностей в деле обеспечения быстро растущей сети колхозов квалифицированными кадрами руководителей и специалистов. Это сильно тормозило организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Учитывая создавшееся положение, бюро Дагестанского областного комитета партии в декабре 1929 г. решило организовать центральные и районные курсы по подготовке кадров специалистов для колхозов. Цент-

---

¹¹ 10 лет соц. строительства в ДАССР, 1931 г., стр. 56.

¹² Резолюция 4 пленума ДК ВКП(б), стр. 18.

¹³ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 126.

ральные курсы были открыты в Махачкале, а районные — в Ачикулаке, Кизляре, Хасавюрте, Левашах, Хунзахе, Дербенте, Буйнакске, Кумухе и Касумкенте¹⁴. На эти курсы принимались представители бедноты и середнячества. Здесь они после двухмесячной учебы проходили производственную практику в лучших колхозах, совхозах и на полях опытных учреждений, приобретали навыки ведения крупного коллективного хозяйства. В течение 1930 г. на этих курсах было подготовлено 385 человек, из них 57 председателей колхозов, а остальные бригадиры. Основное ядро подготовленных через эти курсы руководителей колхозов составлял партийно-комсомольский актив. Число членов ВКП(б) и ВЛКСМ среди курсантов достигало 132 человек, или 34 проц. всех слушателей. Кроме того, были организованы различные курсы, через которые ускоренными темпами для колхозов готовились кадры специалистов и механизаторов. В январе—феврале 1930 г. на таких курсах в течение месяца прошло подготовку около 400 человек. На двухмесячных курсах трактористов прошли подготовку 185 колхозников.

В успешном развертывании коллективизации, в преодолении острой нужды в кадрах, а также в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в Дагестане, как и по всей стране, важнейшую роль сыграли рабочие-двадцатипятидесятники. Исходя из указаний ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., 4 пленум Дагестанского областного комитета, который состоялся в январе 1930 г., постановил: «Провести мобилизацию не менее 30 рабочих из местной промышленности на работу в колхозы»¹⁵.

Постановление пленума областного комитета партии было встречено рабочими республики с большим энтузиазмом. «Красный Дагестан» за январь 1930 г. опубликовал ряд корреспонденций, свидетельствующих о том, что желающих поехать на работу в аул гораздо больше, чем намечалось пленумом обкома. Только на одном химзаводе было 50 добровольцев¹⁶.

На помощь дагестанскому аулу пришли рабочие За-

---

¹⁴ «Красный Дагестан», 13 декабря 1929 г.

¹⁵ Резолюции 4 пленума ДК ВКП(б), стр. 75.

¹⁶ «Красный Дагестан», 27 января 1930 г.

кавказья. Они послали 40 своих лучших представителей на работу в колхозы Дагестана¹⁷.

Одновременно была проведена большая подготовительная работа с рабочими, которые направлялись в аул. Дагколхозсоюз организовал для посланцев рабочего класса краткосрочные курсы, на которых они изучали политику партии и основы ведения коллективного хозяйства. Такую же подготовку прошли представители Закавказья у себя до отправки в аулы. Эти курсы способствовали росту политических знаний и совершенствованию организационных навыков рабочих-двадцатипяти-тысячников.

Двадцатипяти-тысячники были наиболее сознательными и передовыми представителями рабочего класса. Многие из них остались на постоянной работе в сельском хозяйстве. В феврале 1931 г., т. е. через год, из двадцатипяти-тысячников 9 человек работало в колхозах непосредственно, один работал председателем райкоопсоюза, один председателем РКИ. Двадцатипяти-тысячники были директорами МТС, работниками райземотделов, конторы «Союзмясо» и т. д.¹⁸.

Посланцы рабочего класса сыграли огромную роль в социалистическом переустройстве сельского хозяйства Дагестана. Под их руководством в колхозах сплачивалось батрацко-бедняцкое ядро, опираясь на которое рабочие все шире и шире вовлекали в колхозное строительство середняцкие массы. Под их воздействием среди колхозников воспитывались кадры строителей социализма в сельском хозяйстве.

Не ограничиваясь отсылкой в аул своих представителей, рабочие Дагестана по призыву 4 пленума усилили производственную помощь аулу в связи с началом массового колхозного движения. Профсоюзы Дагестана для отправки в аулы организовали ударные рабочие бригады. Уже к концу января 1930 г. в аулах работало 16 таких бригад¹⁹. В состав каждой бригады входили кузнец, плотник, слесарь, счетовод, агроном, профсоюзный и партийный работники. Бригады безвозмездно ремонтировали

¹⁷ Там же.

¹⁸ А. И. Османов. Борьба Дагестанской партийной организации за ликвидацию кулачества как класса. 1969 г. (рукопись диссертации), стр. 111—112.

¹⁹ «Красный Дагестан». 27 января 1930 г.

инвентарь бедноты и середняков, проводили среди трудящихся крестьян агрикультурную пропаганду, помогали наладить учет и отчетность в колхозах. В период подготовки к весеннему севу в 1930 г. в аулах работало 766 человек. Только союз пищиков организовал три бригады, которые в течение целого месяца работали в Буйнакском районе²⁰.

Чтобы показать, в чем конкретно заключалась помощь этих бригад крестьянину-горцу, можно сослаться на пример сел. Аксай. Бригада за время пребывания в ауле отремонтировала 44 плуга, 4 сеялки, 3 дисковые бороны, 1 сенокосилку, построила в клубе сцену, поставила скамейки и столы, провела 4 собрания крестьян и подготовила 30 горянок для вступления в партию²¹.

Двадцатипятидесятники и посылка ударных бригад в аулы для оказания производственной помощи колхозам сыграли огромную положительную роль: еще больше окреп союз рабочего класса с трудовым крестьянством, возросла руководящая роль пролетариата по отношению к аулу.

Все это, взятое вместе, не могло не способствовать дальнейшему развертыванию коллективизации и укреплению колхозов в Дагестане.

В условиях массового колхозного движения и развернувшейся на его основе ликвидации кулачества как класса значительно возросла роль сельских Советов. После избирательной кампании 1929 г. деятельность Советов резко оживилась: в них значительно усилилось батрацко-бедняцкое ядро, повысилась активность середняков. Теперь, когда началась сплошная коллективизация, перед сельскими Советами встали новые задачи — под руководством партийных организаций мобилизовать батрацко-бедняцкие массы аула на социалистическое переустройство сельского хозяйства, на решительную борьбу против кулачества.

Между тем, в этот ответственный момент социалистического строительства в отдельных районах были попытки ликвидировать Советы. Сторонники «теории отмирания Советов» утверждали, что в районах сплошной коллективизации Советы не нужны, так как их функции

---

²⁰ А. И. Османов. Указ. соч., стр. 112.

²¹ «Красный Дагестан», 12 марта 1930 г.

будут выполнять правления колхозов. Нередко были случаи, когда под влиянием этих утверждений делались попытки ликвидировать сельсоветы в районах сплошной коллективизации.

Партия подвергла резкой критике такого рода «теоретиков». В январе 1930 г. при ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР состоялись совещания партийно-советского актива по вопросам советского строительства. На этих совещаниях «теория отмирания Советов» была разоблачена как враждебная диктатуре пролетариата теория, противопоставляющая Советы колхозам. В своем постановлении «О новых задачах Советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией деревни» от 25 января 1930 года Президиум ЦИК СССР указал, что в условиях сплошной коллективизации, когда в процессе ликвидации кулачества как класса классовая борьба в деревне принимает все более и более ожесточенный характер, органы диктатуры пролетариата — Советы должны быть особенно усилены и укреплены. Исходя из этого постановления, местные партийные организации провели большую работу по переустройству работы Советов под лозунгом «Советы лицом к колхозам».

Попытки ликвидировать Советы имели место и в Дагестане, особенно в аулах, которые переходили к сплошной коллективизации. В сел. В. Казанище сельсоветом было принято решение, которое гласило: «Ввиду перехода на сплошную коллективизацию считать себя подлежащим ликвидации»²². Такие же факты наблюдались в Хасавюртовском районе. В ряде мест сельские Советы сделались придатками колхозов.

Партийная организация республики решительно осудила эти ликвидаторские тенденции. Колхозы, которые являлись хозяйственными организациями, не могли заменить собой органы Советской власти, наоборот, они нуждались в руководстве с их стороны. Учитывая это, 4 пленум областного комитета партии осудил практику ликвидации сельсоветов в районах сплошной коллективизации и указал на необходимость «в период обострившейся классовой борьбы укреплять органы диктатуры пролетариата»²³. Пленум призвал партийную организа-

²² «Красный Дагестан», 6 января 1930 г.

²³ Резолюция 4 пленума ДК ВКП(б), стр. 73.

цию вести «самую решительную борьбу с тенденцией ликвидации сельсоветов и очистить состав последних от кулаков и чуждых элементов»²⁴.

Исходя из решений ЦК ВКП(б) и 4 пленума областного комитета партии, была проделана большая работа по укреплению Советов, по очищению их от чуждых элементов. С этой целью в феврале и в начале марта 1930 года были проведены отчетные доклады сельсоветов перед батрацко-бедняцким и середняцким активом. Отчетно-проверочная кампания способствовала повышению активности бедняцко-середняцких масс, вскрытию недостатков, имеющих в работе сельсоветов, и очищению их от враждебных лиц. Путем проведения отчетно-проверочной кампании партийная организация добилась значительных успехов в укреплении опорных пунктов диктатуры пролетариата в ауле, в сплочении крестьянства для борьбы против кулачества.

Переход к сплошной коллективизации происходил не в порядке мирного вступления в колхозы основных масс крестьянства, а в порядке массовой борьбы крестьян против кулачества. В районах сплошной коллективизации крестьяне отбирали у кулаков скот, машины, сгоняли их с земли, раскулачивали, требовали их ареста и выселения. Изъятое у кулачества имущество передавалось не индивидуальным крестьянам, а колхозам в качестве неделимых фондов.

Это имущество занимало значительное место в экономике колхозов. Так, в пяти аулах Буйнакского района, которые стали на путь сплошной коллективизации, свыше 40 процентов всех неделимых фондов составляло кулацкое имущество, переданное колхозам. В Гунибском районе в 1930 г. Чохский колхоз получил свыше 10 тыс. голов мелкого рогатого скота, изъятого у кулаков, Согратлинский колхоз — около 7 тыс. В тот период свыше трети всех колхозных неделимых фондов республики составляло конфискованное кулацкое имущество.

Таким образом, коллективизация сельского хозяйства лишала кулаков экономической базы, ликвидировала их как последний эксплуататорский класс деревенской буржуазии, способствовала значительному укреплению материальной базы колхозов.

²⁴ Там же.

Исключительно большой интерес представляет вопрос о путях ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Известно, что буржуазные идеологи на все лады твердят о физическом истреблении кулачества в СССР. Мы же до последнего времени ограничивались общими рассуждениями, не делая конкретно-исторического анализа этого вопроса. Лишь в последнее время он стал предметом более пристального внимания исследователей²⁵.

Как было отмечено на сессии истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, изучение «этого вопроса сводилось к общетеоретическим рассуждениям о необходимости ликвидации кулачества и указанию на то, что она была осуществлена на основе сплошной коллективизации»²⁶. Первая попытка по-новому осветить этот вопрос делается С. Трапезниковым²⁷ и П. В. Семернинным²⁸. С. Трапезников проводит мысль о том, что кулачество в своей основной массе подвергалось мерам трудового перевоспитания и партия осуществляла дифференцированный подход, разделив кулачество на три группы. О том же пишет и П. В. Семернин. При этом он ввел в научный оборот материалы комиссии Политбюро ЦК, которая работала в декабре 1929 года и приняла ряд важнейших решений о проведении коллективизации и отношении к кулачеству.

Однако они не раскрыли в полную меру поднятый вопрос. Этот пробел в освещении указанной темы восполняет М. Л. Богденко²⁹. Автор подробно останавливается на деятельности комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по коллективизации и анализирует ее рекомендации и реше-

---

²⁵ Подробно об этом см.: В. П. Данилов. Изучение истории советского крестьянства. Сборник статей «Светская наука от XX к XXI¹ съезду КПСС». «История СССР», М., 1962 г.; М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. История коллективизации сельского хозяйства в современной историко-экономической литературе. «История СССР», № 4, 1962.

²⁶ История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии. М., 1963 г., стр. 211.

²⁷ С. Трапезников. Исторический опыт колхозного строительства в СССР. «Коммунист», № 5, 1958 г., стр. 68.

²⁸ П. В. Семернин. О ликвидации кулачества как класса. «Вопросы истории КПСС», № 4, 1958 г.

²⁹ М. Л. Богденко. К истории начального этапа сплошной коллективизации в СССР. «Вопросы истории», № 5, 1963 г.

ния. В частности, уделяется достаточно много внимания предложению комиссии разделить кулаков на три категории и применить в отношении к каждой из них особые меры:

первую категорию — контрреволюционный кулацкий актив — комиссия предложила изолировать путем заключения в исправительно-трудовые лагеря, применяя все меры советского законодательства в отношении организаторов террористических актов;

вторую категорию — кулацкий актив, состоящий из наиболее богатой верхушки, — выселить в отдаленные местности СССР;

в отношении третьей группы — экспроприированных кулаков, готовых подчиниться советским порядкам и лояльно относившихся к Советской власти, — мнение комиссии претерпело изменения. Первоначально комиссия считала возможным на определенных правах принять их в колхозы, но затем в ходе обсуждения это предложение отпало, и комиссия пришла к выводу о необходимости расселить кулаков третьей группы в пределах района на новых, отведенных им за пределами коллективных хозяйств участках³⁰.

Все это лишний раз свидетельствует об абсурдности утверждений буржуазных историков о физическом истреблении кулачества. Об этом говорит также и дагестанский опыт. Сошлемся хотя бы на тот факт, что число кулаков в Дагестане по официальным данным доходило до 10 тыс. хозяйств, а высылке было подвергнуто лишь 1306 хозяйств. Даже если и предположить, что эти данные неполны, трудно усомниться в том, что высылке подверглось больше 1/5 части кулаков.

Выселение и этих хозяйств было осуществлено в 1930—1936 гг. по мере развертывания коллективизации, сперва на равнине, а затем в горах. Это соответствовало указанию ЦК партии о том, что ликвидацию кулачества нужно осуществлять лишь в районах сплошной коллективизации. В Дагестане в земледельческих равнинных районах ликвидация кулачества происходила в 1930—1932 гг. в ходе развертывания массового колхозного строительства; в горах — в 1935—1936 гг. в связи с массовым переходом на Устав сельскохозяйственной артели.

---

30 М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 30—32.

При этом надо отметить, что и к вопросу о высылке кулачества партийные и советские организации подходили с большой ответственностью, с большой осторожностью.

В Дагестане в 1935—1936 гг. районы наметили выселить 1066 кулацких дворов. После тщательной проверки и обсуждения это число было уменьшено до 890. Это были активные контрреволюционные элементы, участники мятежа Гочинского, саботировавшие мероприятия Советской власти и активно проводившие антисоветскую агитацию. Многие из них, вступив в колхозы, вели активную работу по подрыву общественного хозяйства, разбазаривали скот и т. д. и т. п. Тех, кто лояльно относился к рабоче-крестьянской власти и изъявлял искреннюю готовность активно сотрудничать с ней, оставили на месте и даже приняли в колхозы.

Метод трудового перевоспитания применялся даже в отношении явно антисоветских элементов, которые за террористические, антисоветские действия были выселены в районы Крайнего Севера или Казахстана. Мы располагаем множеством документов и сведений о том, как тех кулаков, которые признали свою вину и добросовестным трудом доказали лояльность к Советской власти, возвращали на старое место жительства, восстановив во всех гражданских правах. Есть даже факты присвоения им высокого звания Героя Социалистического Труда за самоотверженную работу.

Все это лишний раз доказывает, что ликвидация кулачества как класса была мерой вынужденной и в тех конкретных исторических условиях совершенно необходимой. Конечно, при этом неизбежно допускались злоупотребления, но не они определяли основное направление курса. Ведь административные меры были приняты максимум к 1/5 всех кулаков. Все это еще раз свидетельствует о лживости и злопахотельском характере утверждений буржуазной пропаганды.

Кулачество видело, что сплошная коллективизация несет ему неминуемую гибель, и оказывало бешеное сопротивление колхозному строительству. Чувствуя свою обреченность, кулаки не останавливались ни перед чем, чтобы сохранить свои позиции: поджоги, убийства, порча сельскохозяйственного инвентаря и машин — все это использовалось, чтобы сорвать коллективизацию.

Для иллюстрации приведем несколько примеров. В апреле 1929 г. в сел. Горгач Касумкентского района был организован колхоз «Коммуна». Земля колхоза состояла из выделенных из госфонда участков и отобранных у кулачества излишков. Кулаки во главе с муллою решили расправиться с колхозом и стали распускать слухи о скором падении Советской власти. Но слухи не помогли. Тогда они устроили нападение на руководителей колхоза и колхозников, работающих в поле. С помощью партийной организации колхозники дали решительный отпор вылазкам кулачества³¹.

В сел. Дуранги Буйнакского района кулаки разорили колхозный омшаник, испортили молотилку, убили организатора колхоза и грозили колхозникам убийством в случае, если они не выйдут из колхоза. В Какашуре кулаки напали на агитатора — члена партии и двух комсомольцев. Только подроспевшие колхозники помогли им избежать расправы.

Не только методы террора использовались кулаками в борьбе против колхозов. Они обманным путем проникли в колхозы, чтобы изнутри нанести им вред, дискредитировать идею коллективизации. Пролезший в колхоз классовый враг пытался нанести удар по наиболее важному участку коллективного хозяйства — по его материальной базе.

В сел. Верхнее Казанище, используя родовые связи и правооппортунистическое руководство, в колхоз проникли 30 хозяйств кулаков. Им удалось протащить своих агентов и в правление колхоза. Кулачье и их агенты приложили немало усилий, чтобы развалить колхоз: перебили 2500 голов овец, погубили 100 га обобщественных посевов и сгноили свыше 1600 тонн соломы³².

С целью озорочить идею коллективизации, вызвать недовольство крестьян и не допустить социалистического переустройства сельского хозяйства кулаки распускали слухи, будто всех заставят вступить в колхозы, а скот отберет государство. Кулаки уничтожали сады, резали скот и с провокационной целью призывали: «Чем чужие съедят твой скот, лучше съешь его сам».

---

³¹ «Красный Дагестан», 25 декабря 1930 г.

³² «Красный Дагестан», 6 января 1930 г.

Особенно ожесточенная классовая борьба разгорелась в период подготовки к весенней посевной кампании 1930 г.

Весенняя посевная кампания 1930 г. имела исключительное значение, которое было обусловлено начавшимся со второй половины 1929 г. массовым колхозным движением. От успешного проведения весенней посевной кампании зависело дальнейшее развертывание колхозного строительства. Своевременная подготовка и проведение сева укрепило бы существующие колхозы, подняло бы их авторитет в глазах крестьянства. Учитывая это, партийная организация республики повела борьбу за достойную встречу весны 1930 г. 4-й пленум Дагестанского областного комитета ВКП(б) особо подчеркнул, что «в целях закрепления достижений и дальнейшего расширения всех показателей социалистического сектора необходимо всю работу партийных, советских профессиональных и всех общественных организаций перестроить в направлении своевременного обсуждения всех мероприятий по проведению предстоящей сельхозкампании»³³. Весенняя посевная кампания была объявлена первой большевистской кампанией. Партийная организация республики поставила перед колхозниками и крестьянством Дагестана задачу расширить площадь ярового клина против 1929 г. на 27 проц., или на 32 000 га, добиться дальнейшего развертывания коллективизации. Для выполнения этой задачи партийная организация указала на необходимость мобилизации всех внутренних ресурсов, особенно семенных фондов. Это было связано с тем, что от обеспеченности колхозов семенами зависело прежде всего успешное проведение весенних полевых работ.

Прекрасно понимало это и кулачество. Кулаки знали, что успешное завершение весеннего сева является главным условием укрепления молодых колхозов, возникших осенью и зимой 1929—1930 гг. Поэтому они повели отчаянную борьбу против создания обобществленных фондов семян в колхозах. Кулачество пускалось на различные провокации. Оно рассылало в села агентов для распространения слухов, будто идут турки и Советская власть в Грузии уже свергнута, будто советские деньги не будут в обороте. Кулаки в провокационных целях ут-

³³ Резолюции 4 пленума ДК ВКП(б), стр. 47—48.

верждали, что скоро закроют мечети, что в колхозах жизнь будет хуже, чем в тюрьме, и призывали крестьян жечь семенное зерно, ломать инвентарь, громить колхозы, ничего не продавать на базаре, убивать представителей Советской власти и руководителей колхозов. Немало было случаев, когда комиссии по сбору семенных фондов кулаки заявляли: «У нас нет семян», тем самым саботируя создание семенных фондов. Подрывая деятельность колхозов, кулачество наносило огромный ущерб сельскому хозяйству и делу колхозного строительства в республике.

В результате кулацкой агитации план засыпки семян был поставлен под угрозу срыва, а убой скота принял угрожающие размеры. Только овец и коз в конце 1929 г. и в начале 1930 г. было вырезано более 10 проц. к общему поголовью. За это же время поголовье крупного рогатого скота сократилось на 12,5 проц.³⁴. Причем, особенно большой урон был нанесен поголовью рабочего скота, которое сократилось на 15,3 проц. Такое положение было характерно для всей страны. Необходимы были решительные меры, которые положили бы конец кулацкому саботажу при засыпке семян и хищническому истреблению скота.

16 января 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», а 5 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) вынес постановление «О ходе подготовки к посевной кампании». Эти решения партии и советского правительства были направлены на ликвидацию кулацкого вредительства. Они способствовали ускорению процесса обобществления скота и обратили внимание партийных организаций на местах на создание семенных фондов.

Исходя из этого постановления, Дагестанская партийная организация мобилизовала весь партийный и советский актив на борьбу против кулачества за укрепление колхозов. В начале января 1930 г. были организованы 19 бригад для отправки в районы. Бригады комплектовались из работников центральных учреждений и организаций, специалистов сельского хозяйства и комсомольцев.

Большую помощь в этом оказали также ЦК партии

---

³⁴ 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 56.

и ЦК ВЛКСМ. По их указанию из Москвы и Ленинграда в Дагестан были посланы представители русского рабочего класса и бригады ЦК комсомола. Перед бригадами была поставлена задача помочь местным органам в проведении отчетно-выборной кампании в колхозах, в составлении для каждого колхоза производственного плана, принятии решительных мер против хищнического убоя скота и организации семенных фондов. Они должны были работать на местах до марта 1930 г. и принять все необходимые меры по укреплению колхозов и очистке их от чуждых элементов. Под руководством этих бригад в аулах проводились собрания бедноты, на которых крестьяне выступали с требованиями запретить распродажу и уничтожение семян, намечали мероприятия по засыпке семян. Для проведения этой работы крестьяне избирали комиссии содействия.

5 февраля 1930 года было опубликовано постановление СНК ДАССР о мерах борьбы по прекращению убоя скота. В целях сохранения от убоя овец, рабочего скота и молочных коров, а также с целью сохранения инвентаря постановление предписало не принимать в колхозы и исключать из колхозов хозяйства, допустившие убой скота, порчу и распродажу инвентаря до восстановления первоначального уровня хозяйства.

В отношении кулаков постановление указывало «применять строжайшие меры, привлекая их к уголовной ответственности»³⁵. Кулаки, истребляющие скот или подбивающие к этому других, лишались права пользования землей, их имущество конфисковывалось, а судебные органы имели право карать их тюремным заключением до двух лет.

Одновременно партийная организация республики приняла меры для организации бедноты и середняков на борьбу против кулачества. В январе 1930 г. по всем районам были проведены батрацко-бедняцкие конференции. Эти конференции продемонстрировали возросшую классовую сознательность бедняцко-середняцких масс. Если в июне 1929 г. в работе таких же конференций приняло участие 854 делегата, то в январе 1930 г. — 1051 чел. В прениях выступило 314 чел., или 30% всех делегатов³⁶.

³⁵ «Красный Дагестан», 5 февраля 1930 г.

³⁶ «Красный Дагестан», 21 марта 1930 г.

Выступившие говорили о самых насущных нуждах дагестанской бедноты. Особенно активно обсуждался вопрос о коллективизации. Выступления свидетельствовали, что основная масса крестьян тяготеет к ведению коллективного хозяйства. Вместе с тем делегаты бедноты указывали, что в колхозах много чуждых элементов, которые ведут подрывную работу. Представитель бедноты Коркмаскалинского района (ныне Сергокалинского) говорил, что кулаки идут в колхозы, чтобы сохранить свое экономическое влияние на бедноту³⁷.

Принятые меры значительно подняли активность бедняцко-средняцких масс в борьбе против кулачества за укрепление колхозного строительства. В результате кулаки и их агентура потерпели поражение. Крестьянство Дагестана успешно справилось с поставленными перед ним задачами. Вместо 20 тыс. центнеров семенных фондов, намеченных 4 пленумом обкома партии, на проведение весенней посевной кампании внутри республики было заготовлено более 30 тыс. центнеров семфондов. Значительно увеличилось поголовье обобществленного скота в колхозах. По отношению к 1929 г. количество скота в колхозах возросло почти в 20 раз.

Таким образом, своевременные меры, принятые Дагестанской партийной организацией, исходя из решения Центрального Комитета партии и советского правительства, позволили нанести удар по попыткам кулачества сорвать засыпку семян и подорвать материальную базу колхозов. Крестьянство республики все шире и шире стало втягиваться в колхозное строительство.

В начале марта 1930 г. 503 колхоза объединяли 31 тыс. хозяйств, или почти в четыре раза больше, чем было намечено пятилетним планом на конец 1930 года.

---

³⁷ Там же.

Глава V

ТРУДНОСТИ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Говоря о разворачивании коллективизации осенью 1929 г. и весной 1930 г., надо отметить, что колхозное движение в этот период пережило серьезные трудности.

Многие партийные организации допустили грубейшие ошибки, которые привели к искривлению генеральной линии партии в колхозном строительстве.

Пленум Дагестанского обкома партии, состоявшийся в январе 1930 г., потребовал от местных партийных организаций проводить всю работу по коллективизации под лозунгом «Равнение на сплошняка»¹.

Несмотря на то, что Дагестан был включен в третью группу районов, 4 пленум обкома партии дал указание уже в 1930 году объединить в колхозах до 50 тысяч крестьянских хозяйств, т. е. до 30 проц. всех дворов. Не было дифференцированного подхода в колхозном строительстве. И зерновым, и животноводческим районам были даны одинаковые директивы.

Резолюция пленума, принятая по докладу о колхозном строительстве, совсем не учитывала особенности дагестанского аула, на которые неоднократно указывал Центральный Комитет партии. Пленум дал указание местным организациям осуществлять переход на сплошную коллективизацию, «ни в коем случае не исключая горную часть ДАССР»², которая, как известно, в силу исторических и географических условий еще не была готова к этому. В результате такого формально-механического подхода к колхозному строительству без учета степени готовности каждого района в отдельности к переходу на

¹ Резолюция 4 пленума ДК ВКП(б), стр. 49.

² Там же.

путь сплошной коллективизации и погони за дутыми цифрами в деле коллективизации на местах были допущены серьезные ошибки и извращения. Во многих районах ленинский принцип добровольности в выборе форм хозяйства был подменен принципом принуждения.

Наиболее уродливые формы приняли эти левацкие извращения в горных районах, где еще не были созданы условия для коллективизации сельского хозяйства. Некоторые руководители партийных и советских организаций действительную борьбу за организацию колхозов пытались подменить «бумажными колхозами». Руководители этих районов, стремясь искусственно поднять процент коллективизации, перешли к методу принуждения по отношению к середняку.

Серьезные извращения были допущены в вопросе раскулачивания. В отдельных районах наблюдались случаи, когда тот или иной аул формально объявлялся аулом сплошной коллективизации и тут же проводилось фактическое раскулачивание.

Нередко партийные и советские работники грубо извращали политику партии в отношении выбора крестьянством форм колхозного строительства. Несмотря на то, что Центральный Комитет партии неоднократно указывал, что на данном этапе коллективизации основной формой колхозного строительства является сельскохозяйственная артель, в некоторых районах были попытки насильственного насаждения коммун.

Несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б) о том, что при коллективизации нужно обобществлять только основные средства производства, в ряде районов при организации колхозов конфисковалось все имущество крестьянина. Многие работники на местах не считались с религиозными чувствами населения, игнорировали специфические условия республики и административным путем закрывали мечети и отбирали их имущество.

Говоря об ошибках местных партийных организаций в колхозном строительстве и в осуществлении политики ликвидации кулачества как класса, следует отметить, что все эти перегибы и извращения в значительной степени объясняются отсутствием у местных работников достаточно глубокого понимания курса партии на коллективизацию сельского хозяйства и реального подхода к происходящим событиям. Немало путаницы внесло также и то

обстоятельство, что местные организации не имели конкретных практических рекомендаций о порядке проведения раскулачивания.

Нередко вслед за решением областного комитета партии местные партийные организации выносили решение об организации колхоза и ликвидации кулачества как класса и тут же командировали одного-двух членов бюро райкома в обком за необходимыми инструкциями. В архиве обкома партии немало телеграмм и писем с просьбами дать соответствующие разъяснения по этим вопросам.

Нарушение принципа добровольности, попытки насадить колхозы путем голого администрирования поставили под угрозу срыва союз с середняком, вызвали колебания даже среди бедноты дагестанского аула. Созданной обстановкой воспользовалось кулачество. Стремясь вернуть былые позиции, кулаки открыто выступали с призывами, направленными против Советской власти. Они пускались на различные ухищрения, чтобы подбить крестьян на антиколхозные выступления, для достижения своей цели использовали наиболее отсталые слои населения.

Кулачество не ограничивалось одной антиколхозной пропагандой и всеми силами пыталось спровоцировать антисоветские мятежи. Используя обстановку, сложившуюся вследствие извращения генеральной линии партии в колхозном строительстве, кулачество в отдельных районах Дагестана пошло на прямое вооруженное выступление против Советской власти. Кулаки распускали провокационные слухи о близкой войне и крахе Советского государства, применяли террористические акты против активных партийных и советских работников. В Касумкентском районе, где были допущены серьезные перегибы при проведении коллективизации, кулаки организовали антисоветский мятеж и убили секретаря районного комитета партии Герейханова.

В результате всего этого во многих районах Дагестана появились признаки недовольства крестьян. Прежде всего оно выразилось в том, что многие крестьянские хозяйства, объединившиеся в колхозы осенью 1929 г. и зимой 1930 г., в марте стали выходить из колхозов. Если на 10 марта 1930 г. колхозы объединили более 31 тыс. хозяйств, то на 1 апреля 1930 г. в колхозах числилось лишь 13 267 хозяйств.

Эти и подобные им тревожные факты стали известны ЦК КПСС. Центральный Комитет по получении первых сигналов о перегибах в колхозном строительстве сразу же 11—16 февраля 1930 г. созвал совещание, посвященное коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса в национальных республиках. В работе совещания приняли участие представители партийных организаций Азербайджана, Грузии, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Дагестана, Бурят-Монголии, Заккрайкома, Средазбюро ЦК, Киробкома и др. 20 февраля 1930 г. ЦК партии принял специальное решение «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». В этом постановлении ЦК предостерегал местные партийные организации «от перенесения в национальные районы форм и методов работы по коллективизации, применяемых в передовых, более подготовленных к коллективизации районах»³.

Через неделю в «Правде» — центральном органе партии — появилась передовая статья «Выравнять фронт социалистического строительства». Постановление ЦК КПСС и передовица «Правды» подвергли резкой критике «левацкие перегибы» и отметили, что в целом ряде национальных республик и областей, в том числе и в Дагестане, «еще не созрели необходимые условия для проведения сплошной коллективизации»⁴. ЦК КПСС указал, что в этих республиках «на очереди стоят простейшие формы кооперирования масс»⁵.

Вместе с тем передовица «Правды» указала и на различия, существовавшие в уровне экономического развития национальных республик и областей. «Само собой разумеется, не везде в отсталых и приграничных национальных республиках и областях мы имеем совершенно одинаковое положение, — отмечала «Правда». — В некоторых из них уже теперь возможно образование **районов сплошной коллективизации**: в Грузии, Армении, среди более культурного, по сравнению с местным, русского населения Казахстана, Киргизии, Узбекистана, кое-где среди туземного населения Средней Азии, в осо-

³ История КПСС, стр. 405.

⁴ «Правда», 27 февраля 1930 г.

⁵ Там же.

бенности в хлопководческих районах Узбекистана, в передовых аулах Дагестана.

С другой стороны, нужно иметь в виду, что и в областях и краях сплошной коллективизации вкраплены отсталые национальные районы: Чечня, Ингушетия, Балкария, Карачай на Северном Кавказе, Калмыцкая область в Нижне-Волжском крае и т. п. В смысле экономического и культурного развития эти области стоят позади не только тех краевых объединений, в состав которых входят, но и таких республик, как Узбекистан и Дагестан, не говоря уже о Грузии и Армении»⁶.

Передовица указывала, что все это требует более осторожного подхода к коллективизации этих районов. что создание общественного хозяйства в этих районах связано с ликвидацией их отсталости, с выравниванием фронта социалистического строительства. ЦК ВКП(б) принял ряд мер, направленных на ликвидацию допущенных ошибок. 2 марта была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». 15 марта вышло постановление ЦК «О борьбе с искривлением партлинии в колхозном движении», где были подробно проанализированы корни допущенных ошибок и указано, «что все эти искривления являются теперь *основным тормозом* дальнейшего роста колхозного движения и *прямой помощью* нашим классовым врагам»⁷. Постановление ставило задачу вести решительную борьбу против искривлений партийной линии вплоть до смещения с постов работников, не желающих бороться с этими извращениями.

Исходя из этих решений, партийные организации на местах повели упорную борьбу за ликвидацию допущенных ошибок в колхозном строительстве. Уже 19 февраля Дагестанский обком обсудил итоги совещания в ЦК представителей национальных и экономически отсталых районов. Бюро разработало целый ряд мер по ликвидации допущенных перегибов и извращений. Были рассмотрены районы сплошной коллективизации, даны строгие указания прекратить административное насаждение колхозов, не допускать искривления классовой линии при сборе семфондов, налогов и заготовок. Было также

---

⁶ Там же.

⁷ КПСС в резолюциях., ч. II, изд. 7. стр. 670.

указано прекратить незаконное закрытие мечетей. 1 и 9 марта местным органам были посланы по этому поводу директивные письма.

27 марта 1930 года Дагестанский областной комитет партии обратился ко всем райкомам и ячейкам Дагестанской парторганизации с открытым письмом «О борьбе против перегибов в области коллективизации сельского хозяйства». В письме отмечалось, что «коллективизация сельского хозяйства нашей республики за последние месяцы широко развернулась как огромное массовое движение широких бедняцко-средняцких масс... Однако, наряду с этими достижениями, в ряде районов в практике колхозного строительства допущены значительные недочеты и прямые извращения политики партии в деревне»⁸. Далее в письме отмечалось, что в ряде мест массовая работа среди крестьянства подменялась администрированием, угрозами раскулачивания и лишения избирательных прав. Письмо призывало партийные организации вести на местах решительную борьбу против конкретных носителей зла и строго наказывать их, добиваясь быстрого, четкого и гибкого проведения в жизнь директив партии.

28 марта 1930 г. бюро Дагестанского областного комитета партии вынесло постановление «Об очередных задачах Дагестанской партийной организации в ауле». Постановление главным образом было направлено на выправление перегибов, заключавшихся в нарушении принципа учета разнообразия условий в различных районах Дагестана. Постановление отметило наличие на плоскости всех условий, необходимых для развертывания массовой коллективизации. Одновременно указало, что в горных и в части предгорных районов эти условия отсутствуют. В связи с этим бюро обкома ВКП(б) поставило перед партийной организацией республики задачу укрепления и развития колхозов на плоскости и организации крестьян в простейших видах сельскохозяйственной кооперации, в первую очередь, вокруг переработки и сбыта продукции животноводства и садоводства в горах.

В конце марта 1930 г. был проведен пленум Дагестанского областного комитета партии. Пленум целиком под-

---

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 478, оп. 3, д. 8, л. 1.

держал решения ЦК ВКП(б) и бюро обкома, направленные на ликвидацию перегибов и ошибок, допущенных в коллективизации.

Мартовский пленум осудил также установки 4 пленума ДК ВКП(б) по коллективизации, «которые содействовали лишь грубому нарушению совершенно правильной политики партии в колхозном строительстве, привели к частичной дискредитации идеи коллективизации, к значительному отливу из колхозов и к усилению влияния кулачества на середняцкие и отчасти на бедняцкие слои аула-станции»⁹.

Эти меры внесли успокоение в крестьянские массы. Широкие слои крестьянства убедились, что допущенные в некоторых районах «левацкие» извращения и перегибы не имеют ничего общего с политикой Коммунистической партии в колхозном строительстве.

Большую роль в деле ликвидации последствий «левацких» извращений сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О льготах для колхозов». По этому постановлению в течение двух лет от налогового обложения освобождался весь обобществленный скот колхозов, а также скот, находящийся в индивидуальном владении колхозников. С них была снята задолженность за имущество, конфискованное у кулаков и переданное им. В целях стимулирования развития посевных площадей коллективных хозяйств прирост посевов сверх обложенных в 1928—1929 гг. также освобождался от налогов, за применение агромероприятий налог понижался на 10 процентов.

Эти льготы создали колхозам огромные преимущества, обеспечили условия для их дальнейшего хозяйственного роста и для подъема материального благосостояния колхозников. Тем самым партия добилась укрепления колхозов и дальнейшего развития коллективизации. Прекратился выход из колхозов. Средняки вновь потянулись в колхоз.

Важнейшую роль в прекращении выхода крестьян и в укреплении колхозов сыграл весенний сев 1930 г. Весенняя посевная кампания 1930 г., получившая название «большевистского сева», имела огромное значение для ликвидации перегибов, допущенных в колхозном строи-

⁹ «Красный Дагестан», 6 мая 1930 г.

тельстве. Она была проверкой на практике возможностей и преимуществ коллективного хозяйства по сравнению с единоличным. Ее успех значительно укрепил бы идеи коллективизации в широких массах крестьянства. Исходя из этого, все внимание местных партийных и советских работников было сосредоточено на образцовой подготовке и проведении весеннего сева. Апрельский пленум областного комитета партии отметил, что «действительной проверкой выполнения вынесенных решений и способности парторганизации выпрямить допущенные ошибки будет являться проведение подлинно большевистского сева»¹⁰.

Партийная организация республики поставила задачу увеличить яровой клин в весеннюю посевную кампанию 1930 г. по сравнению с 1929 г. на 27 проц., или на 31 тыс. га. На выполнение этой задачи были мобилизованы все материальные ресурсы Дагестана.

Как указывалось выше, задача обеспечения колхозов семенами была разрешена. Теперь перед партийными и советскими организациями республики стояла задача подготовки тягловой силы.

В целях более рационального использования машинно-тракторного парка все тракторы, имеющиеся в колхозах Дагестана к началу 1930 г., были сведены в 22 колонны. Кроме того, к началу весенне-полевых работ в колхозах республики имелось 16 тыс. лошадей.

В основном весь этот машинно-тракторный парк и рабочий скот были сосредоточены в плоскостных зерновых районах, где задача сплошной коллективизации была поставлена в порядок дня.

Большую помощь в деле успешного проведения весеннего сева трудящимся Дагестана оказало Советское государство. В начале 1930 г. в Дагестан было завезено 33 тыс. тонн семенного зерна, рабочий класс страны дал социалистическому сектору республики к началу весенних полевых работ 35 тракторов.

Разрешение таких важнейших задач, как завоз сельскохозяйственного инвентаря, тракторов, организация семенных фондов, мобилизация партийно-советского актива, позволили успешно завершить задачу, поставленную партийной организацией перед сельским хозяйством рес-

---

¹⁰ «Красный Дагестан», 6 мая 1930 г.

публики. План весенних полевых работ был выполнен на 100,4 проц.¹¹. Задача расширения ярового клина на 27 проц. была перевыполнена на 2 проц.

Успешное проведение весеннего сева значительно укрепило социалистический сектор в сельском хозяйстве. Посевные площади колхозов за весну 1930 г. по сравнению с 1929 г. выросли почти в три раза, а совхозов — более чем в 6 раз. В общей посевной площади ярового клина удельный вес социалистического сектора возрос до 23,6 процента.

Особенно больших успехов добились колхозы республики. Весенняя посевная кампания явилась демонстрацией преимуществ коллективного производства перед мелким индивидуальным. Колхозы, которые объединяли немногим более 7 проц. всех крестьянских хозяйств, засеяли 19 проц. всех посевов республики.

Если на одно индивидуальное крестьянское хозяйство в среднем было засеяно 1,3 га, то на одно коллективное хозяйство приходилось 2,4 га посевов, т. е. почти вдвое больше.

Успешное проведение весеннего сева способствовало ликвидации «левацких» перегибов и укреплению колхозов, прекращению выхода крестьян из колхозов. Бедняцко-средняцкие слои крестьянства понимали, что вне коллективного хозяйства им невозможно окончательно выйти из состояния нищеты, освободиться от превратностей стихии мелкого производства. Интересны в этом отношении материалы батрацко-бедняцкой конференции Буйнакского района, которая состоялась в конце мая 1930 г.

Выступления представителей бедноты свидетельствовали о том, что именно объединение в колхозы помогло им освободиться от нищеты и улучшить материальное благосостояние.

Представитель бедноты сел. Буглен отмечал «... Без колхоза мы не можем существовать потому, что знаем его полезность. Раньше мы сеяли и питались только кукурузой, а теперь мы сеем пшеницу и технические культуры, кушаем пшеничный хлеб»¹².

Другой представитель бедноты сел. Халимбекаул говорил: «Я сам батрак и никогда не видел пшеничной му-

¹¹ «Плановое хозяйство Дагестана», 1930 г., стр. 36—37.

¹² «Красный Дагестан», 3 июня 1930 г.

ки, теперь же состою в колхозе и получаю ее. В первые месяцы после организации колхоза было много ушедших из колхоза, но увидев, что в колхозе живет лучше, они постепенно идут обратно»¹³.

Конференция отметила, что колхозы крепнут, несмотря на кулацкую агитацию, что ранее вышедшие из колхозов крестьяне возвращаются обратно¹⁴.

Большую роль в борьбе против «левацких» извращений генеральной линии партии и в закреплении первых успехов колхозного строительства в Дагестане сыграла II конференция партийной организации республики, которая состоялась в начале июня 1930 г. В центре внимания конференции стояли вопросы, неразрывно связанные с дальнейшим развитием социалистического строительства и, прежде всего, коллективизацией сельского хозяйства.

Конференция подвела итоги деятельности партийной организации за социалистическое переустройство народного хозяйства Дагестана, отметила успехи, достигнутые трудящимися республики в развитии промышленности и в реконструкции сельского хозяйства на социалистический лад, в работе среди бедняцко-средняцких масс крестьянства.

Вместе с тем, конференция указала, что Дагестанским областным комитетом партии были допущены крупные политические ошибки. В решениях 4 пленума обкома по вопросу о коллективизации, «вразрез решениям ЦК, были даны установки, неправильно ориентировавшие районных работников и парторганизацию по основным вопросам колхозного строительства... Не было дифференцированного подхода к горам и плоскости... Недостаточна была борьба с «левыми» загибщиками в руководстве, тянувшими организацию на путь административного насаждения колхозов, на путь разрыва смычки с основной массой крестьянства — середняком»¹⁵.

Конференция наметила пути и методы дальнейшего развития колхозного движения. Требуя от местных партийных и советских организаций строго дифференцированного подхода к вопросам коллективизации, конфе-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Резолюция II Дагпартконференции по докладу Дагкома ВКП(б). Махачкала, Даггосиздат, 1930 г., стр. 6.

решения еще раз указала, что очередными задачами реконструкции сельского хозяйства Дагестана являются укрепление и расширение колхозного строительства на плоскости и развертывание производственного кооперирования в нагорной части Дагестана.

Новым этапом в борьбе за социалистическое строительство в СССР явился XVI съезд ВКП(б) — съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. Съезд отметил историческое значение успехов колхозного строительства со времени XV съезда партии и указал, что *«основной формой колхоза на данной стадии является сельскохозяйственная артель»*¹⁶.

Вместе с тем, в решениях XVI съезда ВКП(б) «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства» было записано:

*«Форма колхоза должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отрасли хозяйства. Наряду с артелью, в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока, может получить на первое время массовое распространение товарищество по общественной обработке земли как переходная форма к артели»*¹⁷.

Исходя из решений XVI съезда партии, Дагестанская партийная организация признала ТОЗ в качестве основной формы коллективного хозяйства в горах, а в зерновых районах плоскости — сельскохозяйственную артель.

Принятые меры по борьбе с «левацкими» извращениями генеральной линии партии и определение основных форм коллективного хозяйства в различных районах нанесли удар врагам Советской власти и внесли успокоение в крестьянские массы.

Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на это, и в течение лета 1930 г. выход из колхозов преобладал над притоком новых членов. Об этом свидетельствует тот факт, что самый низкий уровень коллективизации за 1930 г. мы имели на 1 сентября 1930 года. Если на первое апреля в колхозах было зарегистрировано 13 267 дворов, то на 1 сентября их было еще меньше — 12 459. Зато

---

¹⁶ КПСС в резолюциях, ч. III, изд. 7, стр. 52.

¹⁷ Там же, стр. 52—53.

в последующем ежемесячно отмечается новый приток крестьян в колхозы ¹⁸.

Месяц и год	Число колхозов	Число хозяйств в них	% % коллект.
1/IX-30	410	12459	7,2
1/X-30	—	13267	7,8
1/XI-30	—	14703	8,0
1/XII-30	485	15669	9,2

Надо отметить, что и в этот период в авангарде колхозного движения шли равнинные зерновые районы. Так, из 485 колхозов, имевшихся в республике на 1 декабря 1930 г., на горные районы приходилось лишь 83. Точно таким было и соотношение коллективизированных хозяйств. На равнине колхозы объединяли 16,6 проц. всех дворов, а в горах — всего 3%.

Наряду с количественными изменениями, за это время колхозы претерпели и большие качественные изменения. Если в 1929 году в среднем на колхоз приходилось 15 хозяйств, то на 1 октября 1930 года приходилось уже 29, а на 31 декабря — 33 хозяйства. Размеры посевов за этот период выросли на одно коллективное хозяйство — с 2,2 до 2,9 га, обеспеченность рабочим скотом — с 0,28 до 0,77 головы. Значительно вырос в колхозах удельный вес середняков. Если к концу 1929 года середняки составляли 16 проц. всех хозяйств, объединенных в колхозы, то к концу 1930 года их удельный вес в колхозах вырос до 22,7 проц.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в упорной борьбе против капиталистических элементов социалистический сектор в сельском хозяйстве республики, как и по всей стране, постепенно превращался в господствующий сектор. Быстро росла экономическая мощь колхозов. Они наглядно демонстрировали преимущества крупного коллективного хозяйства социалистического типа перед мелким индивидуальным. Вследствие этого основные массы крестьянства, несмотря на серьезные ошибки и извращения и ожесточенное сопротивление классовых врагов, бесповоротно стали на путь коллективизации.

¹⁸ Социалистическое строительство в Дагестане, № 1, 2, 1931 г., стр. 20.

ПОБЕДА КОЛХОЗНОГО СТРОЯ В ДАССР

1931 год явился годом дальнейшего бурного развития коллективизации сельского хозяйства страны. Уже весной этого года важнейшие зерновые районы были накануне завершения сплошной коллективизации.

Новый подъем колхозного движения в Дагестане, начавшийся осенью 1930 года, после исправления «левацких» ошибок и извращений генеральной линии партии получил еще больший размах в начале следующего года.

В обстановке дальнейшего развертывания коллективизации первостепенное значение приобретало организационно-хозяйственное укрепление колхозов: налаживание и развитие общественного производства колхозов, укрепление общественной собственности на средства производства, образцовая постановка организации и оплаты труда и на этой базе повышение производительности труда и материально-культурного уровня колхозников.

Выше уже отмечалось, что изыскание правильной формы общественного хозяйства и его внутреннее организационно-хозяйственное устройство были наиболее трудной задачей социалистического преобразования сельского хозяйства, и указывалось, что на начальном этапе своего развития колхозное движение в Дагестане, как и во всей стране, развертывалось в трех основных формах: простейшая форма — товарищество по совместной обработке земли в земледельческих районах и товарищество по совместному выпасу скота — в животноводческих, затем сельскохозяйственная артель и наиболее сложная форма — коммуна.

В связи со значительным усилением технической помощи и организацией МТС в плоскостных зерновых рай-

онах республики в течение 1931—1932 гг. ТОЗы постепенно перешли на Устав артели, и в сельскохозяйственных районах сельскохоззяйственная артель стала единственной формой крупного общественного хозяйства.

Несколько иначе сложилось дело в горных животноводческих районах. Массовая коллективизация здесь (осень 1929 г. и весна 1930 г.) проводилась без должного дифференцированного подхода к этим районам. При выборе формы коллективного хозяйства осуществлялся механический перевод на Устав сельхозартели с обобществлением земли, скота и т. д. Между тем, как уже отмечалось, горные районы не были готовы к этому. Поэтому в период борьбы против ошибок и извращений в колхозном строительстве было важно поддержать и всемерно укрепить приемлемую для горского крестьянства форму коллективного хозяйства, которая готовила бы их к более высоким, совершенным формам общественного хозяйства. Такой формой стали первичные производственные объединения животноводов по совместному выращиванию скота типа «кош» на товарищеских началах. Эта форма была закреплена постановлением Северо-Кавказского крайкома партии от 26 октября 1931 года «Об очередных задачах Дагестанской парторганизации». В постановлении указывалось:

«Считать совершенно неправильным практику организации в горных частях артелей — как основной формы колхозов, и обобществление второстепенных отраслей хозяйства...

Крайком подчеркивает, что основной формой объединения в горах должно быть т-во по совместному ведению скотоводства, поселковые животноводческие т-ва в сочетании с широкой работой по кооперированию вокруг маслосыроваренных заводов»¹.

Исходя из этого постановления, партийная организация республики развернула борьбу за перевод слабых артелей на Устав товарищества по совместному выращиванию скота и создание новых объединений. Уже в течение первых двух лет в этом отношении были достигнуты крупные успехи. В 1932 г. было организовано 106 производственных объединений, в которые вошли 3489 хозяйств. В следующем году число объединений выросло

¹ «Революция и горец», № 10—11, 1931, стр. 66.

до 403, а хозяйств в них — до 13 795. В 1934 году в горных районах производственным кооперированием было охвачено 26 500 хозяйств, объединенных в 545 товариществах. В 1935 году число товариществ достигло 580, а хозяйств в них — до 32 тыс. Такое сравнительно быстрое развитие простейших форм коллективного хозяйства в горном Дагестане объясняется тем, что эти формы были выработаны опытом самих масс и поддержаны партийной организацией. В условиях отгонного животноводства такая форма объединения была наиболее понятной и доступной. Через нее трудящиеся горцы готовились к более совершенным формам общественного хозяйства.

Таким образом, в реорганизационный период в Дагестане были проверены на практике и окончательно сложились две формы коллективного хозяйства — сельскохозяйственная артель в земледельческих равнинных районах и простейшее производственное объединение по совместному выращиванию скота — в горных животноводческих.

Наиболее сложным вопросом, с которым столкнулось колхозное движение в тот период, был вопрос об организации, оплате, учете труда колхозников. Во-первых, это объясняется тем, что крупное коллективное хозяйство было делом новым, беспрецедентным в истории, и поэтому необходимо было накопить определенный опыт, прежде чем перейти к новым, социалистическим формам организации и оплаты труда, и, во-вторых, в начальный период массового колхозного движения, увлекшись количественным ростом коллективных хозяйств, партийные и советские организации мало занимались их организационно-хозяйственным укреплением. Неполладки в этом деле стали серьезной помехой в дальнейшем развитии колхозного строя.

В связи с этим для выяснения организационно-хозяйственного положения колхозов в Дагестане областной комитет партии провел проверку состояния колхозного строительства в республике. При проверке обнаружилось серьезные неполадки в организации оплаты и учете труда, которые сильно сказались на состоянии колхозного производства, на трудовой дисциплине в колхозах. Оказалось, что почти во всех колхозах нет никакого учета труда. Доход распределялся главным образом по едокам и по паям. В первом случае исходным моментом оп-

латы труда были размеры семьи, во втором — размеры имущества, вложенного каждым крестьянским хозяйством в неделимый фонд колхоза. Не менее распространенной формой оплаты была также поденщина. В этом случае оплата труда колхозников и членов их семей проводилась сообразно с рыночными ценами на труд. Вся продукция труда оценивалась по рыночным ценам и распределялась между членами артели. Очень широко было также распространено уравнильное ежемесячное распределение продуктов труда. При такой системе оплаты в первую очередь погашались все долги товарищества, а оставшиеся продукты поровну распределялись между всеми членами. Во многих коллективных хозяйствах каждый член артели получал по 30 руб. ежемесячно, независимо от его участия в общественном производстве.

В учете и оплате труда были обнаружены и другие серьезные неполадки. Например, во многих колхозах за равный труд женщина получала значительно меньше мужчины и т. д.

Неполадки с организацией, учетом и оплатой труда пытались использовать враждебные кулацкие элементы. В период подготовки и развертывания массового колхозного движения кулаки убедились, что террористические акты обычно раскрываются и Советская власть наказывает виновных по всей строгости закона. Поэтому в дальнейшем они стали, используя малейшую возможность, проникать в колхозы или проталкивать туда своих людей и вредить колхозу изнутри. С этой целью они демагогически утверждали, что «в колхозах все равны и поэтому должны получать поровну», распускали провокационные слухи, систематически не выходили на работу. Тем самым кулаки и подкулачники пытались вызвать у колхозников равнодушное отношение к коллективному производству и дискредитировать колхозы. Сложившаяся до того система учета и оплаты труда в колхозах способствовала усилению вредительской деятельности кулаков.

Передовики колхозного производства сами видели недостатки сложившейся системы учета и оплаты труда. По их инициативе многие колхозы стали распределять доходы по количеству затраченного труда и с этой целью стали вести учет труда каждого члена артели или товарищества и переходить на сдельщину. Партия решительно поддержала инициативу передовиков колхозного про-

изводства. Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) (1929 г.) отметил, что прежде всего необходимо «добиться решительного перелома в поднятии трудовой дисциплины в колхозах на основе действительно сознательного отношения членов колхоза к своим обязанностям, проведя при этом принцип ответственности за исполнение порученной работы и создавая личную материальную заинтересованность каждого колхозника в поднятии производительности труда (сдельная оплата труда, нормировка выработок, система премирования и т. п.)»². О необходимости установления норм выработки и оценки работ по количеству затраченного труда говорилось и в примерном Уставе сельскохозяйственной артели, разработанном в 1930 году. Однако Устав не указывал, какая должна быть мера оценки труда. Опираясь на опыт передовых колхозов, VI съезд Советов СССР в марте 1931 года отметил, что такой мерой оценки труда колхозников должен быть трудодень.

Исходя из опыта передовых колхозов и выполняя директивы VI съезда Советов, в Дагестане коллективные хозяйства также стали переходить к сдельной оплате труда. Однако переход на сдельную оплату не решал вопроса. Без правильной организации труда трудно было внедрить принципы сдельной оплаты в колхозное производство. Между тем, организация труда в колхозах оставляла желать много лучшего. Во многих колхозах на работу выходили скопом, не было четкого распределения людей по отраслям производства. Это сильно затрудняло учет и оплату труда, порождало обезличку и безответственное отношение к работе.

С целью улучшения организации труда во многих колхозах стали практиковать прикрепление определенной группы людей к каждому виду работы. Создавались бригады пахарей, косарей, сеяльщиков, бригады, которым поручался весь цикл сельскохозяйственных работ в течение определенного срока — на время весенне-полевых или уборочных работ и т. д. Например, в 1930 г. в 32 колхозах Буйнакского района было 200 таких бригад. В следующем году число колхозов в районе выросло до 76, а бригад в них — до 780. Однако такие бригады носили

---

² КПСС в резолюциях... ч. II, изд. 7, стр. 647.

сезонный, временный характер и по выполнении порученного вида или цикла работ распускались.

В то же время во многих колхозах, например, того же Буйнакского района, стали организовывать и постоянные производственные бригады, за которыми закреплялись определенные участки колхозного производства.

Такое положение было характерно не только для Дагестана, но и для многих других краев и областей страны.

Центральный Комитет ВКП(б) изучил вопрос о постоянных производственных бригадах и в своем постановлении за февраль 1932 года «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» отметил, что постоянная производственная бригада является основной формой организации труда в колхозах. За бригадой закреплялись необходимые участки земли и сельскохозяйственный инвентарь, устанавливался его определенный состав. В целях лучшей расстановки сил и наиболее полного использования орудий производства внутри бригад были организованы звенья.

Внедрение социалистических методов организации и оплаты труда сыграло исключительно большую роль в дальнейшем развитии колхозного строя, в улучшении колхозного производства, в росте доходов колхозников. Например, в Буйнакском районе благодаря этому валовой доход колхозов увеличился более чем в два раза, а доход колхозников — почти в полтора раза. Примечательны следующие факты. Если в 1930 г. каждый колхозник в Буйнакском районе трудился в колхозе в среднем 70 рабочих дней, то в 1931 г., когда стал вводиться социалистический принцип оплаты по труду, каждый колхозник выработал в среднем 153 трудодня. Значительно вырос и вес трудодня. В 1930 г. на один рабочий день колхозник получил 2 кг хлеба и 1 руб. деньгами, а в 1931 г. — 4,5 кг хлеба и 2 руб. 74 коп. деньгами. Это еще раз свидетельствует о том, что организация производства на социалистических основах и распределение продуктов в соответствии с количеством и качеством вложенного труда создавали материальную заинтересованность в развитии общественного хозяйства и способствовали укреплению колхозного строя.

Одной из наиболее серьезных проблем, которая стояла перед партийной организацией, колхозами и всеми

трудящимися Дагестана в реорганизационный период, было обобществление продуктивного скота. С самого начала процесс коллективизации крестьянских хозяйств и процесс обобществления поголовья скота развивались неравномерно. Например, в конце 1930 г. число хозяйств, объединенных в колхозы, достигало 9 проц., а количество обобществленного скота — лошадей 4,2 проц., крупного рогатого скота — 1,2 проц., овец и коз — 3 проц. и т. д.

Вплоть до 1931 года продуктивный скот, хотя и находился в общественном стаде, за неимением общественных скотных дворов и необходимого запаса кормов содержался у колхозников. В значительной мере это было следствием того, что колхозы еще не выработали формы ведения общественного животноводства.

Пользуясь этим, кулаки и подкулачники вели агитацию против обобществления скота, призывали крестьян резать скот, но не отдавать его в колхозы. Кулацкая агитация, начавшаяся в связи с массовым колхозным движением, продолжалась и в последующие годы. Сами кулаки путем убоя и разными другими путями разбазаривали свой скот. Если учесть, что в связи с национализацией земли и решительной земельной политикой в пользу бедняcko-середняцких масс кулак «ушёл» в животноводство и сосредоточил в своих руках более трети всего поголовья скота, то понятно, какой урон был нанесён животноводству вследствие его провокационных действий. Сокращение поголовья скота, начавшееся осенью 1929 г., продолжалось и в последующие два года. С 1929 по 1932 год поголовье лошадей сократилось с 92,3 тыс. до 87,4 тыс., овец и коз — с 2801,5 тыс. до 1624,4 тыс., крупного рогатого скота — с 722 тыс. до 589 тыс. и т. д.

Конечно, такое сокращение поголовья скота нельзя объяснить только классовой борьбой. Тут сказались и другие немаловажные причины, как организационно-хозяйственная слабость колхозов, неполадки в организации и оплате труда, уравниловка в распределении продуктов и т. д. Все это подрывало материальную заинтересованность колхозника в развитии колхозного животноводства и в конечном итоге сказывалось на хозяйственном состоянии колхозов. Поэтому, чтобы остановить сокращение поголовья скота и добиться перелома в развитии общественного животноводства, необходимо было, наряду с решительной борьбой против кулачества,

найти такие формы развития общественного животноводства, которые наилучшим образом обеспечивали бы как общественные интересы всех колхозников, так и личные интересы каждого колхозника. Эта проблема была общей для колхозного строя всей страны.

В передовых колхозах в качестве такой формы общественного животноводства практиковалась товарная ферма.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) поддержали этот опыт передовых колхозов страны и в своем решении от 30 июля 1931 года «О развертывании социалистического животноводства» указали, что на нынешней стадии развития коллективного хозяйства колхозная товарная ферма является лучшей формой общественного животноводства.

Решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) сыграло исключительно большую роль в развитии общественного животноводства в Дагестане. Уже к концу 1931 г. в республике было создано 196 товарных ферм, в которых насчитывалось 167 514 голов скота и 42 000 птицы.

Внедрение социалистических методов организации и оплаты труда, организация товарных ферм и решительная борьба против кулачества дали свои плоды. В 1932 году удалось остановить сокращение поголовья скота, а с 1933 года начался новый подъем всего животноводства в целом. Причем происходил главным образом рост общественного стада³. Так, с 1932 по 1934 гг. при общем росте поголовья овец у единоличного сектора даже несколько сократилось, а общественное стадо выросло почти в два раза. Удельный вес социалистического сектора в овцеводстве с 11,9% в 1931 г. вырос до 45,3% в 1934 году. То же самое и с другими видами скота. Этот рост общественного скота происходил двумя путями — за счет естественного прироста стада и за счет нового притока крестьянских хозяйств в колхозы.

Большую роль в успешном развертывании колхозного движения сыграли машинно-тракторные станции (МТС). В Дагестане, как уже отмечалось, первые тракторы появились в 1923—1924 году. Накануне коллективизации их насчитывалось уже 164, из них 67 в колхозах,

---

³ Животноводство СССР за 1916—1938 гг., М.—Л., 1940 г., стр. 158.

а остальные в совхозах, кооперативных товариществах и комитетах крестьянской взаимопомощи. Приобретались тракторы на государственные кредиты и использовались для обработки земельных участков членов колхоза, товарищества или комитета крестьянской взаимопомощи. В тот период, когда сельскохозяйственное машиностроение у нас только развертывалось и страна в значительной степени удовлетворяла свои нужды за счет импорта, Советское государство не имело возможности обеспечить каждое товарищество, каждое производственное объединение, каждое земельное общество всеми необходимыми средствами производства. Поэтому существующие формы машиноснабжения неизбежно приводили к распылению и нерациональному использованию имеющейся техники. Например, машинное товарищество «Свой труд» станицы Бороздинская Шелковского района объединяло всего 13 хозяйств и имело лишь 26 десятин земли. Несмотря на это, у него был собственный трактор и много другой техники. А сельскохозяйственная артель «Красный партизан» Кюринского округа, объединявшая свыше двухсот хозяйств с 520 дес. земли, не имела не только трактора, но вообще никакого сельскохозяйственного инвентаря. Сельскохозяйственная артель «Луч культуры» Дербентского района для обработки 108 дес. земли приобрела на государственные кредиты трактор, 13 двухлемешных плугов, 4 сеялки, 6 борон, 2 косилки, конные грабли и т. п., а рядом другая артель для обработки 60 десятин земли имела всего 1 плуг и одну лошадь.

Одновременно опыт показал, что не только индивидуальное крестьянское хозяйство, но и мелкое производственное объединение оказалось не в состоянии полностью и квалифицированно использовать такую мощную высокопроизводительную машину, как трактор, и обеспечить его необходимым техническим обслуживанием. В сельхозартелях «Путь к социализму» и «Бедняк» Дербентского района за два месяца работы 4 трактора «Фордзон» из-за отсутствия топлива и запасных частей, неумелого разбора трактора во время ремонта вынуждены были сделать 146 простоев — это в два раза больше нормы. Кроме того, было сделано 857 км холостых пробегов, которые обошлись артелям во столько, во сколько обошлась бы обработка 71 га пашни.

Таким образом, очевидно, что в условиях слабой обеспеченности сельского хозяйства техникой и энергетическими ресурсами сложившиеся до того формы машиноснабжения и машиноиспользования были неудовлетворительными. Несмотря на огромную роль, которую сыграли тракторы в производственном объединении крестьян, они использовались совершенно недостаточно и нерентабельно, в результате чего многие товарищества не могли оплатить даже те льготные кредиты, которые были предоставлены им Советским государством на приобретение тракторов.

Большим шагом вперед в деле использования тракторов и другой сложной сельскохозяйственной техники было создание в Дагестане прокатных пунктов и особенно тракторных отрядов и тракторных колонн. Это намного улучшило техническое обслуживание тракторов и резко сократило непроизводительные расходы, сделав рентабельным использование тракторов. К весне 1930 г. были организованы 22 тракторные колонны, которые заключали договора с сельскими обществами на проведение определенного комплекса сельскохозяйственных работ. Договор предусматривал создание из индивидуальных участков более или менее обширных массивов земли для тракторной обработки. Тем самым тракторная колонна играла в высшей степени революционную, преобразующую роль, облегчая крестьянам переход к общественной обработке земли, повышая производительность труда и урожайность культур. В районах, обслуживаемых тракторными колоннами, постепенно прекращалась сдача в аренду земли и кабальный наем сельскохозяйственного инвентаря.

В то же время в работе тракторных колонн и первых МТС были большие трудности, которые особенно остро стали ощущаться в период развертывания массового колхозного движения.

В 1928—1929 гг. предполагалось передать тракторные колонны и МТС колхозам или группе колхозов. Однако практика показала, что у колхозов и кооперативных объединений нет достаточного опыта и средств для бесперебойного их обслуживания и снабжения. К тому же кооперативные и колхозные колонны и МТС тех лет состояли в основном из старых, изношенных, маломощных тракторов, которые надо было срочно заменить более

мощными, современными. А это было не под силу не только отдельным колхозам, но и их объединениям. Кроме того, были еще условия, которые необходимо было учесть при определении дальнейшей судьбы тракторных колонн и МТС — это, во-первых, обеспечение руководства колхозным движением со стороны рабочего класса и, во-вторых, организация колхозного производства, которая наилучшим образом сочетала бы общественные интересы в целом с интересами отдельного хозяйства. Добиться этого можно было только путем сохранения государственной собственности на основные средства производства — землю и машины. Поэтому, исходя из опыта деятельности тракторных колонн и первых МТС, партия решила сделать МТС и тракторные колонны государственной собственностью. В МТС партия нашла наиболее рациональную форму соединения государственной индустрии с обобществленным сельским хозяйством. Через МТС Советское государство получило возможность руководить колхозным строительством и наладить крупное социалистическое производство в земледелии.

МТС в Дагестане были созданы в начале 1931 г. По постановлению СНК ДАССР от 3 февраля 1931 года к весне того же года было организовано пять МТС: Ачикулакская, Кизлярская, Хасавюртовская, Буйнакская и Берикейская. Они объединили 178 тракторов (из них 90 новых) общей мощностью 2290 лошадиных сил⁴. МТС были созданы в равнинных зерновых районах и сыграли огромную роль в развертывании колхозного движения, на практике демонстрируя преимущества крупного коллективного хозяйства. Уже в период весенне-полевых работ 1931 г. МТС обслуживали 212 колхозов из 324⁵. Машинно-тракторные станции вспахали и засеяли 71 867 га колхозной земли. В колхозах, обслуживаемых МТС, на одно хозяйство было вспахано и засеяно 3 га, почти в три раза больше, чем в индивидуальном, и на треть больше, чем на одно коллективизированное хозяйство в среднем по всему Дагестану. Плановое задание было перевыполнено по всему колхоз-

---

⁴ Основные статистические показатели по сельскому хозяйству Дагестанской АССР, стр. 9.

⁵ Там же.

ному сектору. Весной 1931 г. наблюдался новый мощный подъем колхозного движения в ДАССР. К 20 мая 1931 г. число коллективизированных хозяйств с 16 040 выросло до 30 154 (17,6 проц.), колхозов — с 485 до 686, а среднее число хозяйств в них с 33 до 44. Особенно большие успехи были достигнуты в зерновых районах. В период весенне-полевых работ здесь процент хозяйств, вступивших в колхозы, вырос вдвое и составил 39,9%. Еще более значительными были успехи в районах, обслуживаемых МТС. Так, в Ачикулакском районе число коллективизированных хозяйств с 11,6 выросло до 42,9 проц., в Хасавюртовском — с 7,5 до 40,5 проц., в Буйнакском — с 19,6 до 54,1 проц. и т. д.⁶

Осенью 1931 г. производственное обслуживание колхозов МТС получило еще больший размах. Объем тракторных работ с 71 867 га весной 1931 года вырос к осени этого же года до 119 тыс. га⁷.

В обслуживаемых колхозах 50 проц. всех пахотных работ было выполнено машинно-тракторными станциями. В результате в колхозы вступило еще 8 с лишним тысяч крестьянских хозяйств. В конце 1931 года колхозы в целом по Дагестану объединяли уже 21,5% всех крестьянских хозяйств. В зерновых районах в колхозы вступило 43,6 проц. всех хозяйств.

Переломным годом в развитии МТС в Дагестане был 1932 год. К весне этого года было создано еще 6 МТС. Для них было завезено 133 трактора. Следует отметить, что только 36 из них были привезены из-за границы, остальные были сделаны на советских тракторных заводах. Это значит, что сельское хозяйство страны стало прочно опираться на социалистическую промышленность СССР. Значительно увеличилась также средняя мощность трактора. С 10 л. с. в 1929 г. она выросла до 14 л. с. в 1932 г.⁸ Всего в 11 МТС в 1932 году насчитывалось 293 трактора общей мощностью в 4025 лошадиных сил. Благодаря этому число колхозов, обслуживаемых МТС, с 260 в конце 1931 года (32,2%) выросло до 399 (51,6%) в 1932 году, степень механизации пахотных работ повысилась с 50 проц. до 77 проц.

⁶ Там же, стр. 5.

⁷ Статистико-экономический справочник по ДАССР, Ростов-на-Дону, 1933, стр. 138—139.

⁸ Там же, стр. 139; 10 лет соц. строительства в ДАССР, стр. 57.

Коренные изменения произошли и в порядке распределения тракторов. Как уже отмечалось, до организации в Дагестане МТС тракторы приобретались на свои средства различными кооперативными и общественными организациями и коллективными хозяйствами. Однако опыт показал малоэффективность такого распределения сложной техники, особенно тракторов. Поэтому начиная с 1930 года тракторы и другая сложная техника стали сосредотачиваться в МТС — опорных пунктах Советского государства в деревне. Это позволило наиболее эффективно использовать машинный парк МТС и усилить руководящую роль Советского государства в колхозном строительстве. Одновременно благодаря концентрации техники МТС превратились в мощный источник товарного хлеба для государства.

В последующие годы партия и Советское государство неустанно заботились о дальнейшем расширении и укреплении материально-технической базы МТС в Дагестане. Число тракторов в МТС с 371 (в переводе на 15-сильный) на начало 1933 года выросло до 497 в конце того же года. В 1934 году их было 591, в 1935—678, в 1936 — 786, т. е. за 4 года число тракторов более чем удвоилось. Мощность тракторного парка за это же время выросла почти в три раза, а объем тракторных работ в переводе на мягкую пахоту с 68 038 вырос до 522 191 га, т. е. почти в восемь раз.

Начиная с 1932 года резко усиливается снабжение МТС Дагестана и другой сложной техникой: комбайнами, молотилками, культиваторами, тракторными сеялками, автомашинами и т. д. Например, в конце 1932 г. было 4 комбайна, а к 1937 году их насчитывалось уже 124; автомашин соответственно — 5 и 85 и т. д. Число МТС было доведено до 21. В результате к концу реконструктивного периода полевые работы в Дагестане были значительно механизированы. К 1937 году в среднем по Дагестану вспашка была механизирована на 81 проц., молотьба на 78 проц., посев на 31% и уборка на 31%.

Увеличение количества МТС и укрепление их материально-технической базы привели не только к росту объема тракторных работ, но и к резкому улучшению земледелия, росту урожайности сельскохозяйственных культур. Например, с 1934 по 1937 год урожай озимых хлебов с 1 га вырос почти на 3 центнера, а урожайность

озимого ячменя в два с лишним раза. Эти успехи были обусловлены преимуществами крупной социалистической системы хозяйства.

Однако следует иметь в виду, что почти на всех этапах борьбы за победу колхозного строя машинно-тракторные станции и вообще вся сложная сельскохозяйственная техника были сосредоточены в равнинных зерновых районах республики. В горных животноводческих районах в силу географических условий и террасного земледелия эта техника, предназначенная для полеводства, не могла быть использована. Здесь почти не было угодий, доступных тракторной обработке. Наряду с другими особенностями, это обстоятельство явилось причиной того, что коллективизация горных районов и равнинных разворачивалась крайне неравномерно.

Новым этапом развития колхозного строя в ДАССР стал II Всесоюзный съезд колхозников-ударников, открывшийся 11 февраля 1935 года в Москве. От Дагестана в работе съезда приняли участие председатель колхоза сел. Андрейаул Хасавюртовского района А. Абакаров, чабан колхоза сел. Буглен Буйнакского района А. Заирбеков, колхозник-ударник из сел. Обох Гунибского района М. Урусиллов, С. Лихов — представитель колхоза «Восход» Шелковского района и др.

Съезд собрался для того, чтобы подытожить и закрепить весь богатый опыт по организации крупного социалистического сельского хозяйства и выработать новый Устав сельскохозяйственной артели.

Дело в том, что примерный Устав сельскохозяйственной артели 1930 года был разработан на заре массового колхозного строительства, когда не было еще достаточного опыта в создании крупного социалистического земледелия, когда не было четкого представления о формах организации, учета и оплаты труда в колхозах. Примерный Устав говорил об условиях, на которых могли объединяться крестьяне-единоличники, но не определял задачи, которые должны были лечь в основу организации общественного производства в колхозах. Между тем, за четыре с лишним года, прошедших со времени утверждения примерного Устава, колхозы накопили богатый опыт в организации и ведении крупного коллективного хозяйства. Поэтому Устав 1930 года уже устарел и не соответствовал тому уровню, которого достиг колхозный строй.

После всестороннего, тщательного обсуждения 17 февраля 1935 года II съезд колхозников-ударников единогласно одобрил новый Устав сельскохозяйственной артели. Он состоял из восьми основных разделов: цели и задачи сельскохозяйственной артели и ее правления; членство; средства артели; организация, оплата и дисциплина труда; управление делами артели. Устав провозгласил: «Колхозный путь, путь социализма, есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян».

В целях укрепления и развития коллективного хозяйства по Уставу земля была закреплена за артелью для бессрочного пользования и не подлежала ни купле-продаже, ни аренде. Были также установлены нормы приусадебного участка.

Устав провозгласил демократический принцип выборности всех органов сельскохозяйственной артели и их подотчетности общему собранию колхозников.

Таким образом, новый Устав обобщил весь богатый опыт колхозного строительства, сформулировал основные положения, определяющие жизнь и деятельность сельскохозяйственной артели, и закрепил основные принципы внутриколхозной демократии. Новый Устав сельскохозяйственной артели сыграл исключительно большую роль в дальнейшем укреплении и развитии колхозного строя ДАССР.

Как уже отмечалось, в реорганизационный период в Дагестане развертывались две формы крупного коллективного хозяйства — сельскохозяйственная артель в равнинных земледельческих районах и простейшее производственное объединение по совместному выращиванию скота в горных животноводческих районах. Накануне II съезда колхозников-ударников сельхозартели объединяли 29,1 проц. всех хозяйств, а простейшие объединения по совместному выращиванию скота — 15,3 проц., а в целом 44,4 проц. хозяйств. После II съезда колхозников в Дагестане повсеместно началась борьба колхозного актива за переход на новый Устав сельскохозяйственной артели. Партийная организация развернула широкую разъяснительную работу среди бедняцко-середняцких масс. Новый Устав явился также могучим рычагом в деле реконструкции сельского хозяйства в горах. В течение 1935—1936 гг. почти все простейшие производственные объединения перешли на Устав сельхоз-

артели. Вместе с тем, по всей республике начался новый подъем колхозного движения. Благодаря этому к концу 1936 года коллективизация сельского хозяйства в основном была завершена. 1242 колхоза объединили 147 279 крестьянских хозяйств, или 80,3 проц. всех хозяйств.

Равнинные районы были коллективизированы на 91,2 проц., горные — на 75,1 проц. После принятия Устава еще больше поднялась производственная активность широких масс колхозного крестьянства. Развернулась борьба за то, чтобы сделать колхозы Дагестана большевистскими, а жизнь колхозников зажиточной. В этой борьбе выдвинулся целый ряд мастеров высоких урожаев, передовиков колхозных полей. В результате всего этого значительно улучшилось организационно-хозяйственное состояние большинства колхозов, выросло среднее число трудодней на одного колхозника, увеличился средний доход на один колхозный двор, резко возросли основные средства производства в колхозах. Так, в колхозах десяти районов Дагестана в 1934 г. было выработано в среднем на одного трудоспособного колхозника 146 трудодней, а в 1935 г. — 178. Денежные поступления на одного трудоспособного в 1934 г. равнялись 223 руб., а в 1935 г. — 435 руб. Основные средства производства в колхозах в пересчете на одно хозяйство с 675 руб. выросли до 836 руб. Ярким показателем организационно-хозяйственного укрепления являются неделимые фонды. С 1,2 млн. руб. в 1934 г. они выросли до 13,5 млн. в 1937 году⁹.

Рост общественного хозяйства колхозов республики сопровождался ростом благосостояния и колхозников. Если на 1 января 1935 г. в колхозах республики было 20 проц. хозяйств без всякого скота, то в 1936 году эта цифра уменьшилась до 11,9 проц., число безовечных хозяйств соответственно — с 72 до 59,9 проц., бескоровных с 37,8 до 29,1 проц. При этом надо отметить, что в 1935 г. по сравнению с единоличными хозяйствами обеспеченность колхозов скотом была значительно хуже, а в 1936 году картина резко изменилась в пользу колхозников. Так, единоличников без всякого скота стало 16,1 проц. против 11,9 проц. колхозников, без коров — 33,6 проц. против 29,1 проц. и без овец — 65,4 против 59,9 проц.

---

⁹ «Дагестанская правда», 15 февраля 1938 г.

Таким образом, принятие II Всесоюзным съездом колхозников-ударников Устава сельскохозяйственной артели имело для Дагестана, как и для всей страны, исключительно большое значение. Если в целом по стране Устав закрепил достижения колхозного строя, то для Дагестана опыт, обобщенный в Уставе, послужил новым мощным толчком к завершению колхозного строительства, новым этапом в организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Вместе с тем, при переводе коллективных хозяйств горных и предгорных районов на Устав сельскохозяйственной артели были допущены серьезные извращения, которые делали общественное хозяйство подсобным придатком личного хозяйства. Так, по постановлению СНК ДАССР бюро Дагестанского обкома ВКП(б), Северо-Кавказского крайисполкома и Крайкома ВКП(б) «О мероприятиях по выработке, обсуждению и принятию колхозами уставов сельскохозяйственной артели по Дагестанской АССР» для хозяйств колхозников 26 горных районов были установлены завышенные против Устава нормы по количеству скота для личного пользования. Хотя в Уставе четко говорилось, что в районах некочевго или полукочевго животноводства, где земледелие имеет небольшое значение, каждый колхозный двор может иметь в личном пользовании от 4 до 5 коров и, кроме того, молодняк; от 30 до 40 овец и коз вместе; от 2 до 3 свиноматок с приплодом; неограниченное количество птицы и кроликов; до 90 ульев, а также по одной лошади, или по одной кумысной кобыле, или по два верблюда, или по два осла, или по 2 мула,—вышеназванное постановление разрешало дополнительно к этому иметь в личном хозяйстве одну лошадь и два осла или два горских быка и два осла. Больше того, по этому постановлению вся земля в горных и предгорных районах была отнесена к террасной и оставлена в личном пользовании колхозных дворов¹⁰. Таким образом, в горах земля, инвентарь и рабочий скот не были обобществлены и находились в личном пользовании колхозников. Поэтому удельный вес обобществленного хозяйства во владении средствами производства был невелик и не играл решающей роли

---

¹⁰ «Дагестанская правда», 2 июня 1935 г.

в экономике этих районов. Такое положение сохранялось вплоть до 1939 г. 26 февраля 1939 года после тщательной проверки СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов ДАССР». Постановление отметило, что в результате нарушения Устава сельхозартели колхозы горного Дагестана фактически остались без средств производства, а все земли горных и предгорных районов как террасные, так и нетеррасные оказались в личном пользовании. При этом, конечно, сохранялась и неравномерность в ее распределении. Вследствие этого в горах очень слабо внедрялась механизация, хозяйство велось по старинке на основе примитивной техники.

Партия и советское правительство призвали коммунистов и всех трудящихся республики как можно быстрее поправить сложившееся положение и ликвидировать факты нарушения Устава сельхозартели.

Партийная организация республики при поддержке широких колхозных масс приняла решительные меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Прежде всего, в соответствии с примерным Уставом сельхозартели было проведено дообобществление земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря в колхозах горного Дагестана. Уже в течение первых трех месяцев, истекших после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, посевные площади горных колхозов выросли в пять раз, на 68 проц. увеличилось количество лошадей, в 3,2 раза количество рабочего скота.

Благодаря этому обобщественное хозяйство окрепло и стало играть ведущую роль в экономике горных районов, значительно укрепилась их производственная база.

Одновременно в ходе борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов была завершена сплошная коллективизация сельского хозяйства Дагестана. В 1940 году 1170 артелей объединяли 175,5 тысячи, или 97,5 проц., всех крестьянских хозяйств Дагестана¹¹. Им принадлежало 95,5 проц. всех посевов и 95 проц. всего скота¹². В колхозах работало 1175 тракторов, 265

---

¹¹ Советский Дагестан за 40 лет. Статистический сборник, Махачкала, 1960 г., стр. 27.

¹² Там же, стр. 32, 65.

комбайнов и 555 автомашин¹³. Посевные площади выросли с 256,8 тыс. га до 406,4 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота — с 513 тыс. в 1916 году до 543 тыс. в 1940 году, овец и коз — с 1626 тыс. до 2190,2 тыс. Это были достижения крупного социалистического сельского хозяйства.

Таким образом, социалистический уклад в сельском хозяйстве Дагестана, как и в промышленности, восторжествовал окончательно и безраздельно. Сбылись пророческие слова В. И. Ленина о том, что с помощью русского рабочего класса народы отсталых окраин бывшей царской России осуществят переход от докапиталистических отношений к социалистическим, минуя капиталистическую стадию развития.

---

¹³ Там же, стр. 84.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многолетний опыт подтвердил великую жизненную силу ленинского кооперативного плана и преимущества крупного коллективного хозяйства, организованного на социалистических принципах. Особенно ярко эти преимущества проявились в годы Великой Отечественной войны. Колхозы и совхозы в трудных условиях военного времени обеспечили снабжение армии и населения продовольствием, а промышленности — сырьем.

Нынче колхозный строй переживает новый этап в своем развитии. Особенно большую роль в развитии сельского хозяйства сыграли решения XXIII съезда КПСС, мартовского (1965 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС. Повышение закупочных цен, установление заранее определенных планов явились стимулом для дальнейшего роста производительных сил деревни.

В ходе социалистического строительства были преобразованы не только производственные отношения в ауле. В корне реконструирована и техническая база социалистического сельского хозяйства. Сошлемся на статистические данные:¹

Годы	Всего тракторов (в переводе на 15-сильные)	Всего ком- байнов	Из них са- моходных
1941	1409	302	—
1951	2167	346	—
1967	13973	1632	1416

¹ 50 лет ДАССР, стр. 32.

Рабочий скот — единственная тягловая сила, которую знал горский труженик до революции, — решительно вытеснен трактором и автомашиной, на смену вековому серпу пришел комбайн, а соха стала музейной редкостью.

В сельском хозяйстве республики сейчас работает свыше 5 тыс. специалистов с высшим и специальным средним образованием. Сложную и многообразную технику обслуживают десятки тысяч механизаторов — трактористов, комбайнеров, шоферов и др.

Благодаря этому в развитии сельскохозяйственного производства произошли большие перемены: посевные площади с 256,8 тыс. га в 1913 г. выросли до 466,7 тыс. га в 1966 г., поголовье крупного рогатого скота — с 389,6 тыс. до 729 тыс., а поголовье овец — с 2600 тыс. до 3237 тыс. Однако цифры о количественных изменениях не передают всей полноты качественных изменений, которые произошли в сельскохозяйственном производстве за эти годы. В процессе социалистического переустройства хозяйство из малопродуктивного, полунатурального, экстенсивного превратилось в высокотоварное и интенсивное, малопродуктивное стадо заменено высокопродуктивным и породным. В этой связи следует обратить внимание на данные о развитии овцеводства. Если сравнить приведенные выше цифры о количестве овец до революции и в наши дни, то невольно может возникнуть мысль об отставании овцеводства от других отраслей сельскохозяйственного производства. Кстати, такая мысль бытует и среди специалистов сельского хозяйства. А некоторые из них, исходя из того, что в отдельных аулах овец до революции было больше, чем сейчас, высказывают даже сомнения: а превзошли ли мы дореволюционный уровень по поголовью овец? При этом они целиком исходят из механического сопоставления цифр без учета изменения характера хозяйства и роста подвижности населения. Между тем известно, что до революции овцеводство носило полунатуральный характер и было экстенсивным, а сейчас овцеводство — одна из наиболее высокотоварных отраслей сельского хозяйства. Следовательно, приверженцы этой мысли не берут в расчет такой важнейший фактор интенсификации животноводства, как движение или «оборачиваемость» поголовья в отаре. В условиях преобладания меновой торгов-

ли и полунатурального хозяйства, естественно, овца находилась в отаре в два, а то и в три раза дольше, чем сейчас. Это означает, что нынче на тех же площадях и за то же время выращивается, по существу, в два, а то и в три раза больше поголовья и надо только сожалеть, что эта проблема до сих пор не привлекла внимания специалистов-экономистов.

Сказанное свидетельствует о том, что материально-техническая база социалистического сельского хозяйства и социальное лицо колхозного аула за годы социалистического строительства претерпели коренные изменения. Эти изменения сделали настоятельно необходимым дальнейшее совершенствование организационно-хозяйственных основ коллективного производства.

Обсуждению характера этих изменений и дальнейшему совершенствованию организационно-хозяйственных основ коллективного производства был посвящен III Всесоюзный съезд колхозников, собравшийся в конце ноября 1969 года.

Съезд констатировал, что создание колхозов в корне изменило весь уклад сельской жизни и объединение крестьян в колхозы означало торжество социалистической системы сельского хозяйства. Благодаря успешному развертыванию индустриализации удалось создать новую материально-техническую базу в деревне, оснастить колхозы и совхозы современными машинами. Теперь колхозам и совхозам принадлежит решающая роль в производстве и снабжении страны всеми продуктами земледелия и животноводства.

Серьезные изменения произошли и в области общественных отношений. Колхозная собственность прочно утвердилась в качестве одной из двух форм социалистической собственности. Причем в результате повышения уровня обобществления и серьезных качественных изменений в неделимых фондах и в распределении доходов эта форма собственности все больше и больше приближается к общенародной².

Поэтому многие положения Устава, утвержденного II съездом колхозников-ударников еще в 1935 году, уже перестали соответствовать возросшему уровню развития производительных сил сельского хозяйства и харак-

---

² См. «Правда», 26 ноября 1969 г.

теру производственных отношений в деревне. Поэтому было признано необходимым разработать новый примерный Устав колхоза. После всестороннего всенародного обсуждения III Всесоюзный съезд колхозников единодушно одобрил этот новый Устав.

На съезде отмечалось, что главной отличительной чертой нового Устава является то, что он создает правовые предпосылки для повышения уровня обобществления в сельском хозяйстве, для дальнейшего сближения колхозной собственности с общенародной и всемерного развития и укрепления колхозной демократии.

Если Устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников, ставил задачу обеспечить победу социалистических форм ведения сельского хозяйства, преодолеть нужду, отсталость и добиться лучшей жизни для колхозного крестьянства, то новый Устав отражает курс партии на ускорение темпов развития социалистического сельского хозяйства, на дальнейшее повышение активности колхозного крестьянства в коммунистическом строительстве, на более полное удовлетворение потребностей трудящихся³.

---

³ Там же.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Османов Гамид Османович

О 74   **Аграрные отношения в Дагестане
в период строительства социализма.**
Махачкала, Дагкнигоиздат, 1970.
212 стр.

9(С 16 Даг)

Редактор Н. С. Алиева. Худож. редактор В. Ф. Логачев.
Техн. редактор М. Ю. Хапукеев. Корректор А. Г. Гасанова.

Сдано в набор 16.IX-1970 г. Подписано в печать 26.XI-1970 г.
Форм. бум. № 2 84×108¹/₃₂. Бум. л. 3,31. Печ. л. 6,625. Усл. печ. л. 11,13.
Уч.-изд. л. 10,72. С 04507. Тираж 2000. Цена 64 коп. Переплет 15 коп.

Дагестанское книжное издательство Управления по печати при
Совете Министров ДАССР, Махачкала, ул. Маркова, 55. Зак. 1145.

Типография им. С. М. Кирова Управления по печати при Совете
Министров ДАССР, Махачкала, ул. Маркова, 51.